Анатолий Крейдич

Анатолий Климец. Жизнь и судьба

Сага о настоящем человеке

Донецк
Новый свет
2005

ПРОЛОГ

Целую неделю город Брест и его окрестности поливал дождь. На некоторое время он прекращался, но небо все равно оставалось хмурым и не предвещало погожих дней. Пеленою тумана покрылись многоэтажки, громоздкие индустриальные кварталы, низкие, утопающие в зелени кварталы индивидуальной застройки, Брестская крепость-герой с пронзающим серую пелену стометровым штыком, церкви, вокзалы, некогда шумный, а с определенного времени совершенно безлюдный аэропорт в десятке километров к востоку от областного центра и лесной массив к северо-востоку, издревле именуемый Беловежской пущей.

Неожиданно над городом, пущей, аэропортом блеснул луч солнца. Сверкнул он и на острие титанового штыка в Брестской крепости.

Ближе к обеду тучи растаяли, и в чистом небе появился самолет. Давно аэропорт “Брест” не принимал воздушных лайнеров. Строился он как международный аэропорт, но с распадом СССР оказался невостребованным. Если он и обслуживал самолеты, то пока только один рейс в неделю: из Калининграда и на Калининград. И то с недавнего времени. Это происходило в самом начале сентября 2003 года.

Пассажирский лайнер Киевских авиалиний, принесший на Брестчину солнечную погоду, приземлился, и из него высыпали взрослые и дети. Большая семья. На вопрос таможенника “Цель прибытия?” последовал ответ: “В гости”.

Пассажиры в самом деле прибыли чартерным рейсом погостить. Крупный бизнесмен из Донецка Павел Анатольевич Климец вместе с детьми, женой, мамой, сестрой. И главная их цель – поклониться могилам предков.

История этой семьи – отображение эпохи. Даже двух эпох: от создания СССР до его развала и до дня сегодняшнего.

Дедушка Павла – тоже Павел. Павел Антонович Климец. Он был первым председателем первого на территории Ровбицкого сельсовета (Пружанский район, Брестчина) колхоза имени Максима Горького, который сам же в 1949 году организовывал. Все свои представления о лучшей жизни он связывал с установлением в Западной Беларуси Советской власти. Мечтал о ней с юности. С 18 лет, когда начал работать рабочим-столяром в Беловежской пуще. В 19-ть – он уже секретарь Беловежско-Криницкого подпольного райкома Коммунис-

тического Союза Молодежи Западной Беларуси. В 21 – член Коммунистической Партии Западной Беларуси.

В 1927-м призывается в Войско Польское. В располагавшемся в Брестской крепости 35-м пехотном полку создал подпольную организацию “Жовнежы-беларусы – за воссоединение с БССР”

Осенью 1928-го он организовывает с группой таких же отчаянных парней, как и сам, побег в Советскую Белоруссию. Ребята проделали путь от Западного Буга, т.е. от Бреста, до Немана. Павел Антонович трое суток просидел в холодной воде Немана у небольшого городка Столбцы. Сидел за прибрежными кустами на границе между Польшей и БССР, между темным прошлым и светлым – он в это верил – будущим. Беглецов искали с собаками. Попытка перехода через кордон для двоих из смелой пятерки оказалась неудачной. Перебежчика-большевика на один год заточили в Брестскую крепость, а затем еще на долгих четыре года – в Белостокскую тюрьму, где в те годы томилась легендарная активистка революционного движения в Западной Белоруссии, впоследствии Герой Советского Союза Вера Хоружая.

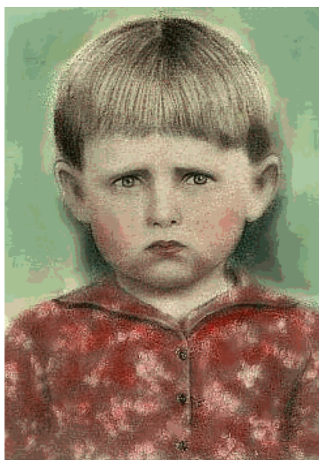
Тогда ему было всего 22 года. В польской тюрьме он приобрел специальность столяра-краснодеревщика. Вернувшись, часто напевал песню: "*Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно. Дни и ночи часовые стерегут мое окно…*"

В 1933-м он вместе с друзьями организовывает забастовку лесорубов Беловежской пущи. В сентябре 1939 года, как только узнал о воссоединении Западной Белоруссии с Восточной, Советской, собрал местных активистов и пошел с ними в соседнее село Сухополь встречать Красную Армию. Ни стяга, ни хотя бы шелковой красной ткани не нашлось, и флаг смастерили из красной наволочки. Дорога, по которой громыхали с Востока на Запад танки, пролегала в нескольких километрах от деревни. Сельчане шли пестрою ватагою, с песнями, с цветами, ветер трепал полотнище…

К этому времени у него уже была семья, подрастал сын Михаил, а семилетнюю дочь Марию похоронили. Ее унесла, как и нескольких ее подружек, неизлечимая тогда инфекционная болезнь - менингит.

И вдруг – война. Она опять забрасывает его в Белосток, в местечко Черновесь. На этот раз вместе с женой и двумя малолетними сыновьями - Михаилом и Анатолием. И не в тюрьму, а в лагерь. Но этот лагерь был, пожалуй, страшнее тюрьмы. Все работали на мебельной фабрике. Жили в немецких бараках. В голоде и холоде. Это было медленное и мучительное умирание. Вырваться отсюда оказалось невозможно, хотя попытки такие предпринимались регулярно.

Надежда появилась, лишь когда на лагерь посыпались бомбы, сброшенные советскими самолетами. Старший сын получил контузию. Младшего вконец измучил грохот – взрывы снарядов и бомб.

Климец Мария (1930-1937)

После освобождения советскими войсками бывший пленник-остарбайтер облачился в солдатскую форму и погнал врага на Берлин. Воевал под Кёнигсбергом.

И все эти годы мечтал об одном: вот вернусь домой – и продолжу строительство новой, лучшей жизни. Той жизни, о которой мечтал, за которую боролся, страдал, с которой связывал будущее своё и своей семьи, земляков, всех людей, живущих в бывшей Западной Белоруссии. Представлял себе, как работают они не на пана, а на великую страну, на общество, на собственное будущее. Как учатся в школе его дети, становятся учеными, инженерами, строителями, как создают своими руками счастье в стране, где все люди равны. Он был полон решимости просвещать людей, рассказывать им о той жизни, которую строит он и тысячи его единомышленников. И к строительству которой должны подключаться все, потому что она – для всех. И она будет лучше той жизни, которой они жили до сих пор.

Так он думал и размышлял. И не было в этих его размышлениях никакой политики, а было простое человеческое стремление к добру и к счастью. Довольно настрадался в молодости.

Это стремление и привез солдат домой, в родную свою деревню Ровбицк тогда еще Шерешевского района. А еще он соскучился по детям, жене, по рубанку, стамеске, запаху стружки и столярному делу.

Вернувшись домой, отстраивал сожженные во время пожара 1943 года жилища крестьян (во время пожара сгорело 70 домов из 500 дворов), потом возглавил первый в своем сельсовете колхоз. Столярничать тоже порывался, но председательские заботы забирали все его время. Ездил по округе в резиновых, собственноручно сработанных лаптях (постолах) да в солдатской шинели, будил крестьян, разгонял дремучий, словно Дикий Никор, вековой сон сельчан. Но не все думали так, как он. Много было и недоброжелателей, тех, кто не хотел расставаться со старым укладом, старыми порядками, наделом земли, особенно если этот надел был немалый.

Недоброжелатели предупреждали, пугали, мстили, а он спешил. Он так выкладывался на работе, что вскоре прослыл самым активным председателем в тогда еще Шерешевском районе. Колхоз начал создавать в 1949-м, а в 1951-м уже укрупнил его и переименовал – с имени Горького на “Путь Ленина”. В 1950-м у него и жены Елены Адамовны (девичья фамилия – Борисевич) рождается третий сын Александр. Старшие дети подросли, они уже видят и начинают осознавать жизнь…

Предупреждение явилось к нему в виде остроугольного камня. В июньскую ночь 53-го в окно председателя влетел большой булыжник. Спавшего на лавке трехлетнего сынишку осыпал стеклянный град. Всхлипнула, склонившись над ним, мать. Испуганно вглядывалась в черную темноту ночи. Кто защитит их? Она одна с детьми дома. Муж – на позднем заседании колхозного правления. Не перешел бы дорогу кто из бандитов. Много их сейчас бродит по лесам да по задворкам. Такие и в хату залезть могут. Мало в войну натерпелись. Теперь вот и войны нет, а мирная жизнь пока так и не наступила. Особенно для них – для семьи председателя колхоза. Тревога растет и растет. Сердце чувствует – где-то поблизости кружит черным вороном несчастье. А тут еще кто-то приколол к двери сельсовета записку: “Павлику – капут!”. Нет покоя чуткому сердцу ни ночью, ни днем.

Но вот хозяин пришел, и уверенности прибавилось. Что для заправского столяра, делающего красивые шкафы, другие столярные изделия и даже дома для сельчан, застеклить окно. Работает – словно песню поёт. Мозолями Павел Антонович заработал на лошадь, и в хозяйстве появилась тягловая сила. Правда, не долго тешился приобретением. Через полгода в 1949-м сдал лошадь в колхоз. Как-

никак, председатель, надо показывать пример. Хотя на сердце было тяжело.

Всего три года поработал он председателем. В 1952-м его избирают секретарем парторганизации и заместителем председателя. Забот прибавилось: хлебозаготовки, коллективизация…

К вечеру 24 июля 1953-го поехал в соседние деревушки Чадель и Приколесь. За неделю до этого его пропесочили в райкоме, мол, по какому праву намерял по 15 соток земли участковому и фельдшеру. Как будто они не знают, что и участковому и медику нужно тоже семьи кормить. А тут еще план хлебозаготовок срывается. С местным населением труднее, нежели с жителями соседних деревень, договориться на предмет коллективизации и сдачи хлеба государству. Решил: надо бы еще съездить, поговорить с людьми. Должно же, наконец, дойти до них, что коллективный труд – это благо, что дороги назад уже не будет. И по хлебозаготовкам план не выполняется. А это сейчас особенно актуально, потому что жатва в разгаре. Жена привыкла к поздним возвращениям мужа, но теперь тревога как никогда крепко сжимала грудь. В полночь спохватилась – нет мужа. Подошла к окну: шум проливного дождя. Ливень глушит все другие звуки. “Видно, непогода его и задержала”.— решила она, но успокоиться не могла.

Ближе к обеду следующего дня ей принесли страшную весть: “Муж трагически погиб во время хлебозаготовок государству. Его нашли в перелеске неподалеку от Ровбицка, в урочище Осадницкая Садовая. Левая сторона головы пробита чем-то тяжелым.”

И понеслась черная весть по округе. Хоронить организатора колхоза, депутата Шерешевского райсовета пришли сотни жителей окрестных селений от мала до велика. Гроб везли на первой колхозной машине. История сохранила для потомков даже ее госномер – БИ 26-72.

От этого потрясения мать так и не оправилась – стала инвалидом. На почве нервного срыва у нее стали отказывать ноги. Младшие дети оказались в детских домах: трехлетний малыш Саша – в Кобринском, а десятилетний подросток Анатолий – в Шерешевском. Через четыре года они встретятся в г. Бресте, в училище №1 радиотехники.

Потом их пути будут сходиться и расходиться.

Самому старшему – Михаилу – суждено будет, отучившись в Могилевском республиканском культпросветучилище и Белорусском Государственном Университете имени Ленина, заведовать библиотекой Ровбицкой школы и местной избой-читальней, возглавлять Ровбицкий сельсовет, работать секретарем Пружанского райкома комсомола,

заведующим отдела пропаганды РК КПБ, заместителем начальника управления культуры Брестского облисполкома, и в конце концов обрести известность историка-краеведа.

Климец Михаил Павлович (род. 02.07.1938 г.)

Младшему – Александру – судьба начертила путь не менее тернистый и не менее насыщенный. Сразу после детдома – Брестское радиотехническое училище, затем Брестский инженерно-строительный институт. Работает телерадиомехаником телевизионного ателье в городе Пружаны, мастером СПМК в г. Капсукас Литовской ССР, старшим инженером управления капитального строительства Брестского облисполкома, инженером, ведущим инженером ОКСа Брестского электромеханического завода. В 2001 году он поступает в аспирантуру при институте философии Академии Наук Республики Беларусь. К этому времени успел издать научные книги “Новая интерпретация теории относительности”, “Физика и философия. Поиск истины”, опубликовать целый ряд научных статей в отечественных и зарубежных физических журналах, поучаствовать в

конференциях по фундаментальным проблемам философии и естествознания. Его научные работы находятся в библиотеках Конгресса США, Национальной академии наук РБ, Академии наук РФ.

Климец Александр Павлович (род. 21.03.1950 г.)

О среднем брате – Анатолии – отдельный разговор. Он – связующее звено не только между братьями, но и между всеми родственниками, а также друзьями, земляками, однокашниками... Да что там – между целыми поколениями и даже эпохами, одну из которых олицетворяет отец Павел, а другую – сын Павел. Об Анатолии Павловиче– вся эта документально-художественная книга.

Это он, Анатолий, доставил на Ровбицкое кладбище большой красивый памятник с высеченным портретом своего отца, которому судьба отвела всего 47 наполненных борьбою героических лет. Привез из Украины, из далекого – до него две тысячи километров – Донецка, где после службы в армии создал семью. Сам же и устанавливал памятник вместе с братьями Михаилом и Александром.

Он каждый год приезжал в эти места и посещал всех родственников, Шерешевский детский дом, где прошло детство, Брестское профессионально-техническое училище №1 (потом оно

много раз переименовывалось, пока не обрело нынешний статус: “Брестский профессионально-технический колледж связи”), где получил профессию радиотелемастера. Всех успевал навестить. А когда был избран генеральным директором Донецкой “Бытрадиотехники”, когда организовал собственный бизнес, еще и помогал многим материально. Как ждали его на родной земле, как радовались все каждому его приезду. А он говорил: “Приезжать сюда – моя внутренняя потребность и мой долг”. Родственники часто вспоминают и еще одну не раз сказанную им фразу: “Мы – дети солнца и должны друг друга согревать”. К сожалению, он тоже рано ушел из жизни – сердце остановилось в 58 лет. В сентябре 2001-го.

Климец Анатолий Павлович (10.01.1943 - 04.09.2001)

Павел Анатольевич Климец, родившийся и выросший в Донецке, значительно расширил переданный ему отцом бизнес и теперь является президентом корпорации “Олимп” и генеральным директором “Бытрадиотехники” . Он – один из самых авторитетных руководителей не только в Донецке, но и во всей Украине. Его труд отмечен Золотой медалью “10 лет независимости Украины”. На родине деда и отца он был один раз в детстве и один раз в юности. И вот в

сентябре, во вторую годовщину смерти отца, вместе с семьей снова навещает родственников в припущанском краю, возлагает к памятникам дедушке и бабушке цветы и в какой-то момент произносит: “Такие встречи надо сделать традиционными”. Он успел здесь обсудить с ответственными работниками облисполкома возможные перспективы сотрудничества со свободной экономической зоной “Брест”, побывать в Брестской крепости-герое и Беловежской пуще.

Климец Павел Анатольевич (род. 23.07.1967 г.)

Деревня Ровбицк расположена совсем рядом с этим громадным лесным массивом. У нее – своя история. Первое письменное упоминание о ней относится к лету 1559 года. В “Ревизии пущ и звериных переходов в бывшем Великом княжестве Литовском”, составленной старостой Рыгором Воловичем по приказу польского короля Сигизмунда Августа, отмечено, что Ровбицкий жребий (т.е.

участок земли) был отдан королем для проживания десяти стрелков лесной стражи с семьями, которые охраняли пущу и занимались подготовкой, организацией королевских охот. Вся история селения неразрывно связана с историей Беловежской пущи, о которой упоминается еще в Ипатьевской летописи.

Дом, где родился Анатолий Павлович, смотрит повернутыми в западную сторону окнами на темную полоску в седой дымке за пустырем – некогда болотом с жутким названием Дикий Никор.

Неодолимо влечет к себе дремучая, таинственная лесная держава. Все родственники – те, что прибыли из Донецка и здешние – стоят на подворье, у яблони, которую в своё время посадил опять же Анатолий Павлович, взрослые и дети с аппетитом откусывают от румяных солнечных плодов и долго всматриваются в вытянувшуюся от горизонта до горизонта полосу леса. “Заповедный напев, заповедная даль...”*

Отсюда, из этих мест, из пущанских криниц, из этой красоты – природной и человеческой – черпал силы и созидательную энергию Анатолий Климец. Черпал для того, чтобы перекинуть мост от поколения к поколению и от одной общественной формации к другой, чтобы сегодня сын мог заказать самолет и навестить проживающих в окрестностях пущи родственников, пройтись по земле предков. Святые чувства и достаток оказались легко совместимыми. Всё зависит от человека. Посмотрите: в династии Климцов все были не только талантливыми организаторами, но и мастеровыми людьми: Павел Антонович вручную изготавливал красивые и добротные шкафы, столы, стулья и другую мебель, Анатолий Павлович много строил, посадил на возведенной им даче большой сад и под каждое деревце провел воду. Павел Анатольевич, несмотря на положение, тоже выполняет любую физическую работу. Когда-то, во второй свой приезд в пущанский край вместе с отцом в 1985 году, бабушка Елена Адамовна сказала, что ей скоро проведут телефонную связь. Правда, связисты всё обещают траншею вырыть от здания сельсовета к ее хате, да всё никак не выроют. Тогда Анатолий Павлович бросился искать лопату, но сын Павел перехватил у него инициативу и сам принялся за работу, да так усердно, что бабушка Елена Адамовна залюбовалась и долго после этого вспоминала, какой трудолюбивый у нее внук. Тяга к труду у него и на генном уровне, и привита родителями. И также гармонично он сочетает в себе чувственность и прагматизм. В этом, наверное, как раз и кроется секрет притягательности Климцов. Казалось бы, в политическом смысле они антагонисты: дед – большевик, а внук – капиталист. Но, если учесть

особенности эпох, этот антагонизм как раз и объединяет их, так как символизирует устремленность в лучшее будущее, строительство светлого завтра собственными руками для всех – себя, людей, страны. Климцы никогда не замыкались на собственном “Я”, не представляли себя вне общества. И это еще одна их отличительная черта.

На могиле Климца Павла Антоновича, отца и деда, в д. Ровбицк Пружанского р-на Брестской области, Белоруссия. Слева направо: Климец Павел Анатольевич (внук), Климец Анатолий Павлович, Климец Михаил Павлович, Климец Александр Павлович (сыновья) (1985 г.)

Пожалуй, теперь самое время открыть имена героев этого повествования:

Павел Антонович Климец – отец Анатолия и его братьев. Родился в 1906 году. На стене давно осиротевшей хаты висит мемориальная доска, текст на которой сообщает, что здесь жил первый председатель колхоза в Ровбицке (1949-1953 гг.).

Елена Адамовна Климец (Борисевич) – мама. Она родилась в 1913 году в деревне Криница, что в нескольких километрах от

Ровбицка, была 13-тым ребенком в семье, поэтому воспитывалась уже мачехой, которую всегда вспоминала добрым словом. Активистка подпольной молодежной организации Западной Беларуси в Беловежской Пуще за воссоединение с БССР, депутат Ровбицкого сельсовета Шерешевского района в 1940 году. Награждена медалями "Партизан Великой Отечественной войны", "Ветеран труда", множеством грамот.

Павел Анатольевич Климец – сын главного героя книги. Президент корпорации "Олимп". Генеральный директор Донецкой "Бытрадиотехники". Один из самых авторитетных и влиятельных руководителей Донецка. Удостоен высшей награды Украины – Золотой медали "10 лет независимости Украины".

Василий Васильевич Рубель – друг детства Анатолия. Дома, где они родились, расположены по соседству в Ровбицке, в непосредственной близости от Беловежской пущи.

Климец (Лифшиц) Стелла Владимировна – жена Анатолия, преподаватель математики в городах Нежин и Донецк.

Лифшиц Владимир Эммануилович – покойный тесть Анатолия, полковник Советской Армии.

Лившиц Владимир Иммануилович

Марина Дричак (Климец)– дочь Анатолия, директор гостиницы "Прага" в Донецке.

Гостиница "Прага" в г. Донецке, Украина

Тёти, дяди, другие родственники, однокашники, просто близкие люди – все они в большей или меньшей степени герои повествования.

Глава первая

<u>Д Е Т С Т В О</u>

(1943 – 1953)

Бесконечная – от горизонта до горизонта – темная полоса в голубой дымке с раннего утра и до позднего вечера перед глазами. Проснулся чуть свет, взглянул в окно – вот она, кажется, совсем близко, рядом. Рано утром эта полоса едва просматривается сквозь туман, выдохнутый простершимся между деревней и пущей болотом. Потом солнце раздвигает штору, и полоса очерчивается отчетливее, и пуща манит таинственностью. Бежал бы туда, бежал... Но даже маленькому ребенку понятно, что на пути – непроходимое болото – Дикий Никор.

Никор, да еще Дикий. Звучит зловеще. Не иначе, самый злобный из языческих богов придумал это гиблое место. Его не назовешь даже трясиной, потому как трясина все же не лишена разнообразия: на ней в изобилии произрастает трава, застыли в самых неожиданных и замысловатых позах деревца, то тут, то там блеснет зеркальце-озерцо. Нет, это совсем другое болото – торфяное. Самое мрачное из всех

болот, которые только существуют на свете. Необозримая равнина неопределенного буро-коричневого цвета, источающая туман и тоску.

Даже лес за этим безжизненным пространством кажется более мрачным, чем он есть на самом деле.

Дикий Никор – это водораздел. Реки и речушки, которые берут здесь свое начало, бегут как на север, так и на юг. Одни несут свои воды в Балтику, а другие – в Черное море.

На самом деле лес вовсе не мрачный. В нём так много нежных белых ландышей. Но обо всём этом Анатолий узнает потом. Он много чего в жизни узнает. Но… потом. А пока…

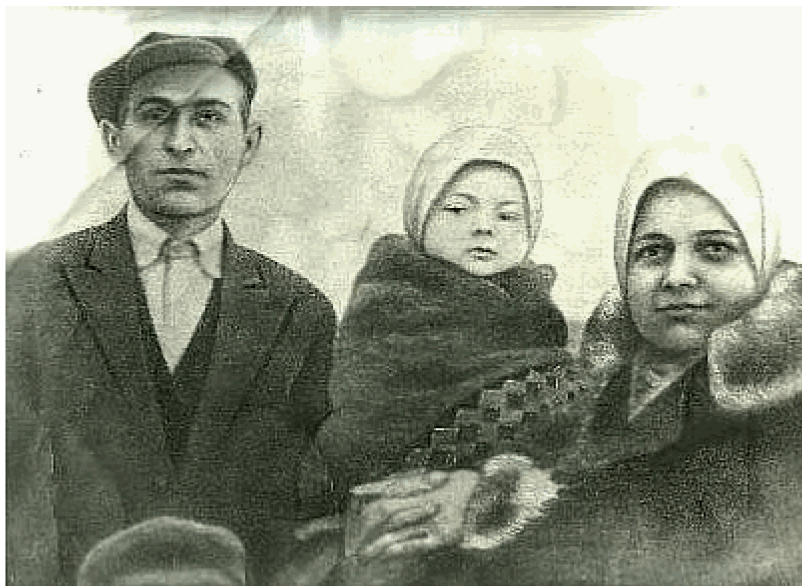
…Мать рожала при помощи сельских повитух, на глазах у Михаила, в деревянной хате в деревне Ровбицк. Стояла суровая зима. Ребенок появился на свет 10 января 1943 военного года. Мальчишка сидел на печи и в своем пятилетнем возрасте еще не понимал, что происходит, но появление ребенка впечатлило сильно, и эпизод запечатлелся в памяти – ярко и отчетливо – навсегда. Взрослые пояснили Михаилу, что теперь у него есть родной брат, и что называть его будут Анатолий.

Он, пятилетний Миша, тогда многого не понимал. Например, почему в последнее время люди стали угрюмыми и неразговорчивыми, и что это за слово такое – “война”, которое все произносят со скорбью и ненавистью. И почему приходили к ним какие-то недобрые люди в непривычной черной одежде и с черепами-значками на фуражках вместе с переводчиком-поляком, привязали к яблоне отца и всё чего-то от него добивались, угрожали пистолетом, хотели убить. Мать каким-то шестым чувством догадалась, что нужно делать, побежала в хату, принесла и показала переводчику-поляку фотографию, где отец был в форме польского солдата (жовнежа), и это спасло ему жизнь. Отца не расстреляли, но дали срок – три дня для сборов в фашистский трудовой лагерь всей семьей.

Почему их вместе с другими сельчанами погрузили в машины и куда-то повезли? Поселили в длинные бараки, кормили какой-то невкусной баландой и заставляли много работать на мебельной фабрике. Однажды надзиратель заметил, как Михаил ест найденные на грядке овощи, и сильно побил голодного подростка.

Маленький брат Анатолий вообще ничего не понимал, потому что в лагерь его везли в месячном возрасте. Он лишь плакал от голода и холода. И мама с отцом ничем не могли помочь. Отец искал выход и не мог его найти. Бежать из лагеря (он располагался неподалеку от железнодорожной станции Черновесь в Польше) не получалось. Да и далеко ли убежишь с целой семьей, с двумя маленькими детьми.

Трудно было понять шестилетнему ребенку в июне 1944-го, почему родители обрадовались, когда на лагерь посыпались бомбы. Самолеты, сбрасывавшие смертоносный груз, были нашими, советскими. И хотя каждый знал, что в любой момент можно погибнуть, налеты все равно воспринимались как предвестники скорого освобождения. Михаилу осколки попали в голову и руку. Его спасла мама. А ей помогала местная жительница пани Тереза, которая что-то понимала в медицине. Спасли, выходили. Анатолию от грохота бомбежек сделалось совсем плохо, родители опасались за его жизнь. Но это была не единственная беда. Ребенок страдал еще и от холода и от холеры...

Климец Павел Антонович (1907-1953), Климец Елена Адамовна (1913-1992) с сыновьями Анатолием (в центре) и Михаилом (стоит рядом с отцом) в окупации (1944 г.), Польша.

Освобождение действительно пришло вскоре после налетов. Домой добирались пешком и на перекладных. Это был тяжелый, но желанный переход. Поляки дали тощую лошадь, и на телегу посадили хотя бы детей. Однако родное жилище в Ровбицке, к которому так стремились, встретило хозяев негостеприимно. За несколько лет его дочиста разграбили фашистские варвары. В их доме был организован

постоялый двор немецких офицеров и белорусских "самооховцев" Кое-кто из родственников оказался расстрелянным за связь с партизанами. С чего начинать жизнь? Да и как ее начинать, если отец опять ушел на фронт добивать врага где-то под Кенигсбергом. И дети не помощники – слишком малые. К тому же больные. Михаил с неполноценной правой рукой, да еще в лагере подхватил туберкулез легких... Иной раз закашляется и изо рта кровь так и льется. Анатолий после Черновеси, после оглушительных бомбежек и трудной дороги домой ни разговаривать, ни ходить толком не мог. Три года носила его мать к бабкам-шептухам по окрестным селеньям. И заговорил сын, и бегать научился так, что и другим ребятам трудно было угнаться за ним.

Но жизнь как была, так и продолжала оставаться тревожным ожиданием. Ожиданием отца. Полуголодным и нелегким.

Но однажды мир изменился. Вернулся с фронта отец.

Маленький Анатолий не помнил, какой у отца голос (с годовалого возраста не слышал и не видел его). А тут вспомнил. Этот голос источал свет и теплоту. И вселял уверенность. Как и крепкие мужские руки, которые легко поднимали его высоко-высоко и кружили под потолком. Откуда-то брался смех. Видно, он (смех) таился где-то внутри и ждал, когда же его освободит, выпустит наружу, в белый свет этот уверенный в себе человек.

Всплывают в памяти у Михаила сцены из их послевоенной жизни. Вот они едут с отцом и младшим братом Анатолием в Беловежскую пущу, на Чадельский хутор Борисевичей. По обе стороны дороги раскинулись усеянные камнем поля с разбросанными по ним дикими грушами, которые поначалу дети принимают за дубы. Деревня с множеством аистиных гнезд на старых вязах и крытых камышом крышах. Деревья, вставшие перед глазами внезапно высокой медной стеной. Словно колонны. Деревянные колеса, громыхавшие всё это время по каменистой дороге, мягко катятся по хвое.

– Знаете, какая это знаменитая дорога? – спрашивает отец у Михаила и Анатолия.

– Эта? – удивляются они и сколько ни всматриваются в зелено-коричневую ленту между стройных сосен, ничего такого “знаменитого” не замечают. Присыпанная хвоей темная колея. Видели они таких дорог сколько угодно. Разве что полосатый черно-белый шлагбаум на въезде – в диковинку.

– Слушайте. – отец бросает поводья на дно телеги и поворачивается лицом к детям. – По этой дороге возле Криницы и Белого Леска много лет назад ездили на охоту цари. Видите, какие красивые

перила у мостика. Таких мостов на этой дороге не пересчитать. Они тоже при царях построены. Когда царь приезжал охотиться, ваш дед Адам Васильевич Борисевич служил у него почтовым ямщиком.

У ребят глаза загораются:

-- А почему наша деревня Ровбицк называется? А та деревня, которую проезжали, называется Криница ? Почему? И пуща почему Беловежская?

Отец ждет, когда они успокоятся, и начинает отвечать:

-- Когда олень на реву, это самое лучшее время для охоты на него. Охотиться – значит, стрелять, бить. Соедините два слова: рев и бить, да произнесите по местному, да еще букву “к” добавьте, – вот вам и название деревни. А криница разве не знаете, что такое?

-- Знаем-знаем, это место, где вода из земли ключем бьет.

-- Ну, тогда зачем спрашиваете? Значит, возле деревни Криница много криниц-родничков. В наших краях многие реки из криниц начинаются. И разбегаются в разные стороны. А пуща Беловежской потому называется, что неподалеку от нее, в городке Каменец, стоит знаменитая круглая крепость, каких нигде на земле нет, и называется она Белая Вежа. Это памятник архитектуры Х111 века.

Поведал отец и об истории названия села Сухополь. Когда-то предки поставили на сухом поле, меж болот и лесов, церковь, отсюда и название поселения.

Необычайно интересно слушать рассказы отца о родной земле, узнавать от него о наполеоновских полках, пестрыми колоннами двигавшихся под Городечно на битву с армией генерала Тормасова. И о летучих отрядах предводителя восстания 1863 года Кастуся Калиновского. И о горестном беженстве первой мировой. И о легендарных конармейцах Тухачевского, двенадцать из которых, погибшие 27 июля 1920 года, покоятся под скромным обелиском возле деревни Криница. И о забастовке пущанских лесорубов начала тридцатых, в которой он тоже принимал самое активное участие. И о памятном тридцать девятом, когда по пущанским дорогам прогромыхали краснозвездные танки, а отец с командой единомышленников встречал их цветами в Сухополе…

Каждый раз, когда в огороде созревали еще дедовские грушицукровки, отец бережно срывал большие плоды солнечного цвета и укладывал в телегу на специально подостланное душистое сено, чтобы отвезти на расположенную в Беловежской пуще, в урочище Никор погранзаставу, Анатолий просился в попутчики и помощники. Отец часто брал его с собой. На заставе в домиках жили семьи пограничников. Они охотно покупали груши, а маленький Анатолий мечтал о

том, что, когда вырастет, обязательно посадит сад. Большой – на целую сотню плодовых деревьев. Тогда он только до ста и умел считать. А еще, насмотревшись на красивых, подтянутых пограничников в зеленых мундирах и фуражках, тайно решил, что в будущем станет военным. Эти фуражки еще долго стояли у него в глазах. По дороге же обратно забывал обо всем на свете, даже о своих мечтах, и, раскрыв глаза, любовался природой. И слушал рассказы отца о Пуще. Узнавал все больше и больше нового. Ведь об этом заповедном крае можно говорить бесконечно, потому что он богат не только своей естественной красотой, но и историей. Прежде всего, как сохранившийся осколок-фрагмент огромного древнего лесного массива, еще в Х111 веке простиравшегося от Балтийского моря до Буга и до Днепра. Беловежская пуща как старый девственный лес упоминается еще в 983 году. В доисторические времена на ее территории обитали мускусный бык, пещерный медведь, северный олень, мамонт и много других крупных животных. А человек здесь появился еще в неолите, т.е. в новом каменном веке – 6-4 тысячи лет до нашей эры. В карьерах и по берегам рек археологи нашли множество каменных орудий труда. Первые письменные свидетельства об обитании на территории пущи воинственного племени ятвягов, занимавшихся охотой и рыбной ловлей, содержатся в Киевских летописях. Это отважное и могущественное племя часто совершало набеги на соседние земли. Бывали здесь татары и немецкие рыцари. Пуща попеременно становилась вотчиной то киевских и литовских князей, то польских королей, а с 1795 года – русских царей.

С переходом пущи во владение российской короны она стала местом проведения пышных охот. Первым русским царем, посетившим пущу для охоты в ней, был Александр 11.

Въезд императора в пущу был помпезным. Вся дорога по обе стороны освещалась кострами и смоляными бочками, а возле дома, предназначенного для царя, сверкала иллюминация. Толпа крестьян, в которой обязательно были его, Анатолия Климца, предки, встречала царский приезд приветственными криками. И с предками, как и с другими простыми людьми, встречался самодержец. Тогда он особое внимание проявлял к отставным военным, с которыми милостиво беседовал, спрашивал, кто в каком полку служил, и приказывал выдавать им по рублю, а награжденным георгиевским крестом – по три.

За несколько дней первой царской охоты было убито 96 зверей, из которых только зубров оказалось 28.

В память об этой охоте на месте ее проведения был установлен чугунный зубр в натуральную величину.

В 1894 году в пуще, на высоком берегу реки Наревка, воздвигнут красивый царский охотничий дворец…

Вот по каким легендарным, прославленным, великим местам они с отцом катят в телеге и восхищаются сдержанною силою вековых дубрав, таинственностью густых ельников, гордою осанкой корабельных сосен…

Детям еще не дает покоя и такой вопрос: неужели Дикий Никор можно осушить? Он же такой огромный. Как же его можно сделать сухим, если он проглатывает каждого, кто сунется в болото? Даже шестиметровый шест погружается в него полностью.

После такого вопроса отец надолго задумывается:

-- Сам не знаю, как его можно осушить и надо ли осушать. Как бы мы этим и всю пущу не иссушили. Но… Партия приказывает. А я в колхозе представитель партии. (К этому времени Павел Антонович Климец уже работал в созданном им же колхозе заместителем и секретарем парторганизации, а руководил хозяйством временный посланец Шерешевского райкома КПБ Веремейчук).

Из протокола заседания бюро Шерешевского РК КП(б) от 20 сентября 1952 года:

“Слушали:

3.О ходе выполнения постановления исполкома Райсовета депутатов трудящихся и бюро РК КП (б) от 13 сентября 1952 года “О выполнении плана мелиоративных работ за 1952 год на объекте “Дикий Никор”.

Заслушав доклады председателей колхозов им. Молотова тов. Субботей, им. Ленина тов. Семочкина, “Путь Ленина” тов. Веремейчук о ходе выполнения постановления исполкома Райсовета депутатов трудящихся и бюро РК КП(б) Белоруссии от13 сентября 1952 года “О выполнении плана мелиоративных работ на объекте “Дикий Никор”, бюро устанавливает, что со стороны выше перечисленных председателей колхозов до сих пор не принимаются решительные меры в деле выполнения постановления бюро РК КП(б) по осушению и освоению заболоченных земель на объекте “Дикий Никор”.”

Прошло уже более семи дней, а до сих пор не приняты дополнительные меры к выполнению плана мелиоративных работ, руководители не создали в колхозах постоянных бригад по доделочным работам осушительной сети, не выделили колхозников на строительство гидротехнических сооружений за средства

госбюджета, поставив тем самым план осушения (1952-53гг.) под угрозу срыва. (...) Если в ближайшее время не будут приняты меры к выполнению мелиоративных работ на объекте "Дикий Никор", к ним будут приняты более строгие меры партийного воздействия."

Дети пока далеки от циркуляров и других руководящих документов. Они радуются красоте природы.

Ветви цветущей ивы и жужжание шмеля, песни птиц и глухариные предзорья, брачный рев оленей и мышкование лис, багряная листва и коричневые шляпки боровиков – несравнимая ни с чем поэзия родной пущи, которая не только вокруг, но уже и в душе подростков.

Черный бархатный шмель, золотое оплечье
Заунывно гудящий певучей струной
Ты зачем залетаешь в жилье человечье
И как будто тоскуешь со мной

За окном свет и зной, подоконники ярки
Безмятежны и жарки последние дни
Полетай, погуди и в засохшей татарке
на подушечке красной усни

Не дано тебе знать человеческой думы
Что давно опустели поля
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого, сухого шмеля

Приятен запах прелых листьев и древесины в глубине леса, волнуют воображение птичьи перепевы и белые ландыши. Тысячи колокольчиков. Вот они уже в руках. Пахнут свежестью. Потом дома эти цветы в обрамлении зеленых листьев еще долго напоминают об этой поездке. И взор невольно устремляется туда, где за диким безмолвием болота протянулась от горизонта до горизонта подернутая дымкой темная полоса величественного, заповедного, древнего леса с ландышами в тенистых ложбинах.

Сюда, в лес, в пущу тянут не только таинственность и красота. Здесь летом столько боровиков, а в болотистых прудах столько рыбы, что только не ленись. А если у тебя есть настоящий друг – походы с ним по лесным тропам и по бездорожью желаннее любого другого развлечения.

Босоногое детство. Братья Анатолий, Александр, Михаил (1951 г.)

У Анатолия есть друг. Это сосед Вася с интересной фамилией Рубель. Его дом вот – рядом, через огород. И от дома к дому у них проделаны секретные ходы, о которых, как им кажется, никто из взрослых, и вообще никто, не догадывается. Отодвинул массивную штахетину, сделанную из расщепленного ствола молодой ели, и лаз готов. Вася старше на каких-нибудь полтора года, но для настоящей дружбы эта разница в возрасте не помеха; о ней ни один, ни другой даже не догадываются. Просто дружат.

За грибами – всегда вместе. Идут себе по лесной тропке к “своему месту”, о котором знают только они и где боровики и подосиновики растут только для них, Анатолий кошелку на голову – шагает себе, смеется, насвистывает что-то. Стенка кошелки закрывает глаза, а ему хоть бы что. Знает каждую пядь этого леса. А захочет подурачиться – прямо на дерево пойдет, упрется в толстый шершавый ствол, потешает Василия.

Вдруг выскочит прямо из-под ног заяц и тотчас исчезнет в кустарнике. Косули вскинут головы и настороженно будут следить за пришельцами, пока кто-нибудь из ребят не возьмет палку и не стукнет ею о дерево. От этого звука стадо сорвется с места, и можно понаблюдать, как легко и грациозно бегут эти красивые, со светлыми пятнами на рыжих боках, животные. Завидев издали кабана либо наткнувшись на свежие кабаньи следы, либо уловив краем уха хрюканье – на всякий случай оба подыскивают подходящее, с сучками, дерево, на которое можно быстро взобраться в случае опасности. От зубров тоже лучше держаться подальше. Особенно если мать-зубриха – с детенышем. Они уже наслышаны о том, как улепетывали от разозлившихся зубрих некоторые взрослые жители деревни, поэтому, увидев неподалеку горбатых лесных великанов, быстро уносят ноги.

Рыбу ловить привыкли по воскресеньям в зеленых, тенистых прудах и канавах сплетенной из лозы колыскою. Дети в семьях вышли из того возраста, когда их нужно укачивать, и колыска для малолетних рыбаков – как раз то, что надо. Бывало, что в ход шли обычные коши. Наловчились даже голыми руками орудовать. Самая лучшая рыбалка – в Старом Рву. Вьюнов всегда попадается много. Каждая вытащенная щука добавляет азарта. И тогда уже не жалко сил. Потом, уставшие, набрасываются на скудную еду, прихваченную в кармане. Этой едой мог быть кусочек крестьянского сыра. Как-то Василий, старший да и ростом повыше, полез сам в воду, а Анатолий ловил рыбу, которую друг выбрасывал на берег. Наловившись и устав, Василий предложил перекусить. И вдруг выясняется, что кусочка сыра, а это весь их провиант, нет. Голодный Анатолий и не заметил, как, откусывая понемногу, съел весь “обед”. Неловко стало Анатолию. Но друг на то и друг, чтобы понять и простить. Конечно же, он не обиделся, наоборот, долго успокаивал своего младшего товарища, который, знал это точно, на плохое не способен, потому что сам всегда последним делился с друзьями.

А в день, который начинался с солнечных бликов на подушках, глазах и стенах, рыбы не наловили. Вдруг нависла над Старым Рвом и ребятами на его берегу туча. Откуда? День так хорошо начинался и сулил солнце и зной. Громыхнул из-за сосен гром, через мгновение полоснула в том месте, где верхушки деревьев соприкасаются в сумеречной дали с березовым чубом подлеска, молния. Кривая, с множеством огненных ветвей. Будто хотела напугать маленьких рыболовов.

-- Бежим, -- вскрикнул один.

-- Бежим, -- повторил второй.

И оба остались стоять на берегу. Когда вдвоем, ничего им не страшно. Даже гроза.

Но вот лес глухо зашумел, вершины высоких корабельных сосен качнулись, потерлись друг о дружку, о черные клубы вверху, по воде пробежала рябь, резко похолодало, и ребята, схватив снасть и кошелку с мелкой рыбешкой, припустили что есть силы вдоль берега в сторону деревни. Но уже через минуту небо над ними разверзлось и окатило друзей прохладным ливнем. Инстинкт самосохранения загнал их в кусты лозы. Забравшись в середину под густые ветви, словно под огромных размеров зонт, сидели там между множества тонких гибких ветвей и так тесно жались друг к другу, что казались единым целым. Этот куст, казалось, породнил их. Здесь они почувствовали тепло, исходящее от одного тела к другому и от одной души к другой.

Время шло, а дождь лил и лил. Сыпались за воротники стряхиваемые листиками крупные, с фасолину, капли, заставляя ребят поеживаться. Росла тревога: родители, наверное, с ума сходят, дожидаясь их. Анатолий вспомнил случай, когда отец выпорол старшего брата Михаила за то, что тот не досмотрел его, тогда еще малыша. А малыш в одиночку забрел аж под хутор Бобинец, который являл собой неофициальные ворота в Беловежскую пущу.

Ливень смыл даже чувство времени, и когда наконец сверкнуло солнце, ребята удивились, что оно еще довольно высоко. Шлепая босыми ногами по лужам, по мокрой траве и хвое, наступая на грибы съедобные и несъедобные, бегут двое путешественников от куста ракиты до лещины, от кривой березы до ольхи, от луговины до пригорка. Вот юркнули в чей-то огород, а выскочили, словно мыши из нор, каждый у своей хаты.

Вздохнули облегченно родители. Накормили своих робинзонов. А у тех уже новый лесной поход на уме.

Оба сидят на печи и думают об одном и том же. О Тарзане. На обычной белой простыне, вывешенной на стене родной школы, под звук мотора вдруг оживает яркая и необыкновенно интересная картинка. На ней красивый и ловкий юноша легко, как белка, прыгает с ветки на ветку, дружит со зверями и попадает в такие перепалки, что дух захватывает. Это справедливый, добрый и очень сильный герой. Хочется стать похожим на него. В будущем. А пока хочется еще и еще раз смотреть завораживающие кадры. Как обмолвился заезжий киномеханик, это трофейный фильм, привезен он из Германии после ее капитуляции. Чтобы посмотреть его, надо

заплатить десять копеек. А где же их, те копейки, взять? Вот сидят ребята и думают: где, взять деньги?

И решение пришло. Как это где! В лесу, на болоте! Надо заготовить побольше лозовых прутьев, содрать кору, высушить ее и сдать заготовителю лыко. Он платит 20 копеек за кило.

Одержимый этой ценной идеей, Анатолий скатывается с печи и стремглав летит через огород, только голова подпрыгивает, словно мячик, над высоким бульбяником, к Василию. Забыл даже о своих секретных ходах.

И вот они уже в пути.

После дождя вода в низких местах доходит до колен, но грунт под ногами твердый. Это еще не болото. Болото начинается в сотне шагов, и туда лучше не соваться. Оно пугает уже одним своим видом: темным, мрачным, а тут еще на память приходит жуткая история о Никаноре-Никоре. Будто бы жил некогда здесь человек по имени Никанор. Потом болото проглотило его не только вместе с шапкой и лаптями, но и с именем. Присвоило себе его имя. А люди дополнили его эпитетом Дикий. Словно приговор вынесли. Надо полагать, заслуженный приговор.

Идти надо до Бобинца – притаившегося у самой Пущи хутора. Вот он заклубился вдали пышными зелеными кронами груш и яблонь на фоне лесной громадины. Вот уже и кустики лозы нет-нет да и прокидываются на пути. Но эта лоза пока недоступна. Добираться до нее надо либо по трясине, либо по пояс в воде… А возле хутора и сразу за огородом этого добра полно везде. Подходи и ломай, сколько унести можешь. А унести отсюда прутьев надо как можно больше. Наломать-то их не проблема – наловчились.

Зато обратный путь с огромными пучками на плечах, стянутыми лозовыми же перевяслами, кажется бесконечным. Солнце уже палит нещадно, испарения, и те кажутся горячими, а две лозовые ноши, под которыми не видно ребят, упорно подвигаются всё ближе и ближе к деревне по ту сторону болота.

Короткий отдых на пригорке. Вылазка в березовую рощу. Минута-другая, и изголодавшиеся ребята уже подкрепляются крепкими молодыми сыроежками. И снова в путь.

Обдирать кору – что может быть легче. Особенно если делаешь эту работу вдвоем. А вот ждать, когда же она наконец высохнет, чтобы поскорее сдать и получить заветные деньги, с помощью которых можно снова погрузиться в сказочный мир приключений Тарзана, -- это трудно.

Коры по обыкновению получалось больше килограмма, и денег хватало на тетради и другие школьные принадлежности, спички, керосин для родителей и даже на вкусные, с мармеладом и другой начинкой внутри, конфеты-подушечки.

А если лозы мало, можно насобирать зеленых шишек. За них пусть не много, но тоже платят.

И вот в деревне снова передвижная киноустановка, снова дюжие сельские парни отодвигают к стенам школы тяжелые перегородки, которые отделяют один класс от другого, и помещение становится просторным, как кинозал, снова ревет дизельный двигатель, снова на экране появляется мускулистый парень – благородный житель джунглей. Джунгли – тоже огромный лес, но совершенно не такой, как их пуща, с другими деревьями и животными. Они – Анатолий и Василий – тарзаны в своем лесу, и представляют себя в сомкнутых в высоте сосновых кронах такими же проворными, как герой фильма в кронах пальм и других широколистых тропических деревьев.

После фильма еще несколько дней каштаны кажутся им пальмами, а обычный виноград – лианами. Сами же себе – Тарзанами. Правда, полесскими, разъезжающими по чащобам не на слонах, а на горбатых зубрах.

Ах, лоза. Столько всего дарила и дарит лоза. Как только ребятишки прослышали, что в деревне Попелево, в пяти километрах от Чаделя (а до Чаделя примерно столько же) кто-то продает так называемые детекторные радиоприемники, и что стоят они по десять рублей за штуку, снова отправились к Бобинцу. Работали до изнеможения. А потом изнемогали от дальней дороги в Попелево. Но приемник добыли. И так радовались, когда в доме ящичек начинал говорить человеческим голосом. И не только говорить, но и сообщать интересные и, по всей видимости, очень важные новости. Рассказывать о далеких странах и разные истории. Как же все это захватывало и волновало. Самому хотелось куда-то ехать, познавать мир. А прежде всего быть полезным маме, братьям, другу Васе Рублю, еще одному другу Пете Янюку и его старшему брату Васе, который одних лет с Васей Рублем, тетям и дядям, вообще всем добрым людям, которым с радостью раздаривал красивых щенят от любимой собачки Жучки. Ну, а пока ему хватало своей деревни и ее окрестностей, а также бесконечно огромной, богатой и таинственной Беловежской Пущи.

И они снова пропадали в лесу. И находили там не только грибы и ягоды... Однажды притащили самый что ни есть настоящий пулемет. Пулемет и ландыши. Букетик этих нежных цветов Анатолий всегда приносил из лесу и ставил их в банку с водой на столе в главной

комнате. Не забыл о нем даже сейчас, когда вместе с другом был всецело занят находкой. Тяжелая это была штука. Слава Богу, неисправная. Отец узнал о трофее и тотчас передал ее куда следует - пограничникам. А детям строго-настрого приказал оружие руками не трогать, а если найдут, сразу же докладывать лично ему. Он был уже председателем колхоза, самым главным в их деревне.

Но шло их детство. Та пора, когда задумываешься вовсе не о сложностях жизни, а просто радуешься всему, чему только можно радоваться. Первым листьям, звону ручьев, кислому яблоку, которое только-только завязалось, птенцам в гнездах, скворцам в собственноручно сработанных из отходов отцовского мебельного производства и водруженных на груши и яблони скворечнях. А сколько радости приносит одно лишь купание в Старом Рву неподалеку от деревни Левки. Этот ров проходит через весь Дикий Никор и за хутором Бабинец впадает в пущанскую речку Наревку, на которой стоит царский охотничий дворец.

Вернусь. И разрою тайник
под сенью крушины болотной...
Так сыростью пахнет от книг
со стертой уже позолотой.

И клятва - дружить до конца!
И компас со стрелкою ржавой,
и леска с крючком на ельца -
все стало трухой залежалой.

А запах разрытых корней -
такая нетленная сладость!
Болото. Крушина. И радость,
которая грусти мудрей...

Еще одна летняя забава – выгонять “на ранки”, это значит, на утренний выпас, лошадей. Выгонять их надо с зарей, ехать на теплой лошадиной спине два-три километра, а потом пускать их по росе. Приправленная росой трава, наверное, для гнедых наилучшее лакомство, которое они поедают с удовольствием. А ребятам удовольствие прокатиться, посидеть час-другой у костра.

Или выгон со старшими подростками на пастбище коров. И под Бабинец гоняли, и за Бабинец в Пущу, и к Левкам, где Старый Ров... В этот раз у самой Пущи, в подлеске остановились. Коровы мирно себе пасутся между кустов, а ребята уже костер развели, завернули в золу несколько картофелин. Кто-то достал кусочек сала и разделил на

всех. Старшие то и дело посылают детей проверить, на месте ли скотина. Как-никак лес. Перекусили, разлеглись на мягкой траве. Анатолий, как и все остальные ребята, разглядывает запутавшиеся в вершинах осин и сосен белые облака.

Кто-то из ребят нарушил покой:

-- Смотрите, смотрите, черная белка. – он вскинул черный от уголья и жира палец и указывает им на толстую осину-одиночку.

-- Черных белок не бывает, -- авторитетно заявляет Анатолий.

-- А вот и бывают, -- стоит на своем мальчишка в выцветшей до неузнаваемости отцовской кепке. – Красные живут на соснах, а черные – на осинах.

С помощью солдатского ремня он мгновенно взбирается по гладенькому стволу на осину, останавливается напротив дупла, засовывает в отверстие детскую руку… Через мгновение сверху раздается истошный крик. Вслед за рукой из дупла вылетает черный зверек. Он несколько раз кувыркается в воздухе и приземляется на мягкую подушку из мха и хвои. Но не вскакивает и не убегает, а остается недвижимо лежать на земле.

-- От страха окочурился, -- высказывает предположение старший пастух.

И все бросаются к черной белке, которая на поверку оказалась обыкновенной куницей.

Гибель зверька всех впечатлила: надо же, испугался-то как.

-- Там, наверное, малыши остались, -- размышляет вслух Анатолий.

-- Вот бы забрать их домой, вырастить в клетке, а потом шкурки на мех пустить, -- подхватывает эту мысль кто-то постарше.

-- А кормить чем? Они же мясом питаются, -- хитроумно заступается за предполагаемых детенышей куницы Анатолий.

И больше к этому разговору мальчишки не возвращались.

Играли в свои детские игры, рассказывали невероятные истории. Одна из таких историй – о Сухопольской церкви, где крестился, пожалуй, каждый из ребят, в том числе и весь род Климцов. Сухополь – это соседняя деревня. Теперь ее хотят закрыть, потому что взрослые решили, что Бога нет, и учителя постоянно твердят, дескать, от церкви одни неприятности. Но церковь как действовала, так и действует.

Но история, которую рассказывает самый старший парень с той, западной, окраины Ровбицка, все равно интересная. Давно, много сотен лет назад проходил по здешним местам казак. Остановился он на ночлег в лесу, а икону, которую всегда носил с собой, повесил на

сук. Утром же неизвестно почему спешно покинул это место. А икона осталась. Через какое-то время она была обнаружена местными крестьянами. Но кто бы ни пытался перенести ее домой, упорно возвращалась на своё место. Лишь с молитвою удалось сельчанам “уговорить” святой образ Божьей матери Казанской переселиться поближе к людям в Сухополь.

Деревянный храм, между тем, сгорает в пожаре. Приехавшие на пепелище представители Брестской консистории засвидетельствовали, что и подлинник, и копию огонь не тронул, и они остались невредимыми. Но подлинник вскоре исчез. А куда – никто этого не знает.

Теперь то место, где икона была найдена, называется Казаковка. А сухопольский храм, воздвигнутый заново в 1903 году, Кресто-Воздвиженским.

Детям интересно: какие еще такие чудеса творила икона? И рассказчик начинает перечислять эти чудеса. И они представляют себе картины исцеления людей, изгнания из них бесов и всякие другие. И совершенно уже забыли о том, что в школе их учат не верить всем этим религиозным сказкам.

Вот так, открыв рты, они и рассказы Васькиного отца слушают. А отец у Васи Рубеля и в самом деле необыкновенный; семь лет, начиная с 1894-го, служил во французском легионе. В праздничный день соберет он толпу зевак, причем не только детей, но и взрослых, и все слушают и вопросы задают. Анатолий тоже весь во внимании. Ему жаль дядьку Василия, который столько натерпелся на чужой земле, а когда уже возвращался домой, то на таможне в Одессе у него конфисковали много всякого добра, в том числе и отрез очень хорошей ткани, а вот хромовые сапоги с длинными халявами он все-таки привез, и теперь вот сидит в них и рассказывает о далеких и экзотических странах - Ливии, Тунисе, Алжире, Марокко. Повествования-были у него вовсе не грустные, скорее наоборот, веселые, а то и по-настоящему героические. А когда начинал то ли в шутку, то ли всерьез припоминать, как лягушек там ел и какие они вкусные, начинало тошнить. Самые же недоверчивые слушатели спрашивали, смог бы или не смог у них на глазах съесть лягушку.

-- А вы наловите мне этих тварей да принесите сюда, сами увидите, -- говорил, улыбаясь, дядька Василий.

И Анатолию снова становилось жалко этого доброго и веселого человека, который так часто бывал на грани жизни и смерти. Он поеживается при воспоминании о том, как сам недавно едва не погиб в болоте. Из-за собственного любопытства. Как-то раз, наслушавшись

рассказов взрослых о том, что волки после войны совсем остервенели, режут и режут овец и телят, он в свои неполные девять лет думал не о домашних животных, а о таинственном хищнике. Какой же он? Хоть бы краем глаза увидеть.

И вдруг по деревне прокатилось известие: охотники застрелили матерого зверя, он теперь в соседнем селенье Бабинец. Любопытные тотчас отправились взглянуть на серого. А он маленький, от него отмахнулись. К обеду любопытство одолело окончательно, и он сам, в одиночку, пустился в дальний путь. Анатолий думал, что идет в соседнюю деревню, а ноги несли его в пущу, туда, куда всегда стремилась его душа.

Шел долго, до изнеможения. Когда сумерки позднего летнего вечера сгустились так плотно, что в них потонули кусты, сделалось жутко. Двигаться дальше не хватало сил. Из-за огромного облака выплыл месяц, тут и там над головою засверкали звезды, но теперь уже они не манили к себе своей таинственностью, как раньше, и вообще были ему безразличны. Внизу, под ногами, тоже были звезды. Он уже знал, что это светлячки, поэтому не боялся их. Впрочем, теперь уже и они были ему безразличны. А когда откуда-то издалека донесся до его обостренного слуха жуткий протяжный вой, по коже пробежали мурашки. И вот снова... Протяжные, леденящие звуки, кажется, приближаются. Крикнул бы, да голос пропал. И бежать некуда. Он и не помнит, как оказался в кусте посреди болота. И что это за куст, тоже не помнит. И даже не знает, спал или не спал. К счастью, зверь, которого он так боялся, так и не появился. Но страшнее волка оказались крохотные надоедливые насекомые, от которых не было сил отбиться. Лишь к вечеру следующего дня его случайно нашли в том лозовом кусте проходящие мимо сельчанки. Изможденного мальчугана уже “доедали” огромные (теперь таких, поди, и нет уже) болотные комары.

Едва оправившись от недуга, причиной которого стали война, лагерь, долгая дорога домой, он снова был на волоске от смерти. Второй раз за свою еще недолгую жизнь.

Впрочем, это происшествие ничуть не отбило у него охоту познавать окружающий мир. Его одинаково тянуло в Беловежскую пущу, во всякие интересные места за околицей и в тот мир, который открывали ему книги. Только-только научившись читать, уже не мыслил себя без чтения. Особенно полюбились “Дальние страны” Аркадия Гайдара. На земле, оказывается, так много всего интересного -- даже детского воображения не хватало, чтобы всё представить. Неодолимо тянуло в эти дальние страны. И когда в школе появились

такие предметы, как география, биология, история, домашние задания всегда были у него перевыполненными, и отвечал на вопросы полнее, чем от него требовалось.

Тягу к странствиям и приключениям подогрела потом еще и приключенческая повесть “Остров сокровищ” Стивенсона.

Книга “Никогда не забудем”, в которой народный писатель Беларуси Якуб Колас собрал воспоминания детей-узников фашизма, будила в нем воспоминания. Голод и холод, грохот разрывающихся бомб… Это всё, что могло сохраниться в еще только зарождающемся сознании. А книга рисовала картинки того, что пережил, но понять в силу возраста не мог. И в сердце рождался протест против всяческого насилия, от кого бы оно ни исходило.

-- Вот когда я вырасту, никогда никого не обижу. Буду только защищать, -- делился своей голубой мечтой с другом Васей.

-- Я тоже, -- вторил ему приятель.

И оба в этот миг чувствовали себя почти взрослыми.

А однажды брату Михаилу пришла по почте бандероль из детской республиканской газеты “Пионер Беларуси”. Распечатывали вместе, затаив дыхание. И вдруг оба ахнули от радостного удивления: “Книга!” Это была “Повесть о настоящем человеке” Бориса Полевого. От нее оторваться было просто невозможно. Маресьев. Какой же он сильный и стойкий. “Я тоже, буду сильным, как этот мужественный человек. И пускай мне будет нестерпимо больно, я никогда не подам вида, что мне плохо. – думал Анатолий, перечитывая несколько раз удивительную историю о безграничной силе духа человека. – Я никогда не сдамся, как бы трудно ни было. Буду настоящим человеком.” Этими своими потаёнными мыслями мальчишка не делился ни с кем, даже с лучшим другом. Об этом не должен знать никто, кроме него самого, иначе ничего не получится.

Никто так и не узнал, что же такое подтолкнуло Анатолия по утрам бегать и делать зарядку, подтягиваться на школьном турнике, накачивать мускулы и никогда и ни при каких обстоятельствах не изменять этому своему однажды принятому правилу. Иной раз к нему присоединялся Василий, но быстро остывал. Анатолий подбадривал друга, звал за собой… и кое-чего добивался. Еще на школьном дворе ребята соорудили волейбольную площадку, и Анатолий был на ней завсегдатаем и самым активным игроком.

…В ту летнюю ночь 1953-го ему впервые стало неуютно в родной хате. Проснулся от звона разбитого стекла. Долго не мог понять, что же такое произошло, но уже по одному испуганному виду матери, по ее встревоженному лицу ощутил неладное. Мать подхватила самого

младшего, трехлетнего Александра, спавшего под разбитым окном, и с одеяла посыпались и звякнули о пол осколки стекла. Когда уснул, успокоенный самым родным своим человеком, тотчас приснился кошмар. Будто бы его, маленького, но чувствующего в себе недюжинную силу, догоняет свора рыжих собак. Точно как в фильме. И вот он поворачивается, разбрасывает кровожадных животных , вскакивает, словно Тарзан, на ветку... Ветки, правда, под рукой не оказывается, и он попросту взмывает вверх, как птица, и парит сначала над собаками, затем над всем Ровбицком и Чаделем, затем над окрестными деревнями Белый Лесок, Криница, Приколесь, Левки, Сухополь, Хвалово и, наконец, над пущей, над пиками елей, зеленой овчиной сосновых и дубовых крон.

Александр, младший брат Анатолия (1952 г)

Подхватившись, он видит отца, но в полудреме не находит силы подняться и что-то спросить у него или просто прижаться к нему, чтобы успокоить выскакивающее из груди сердце. И снова проваливается в сон. Теперь уже чистый и безмятежный.

Утром проснулся немного позже обычного, и отца уже не застал. Отец ускакал на лошади в поле.

По хозяйству набралось работы, так что вряд ли удастся проверить грибные или рыбные места. Или сходить за лозой. Надо помочь матери прополоть грядки, скосить межевую траву, помочь старшему, Михаилу, сложить в костер дрова.

А завтра в ночное – пасти лошадей. А послезавтра...

Дни интересные. А он уже чувствует самого себя в этом лесном мире. Он не теряется даже на болоте. Он изучил наизусть систему кладок через гиблые места, и в пущу может пробраться напрямик. И пробирается. И каждый раз приносит домой ландыши и ягоды.

В этот день с ночи лил дождь. Вчера вечером, когда засыпал, мать сидела у окна и всматривалась в непроглядную темень. Он знал, почему она так тревожится. Каждый раз, когда отец до полуночи задерживался на работе, она точно так же сидела у окна и смотрела туда, где был отец. И если не видела его глазами, то уж сердцем – наверняка. А после того, как ночью кто-то камнем разбил окно, тревога и вовсе редко сходила с ее лица.

Шумел дождь. Этот убаюкивающий шум не мог успокоить разве что мать.

Утром засверкало солнце. Но на улице повсюду стояла вода и мчались сверху вниз – с улицы во двор, со двора в огород, с огорода в болото -- ручьи. Значит, лило всю ночь.

Ближе к обеду во дворе появились родственники и чужие люди. Лица у всех печальные, а глаза мокрые и красные.

Когда Анатолий увидел лежащего в свежевыструганном ящике неподвижного отца в старой, но чистой белой сорочке (костюмом он так и не успел обзавестись), сознание прошила догадка: всё, он уже никогда не поднимется и не обнимет его, не свозит в пущу, не расскажет интересную историю, не защитит... Ведь защитой было уже одно присутствие отца. Значит, не зря закалялся, не зря воспитывал в себе такого, как в книге, и как отец, настоящего человека. Отныне надо надеяться на себя, на свои силы, потому что, видел, мать слишком слаба, а с этого дня и вовсе стала какой-то потерянной. “Надо быть сильным” -- повторял сам себе вдруг ставший взрослым подросток и все таки не мог сдержать слезы.

Гроб сельские мужики поместили на распахнутый кузов грузовика. Этот грузовик появился в колхозе не очень давно и за ним он с ребятами немало побегал следом. Теперь вот он снова преследует грузовик сзади. Правда, в этот раз медленно-медленно. Они провожают отца в последний путь. За ними, самыми родными,

движется множество народа со своей и окрестных деревень. Рядом с ним идут, склонив головы, брат Миша и друг Василий.

Следы на мокром песке глубокие и отчетливые.

Такой же глубокий след оставил на земле и его отец.

Глава вторая.

ОТРОЧЕСТВО

(1953 – 1957)

-- Сынок.

Анатолий подхватился. Показалось, что его позвал отец. Нет, это дядя... Добрый и участливый дядя Михаль Климец из Криницы. Он присел на край лежанки – высокий, жилистый, с обветренными, словно вылитыми из бронзы, лицом и руками, и тяжелой, жесткой своею пятерней погладил мальчишку, взлохматил его прямые, словно проволока, непослушные волосы.

-- Что делать-то будем, Толя?

Мальчишка не знал, что ему делать, и лишь недоуменно пожал плечами.

-- В детский дом пойдешь?

-- Пойду. – Он уже знал, что мать хлопотала об их отправке на учебу, потому что сама по болезни не в состоянии была ни содержать, ни воспитывать сыновей.

Мать болезененно пережила смерть отца. И стала инвалидом. А дядя Михаль хорошо знал директора Шерешевского детского дома, который немного раньше работал директором школы в соседней деревне Белый Лесок, расположенной у самого въезда в Беловежскую пущу. Вот и пошел он к этому человеку, имя которого – Роман Сафронович Каптур.

-- Что ж, в детский дом так в детский дом, -- постановил дядя Михаль. – Районная власть уже дала добро. Поедем.

Анатолий только сейчас по-настоящему осознал, что сегодня он надолго простится с родным домом и родными местами, и что жизнь его вот-вот должна круто измениться.

-- А какой он, этот детский дом? – он задал этот вопрос словно для того, чтобы оттянуть время отъезда.

-- Это, племянник, казенный дом. В нем ты будешь сытый, чистый и под надзором. И учиться там тебе легче будет. Книжки выдадут, тетрадки и всё такое.

-- А хата, мама? – недоуменно обвел глазами родные стены Анатолий. Рядом стоял и внимательно смотрел на дядю Михаля и на Толю, за которым в последнее время ходил, словно приклеенный, трехлетний Александр.

-- Приезжать будешь. Или приходить. Хотя... Далеко для тебя -- 18 километров, -- неумело успокоил дядя Михаль. – А Сашу сегодня тоже забирают в детский дом.

-- Значит, мы будем вместе?

-- Его в другое место, в Кобрин определили, в дошкольный детдом. Но это не беда. Встретитесь когда-нибудь.

Потом они вместе катили в телеге туда, где Анатолия ждала совсем иная, не похожая на ту, к которой привык, жизнь.

Анатолий и Саша сидели в телеге. Дядя Михаль и брат Миша шли рядом.

И хоть Анатолий всегда мечтал о путешествиях и новых впечатлениях, было как-то не по себе. Хорошо, что рядом такие надежные и добрые люди как дядя Михаль и брат Михаил. Уж они лишь бы куда не отправят.

Детским домом оказались разбросанные на окраине поселка на небольшом пятачке земли обычные на первый взгляд хаты.

Сам райцентр Шерешево показался большой деревней. Хотя над ней величественно возвышались башни костела и церкви. Пока добрались сюда, изрядно притомились. Ехали-то в обратную от пущи сторону. Анатолий физически ощущал, как натягивались связывавшие его с пущей и родной хатой, Васей Рубелем и другими друзьями нити. Натягивались, но не рвались.

Дядька Михаль, чтоб хоть как-то поразвлечь парня, выкладывал ему всё, что знал о Шерешево, что скопилось за многие годы в его цепкой памяти. Пусть привыкает к новому своему месту уже в дороге, пусть ожидание встречи с ним возбуждает не страх, а интерес.

-- Шерешево славится ярмарками. Какие, бывало, шумели здесь ярмарки. Сам видел.

Заметив, что ярмарки мало интересуют племянника, перевел разговор на другое.

-- А когда-то в этом поселке была самая знаменитая во всей округе иконописная школа. И в Минском музее хранится “Шерешевское Евангелие”, которое вот в этом поселке писали.

-- Когда же это было? – Анатолию стало интересно.

-- Может, триста, а, может, и все четыреста лет назад, -- прикинул дядя Михаль.

-- Но Бога все равно нет. Так учителя говорили.

-- Толя, не нам об этом судить. А то, что иконописная школа в Шерешево была и что иконы здесь делали искусные – правда.

-- А почему оно так называется – Шерешево? – Когда Анатолий произносит это слово, в глазах почему-то начинают мельтешить огромные желтые шершни.

-- Говорят, жил-был в давние-прадавние времена добрый человек по имени Шереш. Кто-то смеялся с его чудачеств, а кто и святым называл. Так вот, однажды этот Шереш решил отшельником стать, уйти подальше от людских наговоров. Облюбовал он себе место в лесной чаще, на берегу небольшой речки (теперь она называется Лесная Левая), поставил дом. А со временем рядом другие люди селиться стали, чтоб жить в тишине и спокойствии. Но и тут покоя шерешевцам не было. Как только какая-нибудь война, войска обязательно через Шерешево проходят. И поляки, и шведы, и французы, и кайзеровцы, и фашисты – все тут бывали. Уж очень путь через это местечко удобный: на Гродно – через Сухополь да Попелево, а из Белостока на Пружаны – через Гайновку и Криницу. Не сладко и теперь здесь людям живется.

Дядька Михаль приумолк. Впереди уже виднеются постройки.

-- Как настроение-то, племянничек?

-- Интересно, какой он был – этот Шереш?

-- А-а, ты об этом, -- облегченно вздыхает провожатый. – Не оставил он своего портрета, представляй, как хочешь.

Анатолий представил его похожим на еще одного своего дядьку, родного брата отца Ивана Антоновича Климца, прозванного в народе Цагельником, потому что ровбицкой цагельней владел. Это теперь она государственная. Даже работать у него приходилось, и очень понравилось, как этот человек дела ведет.

-- У тебя здесь, Толя, тоже родственники есть. Если успеем, свожу к ним. А если не успеем, значит, в следующий раз.

-- Знаю. Это дядя Александр и тетя Саша.

-- Вот-вот. Дядя Александр – это старший брат твоей матери. Намучился он на своем веку. Отца его немцы в Чаделе ранили, а в 1941 году похоронили старика на Сухопольском кладбище. Чадельский хутор сожгли. За связь с партизанами. Восемь человек-хуторян вывезли на каторжные работы в Германию. Страшное время было. Война никого не щадила. Ты сам едва выжил. Не помнишь? А мы знаем. Ты по ночам, было и такое, словно лунатик ходил, не дай Бог такое пережить. Дядька Александр после войны перебрался из Германии в Шерешево. Работал в организации, которая называлась “Заготскот”.

-- А дядя Володя кем работает?

-- Он не дядя, а твой двоюродный брат. Только постарше. Он бухгалтер. И с твоим вторым дыюородным братом Иваном на мандалине играть умеют. Как-нибудь побываешь у них, послушаешь.

Лошадь остановилась.

-- Ну, вот и прибыли, -- объявил дядя Михаль и спрыгнул с телеги.

-- Это детский дом? – удивился Анатолий, оглядывая деревянные хаты на окраине Шерешева и пробегаясь глазами по надписи на стене одного из зданий – улица имени Молотова.

-- А ты что, дворец хотел увидеть?

Подросток пожал плечами и пошел вместе с дядей Михалем и братом Мишей к директору казенного дома. Перед старой, с потрескавшимися филенками, дверью остановились.

-- Постой здесь. А я зайду поговорю.

Через минуту дверь отворилась:

-- Заходи. Роман Сафронович хочет посмотреть на тебя.

Директор оказался крепким и уверенным в себе мужчиной примерно одного с дядей Михалем возраста. Он по-отечески взглянул на мальчишку. И хоть из-за стола не выходил, Анатолию показалось, обнял его взглядом.

-- А я ведь хорошо отца твоего знал. – Мужчина за массивным столом на минутку задумался. – Работал недалеко, в Белом Леске, директором школы. Таким отцом только гордиться. А уж с дядей Мишей мы-ы... -- и он многозначительно улыбнулся, но тотчас принял серьезный вид. – Согласен в детдоме жить? Не знаешь? Ничего, у нас тебе будет не хуже, чем дома. Сыт будешь, одет, обут, и учиться сможешь, науки разные изучать по высшему разряду. Знаешь, какие у нас тут учителя и воспитатели. Они тебя не обидят. А вот уму-разуму научат. Вырастешь достойным гражданином, как твой отец.

В одной из добротных хат неподалеку от речки Левая Лесная и поселился ровбицкий паренек Анатолий Климец. Здесь уже жили до него несколько ребят. Еще несколько заселились позже. Первым делом – помывка. Приятная, но короткая процедура. Ему бы с полдня в воде поплескаться. После “чистилища” всем выдали чистое белье. Приятное. Почти новое, чистое. И кровати заправлены чистыми простынями. И в комнатах чистота, нет ничего лишнего – кровати и столы. Полы без дорожек, но воспитатели пообещали со временем раздобыть. Тюли и покрывала на кровати – тоже оказались из области мечтаний, как и скатерти для столовой. Но что мальчишкам тюли со скатертями. Вот обуви всем не хватило – это уже проблема. Где ее

взять, эту обувь. Хорошо, если подойдут старые штиблеты. А если нет – хоть босиком ходи. А детей больше сотни. И все-таки босиком в школу никто не ходил. Как выкрутилось руководство детдома, один Роман Каптур знает. Потом и верхнюю одежду выдали. И все стали похожи друг на друга.

Первые дни пролетали незаметно: дети знакомились, рассказывали друг другу о себе. И лишь когда ближе к полуночи всех одолевал сон, Анатолий грустил о доме и эта грусть проникала даже в сны. Снились мать (она то хлопочет у печи, и на ее печальное лицо то и дело бросает веселые блики огонь, то сидит у окна и ждет отца, то доит корову, а он потом пьет парное молоко прямо из ведра), отец на разгоряченном коне, крестная тетя Александра Вакула (Климец), которая, как всегда, чем-то угощала его, прибежав из огорода, и дядя Иван на своем кирпичном заводе, и двоюродная сестра Нина Черешко (Климец), которая в войну тоже узницей была, как и он... Снились пуща и Дикий Никор. Снился Вася Рубель, который остался там, в деревне, и которого здесь ему очень не хватает. Утром долго думал о брате Александре, которого повезла в Кобрин автобусом инспектор районного отдела народного образования Ильяшук.

Когда во дворе он встретил ровбицких ребятишек – братьев Пекачей – радости не было предела. Пекачи тоже обрадовались. Как выяснилось, они здесь давно, с 47 года. Их родителей гестаповцы расстреляли в пуще за связь с партизанами.

За шесть лет жизни в детдоме Пекачи привыкли к нему и знали о нем и о его воспитателях всё. Они сразу же предостерегли Анатолия, что от неотесанных воспитательниц Купряковой и Шутович лучше держаться подальше, потому что от них можно и подзатыльник получить. Причем совершенно незаслуженно. Уж они-то знают. А еще они разузнали, что скоро в детдоме появится столярно-слесарная мастерская. До этого они изредка занимались дома у какого-то дядьки по фамилии Филимович. Потом приехали проверяющие и сказали, что этот человек много получает, но мало работает, и что будет лучше, если в заведении появится своя мастерская.

Анатолий всегда мечтал научиться делать так же искусно, как отец, окна, двери, шкафы, сундуки и даже дома. И вот он, кажется ему, совсем близок к осуществлению этой мечты..

Между тем беседа длилась дальше. Анатолию захотелось узнать, есть ли здесь книги. Пекачи дружно закивали головами: есть, есть, сколько угодно. Правда, свалены они в кучу, но это не беда, в ней разрешают копаться.

Когда Анатолий через некоторое время заглянул в библиотеку, никакой кучи там не увидел. Книги стояли на полках. Правда, когда начал просматривать, понял, что размещены они без всякой системы и не по алфавиту. А выбор большой. И он взял несколько с какими-то серьезными и не совсем понятными названиями.

Через несколько месяцев после переселения к Анатолию приехал старший брат Михаил. Они поели в столовой, после чего Михаил вдруг сказал:

-- В Суворовское училище поступить не желаешь?

-- Я же по возрасту не подойду.

-- Сейчас туда и таких как ты берут. Даже с четвертого класса.

Перед глазами Анатолия тотчас предстали пограничники. Красивая форма, фуражки с блестящими кокардами и ярко-зелеными околышками. Глаза его загорелись.

-- А что мне надо делать, чтобы поступить?

-- Поехать в Минск и пройти медкомиссию.

И Михаил рассказал о том, как он сам пытался поступить сюда, но инвалидам в военное училище хода нет. Показал он и ответы на некоторые свои письма, в которых разговор шел тоже о поступлении.

"Здравствуй, Михаил!

Мы тебе уже писали, что вопросами устройства в Суворовское училище занимаются райвоенкоматы, куда и нужно обращаться с этим вопросом. Михаил, ты пишешь, что сейчас работаешь дома по хозяйству. А почему ты не поехал учиться в техникум? Там ты бы получал стипендию, а через четыре года был бы уже специалистом и помогал маме.

О том, как вы живете, мы написали в соответствующую организацию и просили вам помочь.

Желаем тебе и Толе успехов.

Зав. Отделом писем газеты "Пионерская правда"

Бурмистрова."

Это письмо датировано ноябрем 1953-го. Следующее – из Минского Суворовского училища – 1-м декабря того же года:

"На Ваше письмо сообщаем, что прием кандидатов в Суворовское военное училище производится исключительно через военные комиссариаты по месту жительства."

Анатолий без долгих раздумий поехал в столицу. Полуголодный и измученный, он не смог пройти медкомиссию. То ли сердце подвело, то ли давление. Вернувшись, никому о своих злоключениях не рассказал. Словно и не ездил никуда. В учебе и всяких других детдомовских хлопотах прошли зима, весна, лето.

Потом началась уборка картофеля в недавно созданном колхозе "Парижская коммуна". И вся детдомовская ребятня высыпала на поля. Почти все дети сельские, к работе привыкшие. Потрудились, и вот они уже с картошкой.

Чужие тети-воспитатели как-то незаметно стали близкими и родными. А тех, кто поднимал на детишек руку, давно уволили.

Из "Текстового отчета о работе дружины №2 им.Сталина за первую четверть 1953-54 учебных годов при Шерешевском детском доме" старшей пионервожатой Солоненко:

"Дружина к началу учебного года была подготовлена. Пионеры обеспечены всеми учебными принадлежностями. В первые дни, т.е. 5-8 сентября, прошли отчетно-выборные сборы звеньев. После выборов нового пионерского актива, я провела семинар с звеньевыми, председателями советов отрядов, редакторами стенгазет… На семинарских занятиях я учила звеньевых и председателей советов отрядов, как составлять план работы, как готовиться к пионерским сборам и как их проводить. С редакторами стенгазет я провела семинар о том, как правильно оформить газету, что в ней помещать и сколько места в ней должна занимать критика.

На протяжении всей четверти проводились сборы звеньев. Мы читали журнал "Пионер" и другие издания. Изучали русские, белорусские, украинские сказки.

Дети занимались в следующих кружках: хоровом, танцевальном, музыкальном, художественного слова и рукоделия."

Школа в Шерешево одна на всех – местных и детдомовских. На занятия и с занятий все идут строем и со своим детдомовским флагом. Все дети -- под присмотром старших. Но это не военный и не лагерный строй. Здесь все чувствуют себя свободно и раскованно.

В серой пыли ракиты.
Треск барабана. Зной.
В ногу шагает сытый
Детского дома строй

Веселый у них поход…

Расположена школа не близко – до нее километра два. Колонна движется вдоль длинного дома Владимира, расположенного в самом центре поселка, пересекает по мосту речку Левую Лесную и исчезает за школьной дверью. Немного дальше, за храмом знаний, красивый и просторный дом дяди Александра. Анатолий уже успел побывать у родственников и остался очень доволен этим, потому что и в одной, и в другой семьях чувствовал заботу и тепло.

Там, где над темным прудом
грустно склонились ракиты,
хлопает флагом детдом.
Курят взатяжку рахиты

Вот барабан и труба
В небе вечернем умолкли.
Ветер несет со двора
в комнаты запах карболки

Ветер шумит все сильней,
шепчутся темные слухи
"В развалинах ночью старухи
варят на мыло детей".

Зябко туда выходить,
где над водою ракиты.
Лучше в окно покурить
Месяц висит позабытый.

Учебников хватило всем. Учебникам радовались больше, чем одежде и обуви. В библиотеке книг много, сколько хочешь, столько и бери. И он брал. Он перечитал всё мало-мальски интересное. А потом, через несколько лет, еще и ученикам младших классов будет читать вместе со звеньевым Николаем Цитко увлекательные сказки, рассказы, стихи... И не только читать, но и играть с ними в самые разные игры, которые иной раз будут на ходу придумывать вместе с другом сами.

В таком детдоме жить совершенно не скучно. Наоборот, весело и полезно. Здесь чувствуешь себя нужным родной стране и хочется быть полезным ей, полезным всем людям. И пускай себе иной раз нестерпимо поманит к себе пуща, эта ностальгия -- не от плохой жизни вдалеке. Она не мучительная, а светлая. Она была бы, наверное, даже сладостная, если б не мысли о матери: как там она, как борется со своей болезнью, кто кого одолевает? Помогают ли соседи? Какая судьба братьев Михаила и Александра?

Бывает, захочется маму порадовать, написать письмо, рассказать, как ему здесь хорошо и чтобы не переживала. Но вот незадача: она только польской грамотой владеет, потому как закончила три класса польской школы. И все-таки написать послание так хочется. Напишу по-русски. Если сама не разберется, то кто-нибудь из соседей прочитает. И он начинает перечислять самые яркие эпизоды

детдомовской жизни. Например, с каким азартом они занимаются во всех секциях, которые здесь есть: футбольной, баскетбольной, волейбольной, легкоатлетической, шашечно-шахматной, плавательной. А недавно их детдом занял третье место в районных спортивных соревнованиях. Их же юношеская баскетбольная команда в этих состязаниях вообще вышла в лидеры.

Хочется написать и о том, как их пионерское звено, которым руководит Коля Цитко, вырастило самый высокий урожай капусты и брюквы. На участке, где и он, Анатолий, немало пота пролил, вес каждого убранного кочана капусты – до десяти килограммов. Теперь они – передовики. А еще они пропалывали в колхозе “Парижская коммуна” зерновые и собрали целую тонну люпина.

Недавно в их детдоме создан детский совет, который участвует в управлении всем заведением.

Не забыть бы и еще одно событие упомянуть. Вместе с другими воспитанниками он принимал участие в походе по историческим местам. Маршрут: Шерешево – Кобрин -- Брест. Во время этого похода они побывали в музее Суворова и на могилах расстрелянных фашистами патриотов, встретились со старым подпольщиком Степаном Потерухой, который много интересного поведал о работе подпольщиков Западной Беларуси в 1921-39 годах.

Много чего хочется написать в письме, передать привет от дяди Александра Борисевича, а еще от двоюродных братьев Володи, Ивана и других родстаенников, потому что они – самая близкая мамина родня. К ним он время от времени забегает.

У дяди Александра есть сын Иван. Он только что вернулся со службы в армии. А служил он на балтийском флоте. Настоящий моряк. Высокий. В бескозырке и в черной с полосками красивой форме. Много всего интересного рассказывал и невиданными лакомствами угощал. Так интересно рядом с ним. Он так хорошо всякую технику знает. И любит технику. Мечтает купить мотоцикл. Иван хоть и старше его, Анатолия (у него даже есть уже невеста), но они крепко подружились. С ним весело и чувствуешь себя, как за каменной стеной.

О чем-то писалось, а о чем-то просто думалось. В 10-14 летнем возрасте он уже не сомневался: я буду таким же добрым, как те, кто был и остается добр ко мне; я вырасту и отплачу им той же монетой, но для этого надо стать сильным и обязательно грамотным; без грамоты нынче никуда; именно грамота открывает перед тобой простор, целый мир...

После таких размышлений еще с большим азартом хотелось учиться, заниматься спортом, активно участвовать в общественной жизни... Словом, жить полнокровно. И хоть иной раз чувствовал усталость, чувствовал, что это предел, что сил больше нет, все-таки не останавливался, работал и работал над собой. Никто не знал, чего это ему стоило, всем казалось, что все дается ровбицкому парню легко. А он не подавал вида. Он никогда и ни при каких обстоятельствах не жаловался. Даже тогда, когда было совсем невмоготу.

В этот погожий зимний день могло случиться непоправимое. Было воскресенье. Свободный от занятий в школе, Анатолий после завтрака прихватил коньки и направился к речке. Болотистое место замерзло, и по нему можно идти смело. Разве что ноги в иных местах проваливаются в глубокий снег. Причем кое-где след тотчас заполняется желтой болотной водой. Но вот он на Левой Лесной. Крепко-накрепко привязывает коньки к кирзовым сапогам. Наконец-то можно и покататься. Вон там поблескивает проплешина чистого, свободного от снега, льда. Поспешил туда, оттолкнулся одной ногой, а другая легко заскользила по холодной глади. В душе появилось ощущение праздника. Он успел хорошенько разогреться. Но вот раздался треск. Что это? Он не успел опомниться. Лёд под ногами разломался на мелкие части. В тот же миг сознание пронзила мысль: проваливаюсь под лед.

Парень широко раскинул руки. Хватался за острые осколки. Изо всех сил подтягивался. А мокрая, тяжелая одежда тянула вниз. Лёд крошился, полынья становилась всё шире. Изодранные и порезанные пальцы кровоточили, оставляя под собой красный след. Через какое-то время весь лёд вокруг окрасился в цвет их детдомовского флага. Он барахтался уже более часа, изнемогая, но надежды на спасение не оставил. “Бороться до последнего. Как Маресьев. Есть еще силы, есть. Главное, не отчаяться.” И он снова перебирал ногами и хватался за малейший выступ во льду окровавленными и посиневшими от холода пальцами.

Человек появился, когда надежда начинала понемногу таять.

-- Эй, эй!

Анатолий уже не слышал собственного голоса. А человек услышал. Он подошел поближе, оценил положение, крикнул “Держись, парень!” и куда-то исчез. А минут через десять вернулся с длинным шестом.

-- Хватайся, родимый. Сильнее держись.

С этими словами мужчина пододвинул к нему шест.

Анатолий ухватился. Борьба возобновилась. Потребовались считанные минуты, чтобы оказаться наверху.

-- Ползи, ползи сюда! – кричал человек.

-- Ползу, ползу, -- шептал Анатолий онемевшими губами, хотя тело уже отказывалось слушаться, и снова видел себя Маресьевым. И нестерпимо хотелось жить. А чтобы выжить, надо ползти. Пока.

-- Ну, теперь беги, -- выдохнул мужчина, когда он выбрался на безопасное место. – Беги домой.

Анатолий встал на ноги и продолжал стоять.

-- Где живешь то? – спросил спаситель и присмотрелся у пареньку. – Детдомовский, что ли? Да? Ну, тогда тем более беги. И сразу к доктору.

Мальчик хотел поблагодарить, но губы не двигались. Тогда он двинул одной, другой ногой. Посмотрел в сторону детдома. Вон она, его хата. Пожалуй, осилю. И двинулся вперед. Ему казалось, бежит, между тем как едва переставлял ноги.

К доктору он не пошел. Переоделся во всё сухое, растопил печку и прислонился к ней. По телу разлилось тепло, но потом вдруг стал бить озноб. Никого кроме него в помещении не было, все куда-то разбежались. Вместе с ознобом навалилась такая слабость, что он осунулся на пол. Спохватившись, добрался до кровати и залез под одеяло. Проспал до утра и наверняка спал бы еще, но ребята разбудили. Надо было собираться в школу.

Вскочил.

Чувствовал он себя неважно, даже в какой-то миг пошатнулся, но не придал значения.

Это был третий случай, когда Анатолий находился на волосок от смерти. Ему было всего двенадцать лет.

Как и предыдущие злоключения, это тоже стоило ему здоровья. Но страдал он, как всегда, молча, иной раз до боли стискивая зубы. И никто, в том числе лучшие друзья, мама, родственники даже не подозревали о его болезнях и о том, как трудно ему переносить мучения. Он наоборот казался всем здоровее, чем кто бы то ни было. Он улыбался, шутил, брался за любую работу, которая подворачивалась под руку, занимался спортом. Он очень любил жизнь. Хотел, чтобы все кругом тоже жили широко, вольно, счастливо. Словно чувствовал, что судьбой отведено ему меньше, нежели другим, и за это короткое время нужно побольше сделать, побольше увидеть, побольше оставить после себя другим.

Через много-много лет, в августе 2001-го, он запечатлеет на цветном фото то место, где в детстве едва не расстался с жизнью. Так

уж получилось, что это был его последний приезд на Родину, к окрестностям Беловежской пущи. Сфотографировал самые дорогие места, с которыми его породнило детство. Он приезжал сюда каждый год за две тысячи километров, чтобы встретиться со своими детскими воспоминаниями.

Речка Лесная Левая, пересекающая Шерешево, теперь уже не та. Прямая, затянутая ряской. А какая была красивая в пору его детства: извилистая, глубокая и чистая-чистая. Одним рукавом она устремляется на Запад и криницами-истоками теряется в пущанских дебрях, а другим – на Восток, где к ней сразу за поселком присоединяется такая же речка Точница, бежит, извиваясь, на юго-запад, к Бресту, по дороге сливается с Лесной Правой, превращается просто в Лесную и за Брестом, описав дугу и повернув на северо-запад, впадает в Западный Буг, по которому проходит граница с Польшей. Через польскую Вислу пущанские воды попадают в Балтийское море. Когда-то они выбросили в это море его страх, оставив ему любовь к жизни.

И он жил.

Ему нравилось в Шерешевском детдоме. Именно тем и нравилось, что здесь он ощущал полноту жизни.

А какие заботливые и умные здесь воспитатели. Одна только Ольга Михайловна Головорушко чего стоит. Она с первых дней почувствовал особое уважение и доверие к ней.

Из “Отчета по итогам работы детских домов Брестской области за 1956-57 учебные года”:

“Воспитательница Головорушко О.М. учит детей, как надо готовить уроки. По чтению рекомендует им составлять план.

Несмотря на то, что в ее группу (5 класс) влилось в начале учебного года 17 человек, в большинстве со слабой успеваемостью, она сумела, опираясь на свой актив, тщательно продумывая каждый шаг, обеспечить полную успеваемость в своей группе.

Тов. Головорушко строго следит за точным выполнением режима дня, рациональным использованием рабочего времени, отведенного для подготовки уроков, серьезное внимание уделяет организации учебного процесса, подготовке рабочего места воспитанника, обеспеченности письменными принадлежностями, подготовке учебно-наглядных пособий.

Она предупреждает малейшую возможность воспитанников обращаться за помощью, направляя их внимание на самостоятельное выполнение заданного урока. Требует от воспитанников должного внимания при объяснении учителем в классе заданного урока... По чтению рекомендует детям составлять план рассказа,

приучает вдумываться в текст, выделять главное из прочитанного. Приучает детей обращать внимание на иллюстрации, помещаемые в учебнике.

При затруднениях в решении задач предлагает составлять чертеж по условию задачи, разбираться в условии и в редких случаях сама прибегает к разбору аналогичной задачи. Во время подготовки уроков использует наглядные пособия и учит детей пользоваться ими.”

Прилежных учеников в детдоме много. Вот хотя бы такая справка, найденная в Государственном архиве Брестской области:

“В 1956 году из 128 учащихся 120 переведены в следующий класс, 27 занимаются на “4” и “5”, 60 – на “3”.”

Анатолию, может быть, учеба дается не легче, чем другим, но его вместе с другом-звеньевым Колей Цитко всегда ставят в пример. Ему хочется везде успеть. А когда им привезли деревообрабатывающие станки, захотелось еще и на них поработать. Вспомнил, как отец после пожара в деревне строил людям дома, делал окна, двери и всё остальное, как выстругивал и себе резные наличники на окна. Да не успел, лишь одно окно украсил. Вспомнил смолистый запах стружки.

Анатолий в Шерешевском детском доме (1955 г.)

В мастерскую он заходил, как в святилище. Она рассчитана на десять рабочих мест, потому что в ней имеется десять комплектов столярных инструментов. А еще стоят три больших тиска, сверлильный станок, от которого получает электроэнергию токарный станок по дереву и циркулярная пила.

Отцу бы в свое время такое богатство. А то всё топор да пила, да рубанок с фуганком, да старенькая стамеска, ручное сверло, всякая железная мелочевка.

Когда им разрешили поработать здесь, его радости не было предела. Старался изо всех сил, слушал советы старших, и у него получались вполне пригодные и даже красивые карнизы. В мастерской он ремонтировал вместе со взрослыми и другими ребятами столы и стулья. Потом они перешли на спортгородок. То, что можно было здесь отремонтировать, ремонтировали, иные снаряды изготавливали по чертежам и на глаз. Для себя делали. Сами же здесь изо дня в день и занимались спортом. А когда возводили здание электростанции, пришлось побыть и подсобником. Серьезную работу выполняли на этом объекте взрослые. Здесь не только навык, но и сила требовались.

В 1957-м, когда Анатолий вместе со сверстниками складывали вещи для переезда в Брест, в училище радиосвязи, Роман Сафронович привез откуда-то пианино и пригнал трактор. Пианино Анатолия меньше всего интересовало. Он попросту не знал, что это такое. А вот трактор... Трогая руками огромные железные колеса, руль, теплый после работы двигатель, юноша завидовал тем, кто оставался здесь еще на некоторое время.

Жизнь в детдоме становилась всё интереснее и легче. Ну, конечно же, легче, потому что самый тяжелый труд в поле сможет выполнять механизм. Наверное, и еды будет побольше, потому что трактором участок побольше обработать можно. Хоть и не уезжай никуда. Но в училище, наверное, тоже очень много всего интересного будет.

Уже весна. Теплая и влажная весна 1957-го -- последняя в детдомовской биографии Анатолия Климца. Отличника учебы. Активиста. Ему уже идет пятнадцатый год. Он уже почти взрослый. Он чувствует в себе силу и потребность применить ее на благо людям, Родине, родным.

Есть в отдаленной области небес
былая жизнь...Всегда зеленый лес
и заводи незамутненных рек.
Давно покончил с ними человек.

Есть в отдаленной области небес

спасительные, как роса в пустыне,
мгновенья лучшие тех, кто давно исчез,
и тех, кто честно здравствует поныне.

В той области небес стоят твои глаза.
Там помыслы друзей, как в золотом архиве
несбыточно живут! И на осенней иве
двух-трех учителей трепещут голоса.

В той области небес нет сторожа у входа,
но человек туда всей жизнью не войдет.
Там реют сироты сорок второго года
Там вечерами хор детдомовцев поет.

В один из погожих весенних дней приехал его проведать брат Михаил. Он уже учился в Могилевском культпросветучилище и работал заведующим избой-читальней в родном Ровбицке. Увлеченно рассказывал о поездках, учебе, работе. Радовался: младший брат не подводит, довольны им и воспитатели и Роман Сафронович. Они вспоминали о самом младшем, Александре : как он там?

В детских домах нынче условия, пожалуй, получше, чем дома в деревне, -- говорил Михаил. – Я погляжу, у вас тут чистота и порядок. Сам ухоженный, чистый, опрятный. Наверное, у Саши тоже все в порядке. Помнишь, я тебе в предыдущие приезды рассказывал, что воспитательница его письма присылала. После того я несколько раз был в Кобрине. Он ни на что не жалуется. Доволен воспитателями, а воспитатели – им.

-- Да, хорошо здесь. – Анатолий задумался. – А в пущу все равно хочется. Магнитом тянет. Перед отправкой в Брест отпрошусь на несколько недель, отведу душу. И Сашу повидать тоже хочется.

-- Сами, по идее, должны отпустить.

-- Еще лучше.

-- Приезжай, приезжай. Там по тебе твой Василий Рубель скучает, всё спрашивает, не приедешь ли. А я, как только подвернется свободная минута, к Саше заеду.

Из чистой и уютной комнаты, которая служит и спальней, и местом для выполнения домашних заданий, они выходят на улицу. Свежий воздух наполняет грудь.

-- Сейчас бы в лес за ландышами, -- произносит Анатолий. – Я соскучился по ландышам, ягодам, грибам.

-- Потерпи, вот приедешь, и нарвешь, -- не нашелся, что еще сказать, Михаил.

Младший брат Александр в Кобринском детском доме (1955 г.)

-- Да, я обязательно соберу букет ландышей, и подарю его маме.

-- Ей не до ландышей.

-- Я знаю. Все равно подарю.

-- Ну и молодец.

За разговором они и не заметили, как подошли к Шерешевской столовой.

-- Заходи. Покормлю. – Михаил отворил тяжелую металлическую дверь.

Каждый раз во время приезда Михаил кормил Анатолия в столовой горячим обедом. Это всё, что он при тогдашней своей бедности мог сделать для брата.

В этот день был гороховый суп и котлеты с картофельным гарниром.

От добавки Анатолий отказался, хотя ел всё с таким аппетитом, будто голодал по меньшей мере неделю.

-- Морят вас тут голодом.

-- Мне хватает.

Пообедав, они сфотографировались на фоне одной из улиц Шерешева и распрощались.

Глава третья

<u>ЮНОСТЬ</u>

(1957 – 1962)

Анатолий вошел в просторную и высокую спальную комнату к семилеткам и обвел всех (а здесь находилось человек восемнадцать) внимательным взглядом. Здесь, среди этих ребят – его родной брат. Где же он? Неужели забыл? Этот? Или этот? Подошел сначала к белобрысому мальчугану Юрию Шаврину, потом к Павлу Ильчуку:

-- Тебя зовут Саша?

Саша стоял в стороне и молчал от обиды, что его не узнал брат. Он и сам совсем забыл о брате и тоже не знал, как он выглядит. Но ведь он тогда, когда они расстались, был совсем маленький. С той поры прошло четыре года.

Но вот они наконец обнялись. И Анатолий почувствовал, что отныне он взрослый и для Саши должен быть тем, кем еще не так давно были для него отец и дядя Михаль. Он сам – защита для брата и всех, кто слабее.

В этот день он вернулся в свою группу поздно вечером лишь после того, как рассказал малышам-первоклашкам придуманную на ходу сказку об озорных детишках и медведях. Многие под эту сказку уснули, так и не дослушав ее до конца. А те, кто дослушал, и младший брат в том числе, попросили придти к ним еще и завтра, и вообще почаще приходить.

И он зачастил к детям. Особенно по вечерам, когда те ложились спать. Приходил, и ребятишки замирали в ожидании очередной удивительно интересной сказки или страшной истории.

Стройный, подтянутый, с ежиком жестких волос, он одним своим присутствием вселял в окружающих уверенность и умиротворение. Когда он приходил к малышам, воспитатели отдыхали.

<u>*ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АНАТОЛИИ ПАВЛОВИЧЕ ЕГО БРАТА АЛЕКСАНДРА :*</u>

Брата Анатолия я помню только с семи лет. Меня привезли вместе с остальными воспитанниками Кобринского детского дома в г. Брест, в училище № 1 радиотехники для обучения. В те времена по указанию партии и Никиты Хрущева дошкольные детдомовцы направлялись в технические училища прямо с первого класса. Перемены в моей жизни были наполнены событиями, все было новым

и интересным. Как-то раз, через неделю после приезда, в столовой училища дети из моего класса сообщили, что меня ищет брат. Но за время пребывания в детском доме я совсем забыл о своей семье. Когда я попал в Кобринский детский дом, мне было только три года. Только много позже я каким-то образом сумел вспомнить, как меня забирали из дома, долгую дорогу... Это был 1953 год, конец лета. Тогда же, как я позже узнал, отправили в детский дом, но только в гор.пос. Шерешево и моего брата Анатолия, ему было уже 10 лет, совсем взрослый по сравнению со мной. Толя потом часто добрым словом вспоминал директора Шерешовского детского дома по фамилии Каптур. Так случилось, что после окончания восьми классов Анатолия вместе с однокласниками направили для получения профессии телерадиомеханика в то же в Брестское училище № 1. Там мы впервые встретились после четырех лет разлуки. В детстве это большой период. Своего брата я совсем забыл, хотя, как рассказывал мне мой старший брат Михаил, до гибели отца мы с Толей были неразлучными друзьями и я за ним всегда ходил по пятам. Меня он тоже, кажется, уже не узнал. Сначала он даже спутал меня с другим мальчиком из моей группы.

Братья Михаил, Александр, Анатолий во время новогодних каникул дома, в д. Ровбицк, 1957 г.

Во время обучения в училище мы общались, но разница в возрасте давала себя знать. В детские годы это особенно заметно, особенно если эта разница составляет семь лет.

Здание училища по тем временам казалось огромным, да оно и в самом деле было большим. Это было длинное трехэтажное польское здание, этажи высокие, комнаты и коридоры широкие и просторные. На третьем этаже располагались спальные комнаты, на втором этаже учебные классы, библиотека и дирекция училища, на первом этаже мастерские, спортзал, актовый зал, столовая и различные подсобные помещения. Жизнь в училище напоминала улей и была очень насыщенной и интересной. Коллектив состоял из первых и вторых классов, далее шли группы девушек 7-ых классов (группы связистов), несколько групп юношей 5-х и 8-х классов и две самых старших группы 9-ых классов, в одной из которых был Анатолий. Учиться ему предстояло 5 лет, до 12-го класса с получением специальности "Телерадиомеханик". Телевидение в то время, как таковое, только-только начиналось. В каждом классе было около 30 человек учащихся. Все они были воспитанниками детских домов из разных городов Белоруссии. Был также большой преподавательский коллектив.

Анатолий, заходя иногда по вечерам к нам в спальные комнаты первых классов (по 10-15 человек), как-то сразу подружился со всеми детьми. Он приходил и рассказывал сказки и каждый вечер дети с нетерпением ждали его прихода, чтобы только услышать сказки, которые, как мне сейчас вспоминается, он часто сам придумывал. Но слушали его дети открыв рты и затаив дыхание, при полной тишине. И, естественно, следствием всего этого было то, что дети его просто обожали. И где-то в глубине души я даже ревновал, так как по настоящему он приходил не ко мне, а ко всем нам. Любили его и наши воспитатели – Фрида Ефимовна, Анна Степановна и другие. Когда приходил Толя, они могли со спокойной душой идти домой, так как знали, что теперь с нами будет все в порядке. А ведь часто, особенно когда мы стали чуть-чуть старше, между младшими классами после отбоя и тушения света, в коридорах между спальнями устраивались побоища на подушках с устройством баррикад из стульев и бросанием деревянных кубиков от игрушек. Когда приходил Толя, такого никогда не случалось.

Учащиеся третьего класса радиотехнического училища ТУ № 1 (г. Брест, 1959 г.). Слева направо третий Вова Приступа, далее Юра Ушаков, Коля Пономаренко, Юра Проходцев, Саша Климец, Коля Головейко, Миша Янковец, Степа Сац, Ваня Федорчук

Любили его и преподаватели и весь педагогический коллектив. Анатолий был отличником учебы и хорошим спортсменом и его часто ставили в пример. В училище была секция вольной борьбы, в которой он занимался и достиг определенных успехов, выезжал на соревнования по вольной борьбе даже в Грузию. Занимался также баскетболом и волейболом и всегда был на острие атаки.

Однажды, когда Анатолий был уже в 11 классе, это помогло ему. А произошло вот что. Был у Анатолия в группе парень, который неплохо учился, был хорошим товарищем, но физически довольно слабым. В этой группе был также одноклассник, двоечник, гораздо более высокий и физически развитый, который часто над ним грубо издевался, пользуясь своей силой и не давал ему прохода. Как-то раз Анатолий застал сцену очередного издевательства над его однокласником. Происходило это на футбольном поле в мае месяце. Это, видимо, сильно возмутило его и он вступился за своего товарища. Когда обидчик полез в кулачную драку с Толей, видимо, решив, что справится с ним без труда, так как он был ростом выше и плотнее, чем Толя, Анатолий, проведя с ним несколько силовых захватов и борцовских бросков на землю, заставил того просить

прощения. Я был тому нечаянным свидетелем. С этих пор издевательства над его однокласником прекратились. А преподаватели и друзья (как и все мы, первоклашки), стали уважать Анатолия еще больше. Через много лет, будучи уже генеральным директором Донецкого объединения, приезжая к родственникам в г. Брест, Анатолий Павлович не забывал навещать товарища юности, за которого он когда-то, не раздумывая, заступился.

Каждый год летом все училище выезжало на два с половиной месяца в пионерский лагерь в 40 километрах от Бреста в лес недалеко от дер. Великорита на берегу реки Рита. Жили в больших армейских утепленных палатках на 15 человек, палаток было много, лагерь был большой, каждый год строили сами деревянную столовую с кухней и обеденным залом и почти каждый год после нашего отъезда ее поджигали местные подростки. Открывали лагерь всегда большим пионерским костром и также закрывали его. В этот период проводились различные мероприятия – туристические походы в лес и на озера. В лесу всегда было много ягод – черники, голубики, брусники, было много разных грибов, особенно лисичек. По выходным дням привозили кинокартины и весь лагерь вечером смотрел фильмы на экране из белых полотнищ прямо на поляне, а электричество для кинопроектора подавалось от дизельного генератора.

Всегда, когда мы приезжали в лагерь, ребята из старших групп устраивали на речке Рита плотину из камней и дерна, так как река была довольно мелководной. Вспоминаю, как Анатолий, прирожденный лидер, всегда с энтузиазмом вместе со всеми работал на строительстве таких плотин. После этого река перед плотиной становилась широкой и глубокой, а в месте падения водопада плавать становилось даже опасно.

Пять лет пролетели очень быстро, хотя в детстве все настолько насыщено событиями, что сейчас кажется, будто тогда была прожита целая жизнь. Мой брат Анатолий сдал последние выпускные экзамены, получил диплом и уехал по направлению к месту своей первой работы. Впереди ему предстояла армейская служба.

На пятый год моей учебы в училище подули новые ветры, Н.С. Хрущев был отстранен от должности, на его место пришел Л.И. Брежнев. Училище начали формировать по новой системе. Младшие классы под Новый год расформировали и направили по различным детским домам. Мой класс почти в полном составе попал в детский дом в г. Пинске Брестской области. Здесь начался новый, совершенно другой этап в моей жизни.

Об Анатолии я теперь почти не имел никакой информации. Знал только, что он служит в армии где-то на Украине.

Как-то раз в седьмом классе я получил от Толи письмо из армии. В конверт было вложено десять рублей. Этот поступок можно оценить теперь, понимая, что как военнослужащий, он отправил мне весь свой месячный заработок, тем более что ни наша мама, ни старший брат Михаил в то время не особенно могли ему в чем-то помочь!

Однажды летом, после окончания восьмого класса, Толя проездом из армии в отпуск домой приехал к нам в Пинский детский дом. Нужно было видеть, как его встречали мои одноклассники. Сколько было неподдельной радости. Ведь все его прекрасно знали и помнили. Несколько человек побежали сразу на находящийся рядом Пинский хлебокомбинат, который шефствовал над нами, и принесли оттуда для него сумку свежевыпеченных булок и сумку пряников. Это все, чем они могли его угостить от чистого сердца. После обеда в нашей столовой все мы собрались на спортивной площадке, Толя играл в волейбол, общался с детьми... Уехал он в тот же день вечером. После этого приезда в следующий раз я увидел его только в августе 1969 года. Анатолий уже женился и с женой и сыном Павлом приехал в гости на родину. Я в это время после окончания средней школы № 4 в г.Пинске заканчивал двухлетнее обучение по специальности "телерадиомеханик" в том же училище № 1 в г.Бресте по ул.Кирова, 82, из которого был отправлен в Пинский детский дом в 1963 году.

Когда я уже служил в армии на Украине, в Житомирской области в военном городке возле станции Белокоровичи, меня, как специалиста в области радиотелеаппаратуры, отправили в командировку в г. Донецк за радиодеталями.

За это время в семье у Анатолия, кроме сына, родилась дочь Марина. В Донецке я пробыл один день и уехал обратно в часть. Как обычно, Толя со своей энергией и деловитостью сделал все, чтобы за время моей командировки помочь выполнить и даже перевыполнить все те поручения, с которыми я приехал в г. Донецк.

Жизнь продолжалась. Вернувшись из армии в 1972 году я поступил учиться в Брестский инженерно-строительный институт. Летом 1972 года перед сдачей вступительных экзаменов я вместе с мамой Еленой Адамовной Климец (Борисевич) съездил в г. Донецк в гости к Анатолию. Там мы встретились с его семьей и семьей родителей его жены. Толя организовал нам поездку на Азовское море и посещение Донецкого театра оперетты.

С этого времени Анатолий стал чаще приезжать к себе на родину. Каждый его приезд воспринимался родными и близкими как настоящий праздник в силу необычных человеческих качеств Анатолия.

...В последний свой приезд Толя в минуту отдыха рассказал нам такой анекдот: "Один человек в момент отчаяния решил повеситься. Встал на стул и стал одевать петлю на шею. Вдруг видит, лежит недокуренная сигарета. "Вот докурю ее и после этого повешусь", - решил он. Докурил сигарету и опять стал одевать петлю на шею. Только собрался вешаться, смотрит, а на столе стоят недопитые 100 грамм водки. "Эх, вот допью эти 100 грамм водки и тогда повешусь", - решил этот человек. Вылез он из петли, выпил 100 грамм водки и ... похорошело ему. "А жизнь налаживается...", - подумал он и после этого больше не стал делать попыток".

Часто после ухода Толи из жизни, в трудные минуты, мне вспоминается его добрый смех и его оптимистические слова: "А жизнь налаживается". И на душе становится легче.

Светлый образ Анатолия у меня всегда ассоциируется с солнечным днем и праздником.

В группе Анатолия – 26 человек. Здесь ребята из разных уголков Беларуси. И сами они очень разные. Но объединяет их юный задор и огромное желание получить профессию и быть полезными обществу, стране.

Вечером после отбоя воспитатели, убедившись, что все спят, покидают высокие стены заведения, и даже не подозревают, что кое-кто из ребят бодрствует даже после полуночи.

Вот по рядам прошлась строгая, но одновременно и добрая, отходчивая заместитель директора по учебной части Любовь Денисовна Шевчук. Нет ни одной пустующей кровати. Значит, все на месте, все спят. Ну и славненько. Можно и самой отправляться отдыхать.

За преподавателем захлопывается дверь, и в тот же миг одеяло на кровати Анатолия откидывается, и вот он уже в вертикальном положении. Словно по команде, вскакивают со своих постелей еще несколько ребят. Они тихонько прокрадываются на первый этаж в мастерскую, и закипает работа. Парни уже помешаны на радиоэлектронике, им не спится, они собирают самый что ни есть настоящий телевизор.

Дымят паяльники, мелькают в руках лампы, конденсаторы и транзисторы, отвертки и крохотные сверла. В глазах – ни следа сонливости. В них – воодушевление. Они создают такую технику, о

которой многие их соотечественники еще даже и представления не имеют.

В те годы о телевизорах большинство людей слыхом не слыхивало. А видеть могли разве что единицы. Они же не только знают, что такое телевизор, но и полностью представляют себе, как он устроен, из чего состоит и какую функцию представляет каждая деталь. Они сами, своими руками, мастерят этот фантастический аппарат. У них на языке не матерное слово, а профессиональные термины, и разговор сугубо деловой: что, куда и для чего припаивать, как можно усовершенствовать уже имеющуюся схему или обойтись без той или иной не самой важной запчасти.

Рядом пыхтит, наматывая на специальные пластины медную проволоку (вручную изготавливает трансформатор), весельчак и непоседа Гена Колотило; напротив Коля Цитко – как всегда серьезный и сосредоточенный. Чуть поодаль Степа Каташук склонился над схемой и выстраивает такую же схему у себя в голове. Смекалистый парень, мастеровитый.

-- А здорово мы всех на выставке технического творчества обошли, а? – Не выдерживает, еще раз хочет вместе с друзьями порадоваться за успех, Гена.

-- Здорово, конечно, -- Анатолий на сей счет менее эмоционален. – Динамики получились, что надо. Трансформаторы тоже. Но какое же это геройство? Это обязанность наша – знать и уметь всё, что касается нашей будущей профессии. Нас этому учат.

-- Но мы то лучше других выглядели, -- не унимается Гена.

-- Значит, мы более ответственны и всегда помним о своем долге перед Родиной.

-- Ого, как громко сказано. Будто мы на комсомольском собрании.

-- Не громко, а искренне сказано. Разве государство не кормит, не обувает и не одевает нас? Или это не оно дало нам кров? Или не оно обеспечивает наше будущее, предоставляя нам возможность овладевать такими ценными навыками?

-- А все-таки тебя правильно комсоргом избрали.

-- Да ну тебя, Гена. Причем тут комсорг. Не по мне, ты же знаешь, активистом быть. Так что не ерничай.

-- Я не в обиду. Серьезно говорю: ты не только говоришь, но и думаешь пламенно. И я согласен с тобой. И Степа с Колей тоже так думают. Эй, слышите меня?.. – Это он уже обращается к двум остальным участникам тайного ночного собрания.

Степан и Коля согласно кивают головами.

-- Хороший подарок будет к 1 Мая, -- произносит после нескольких минут молчания Анатолий.

-- Кому подарок? – чуть ли не в один голос спрашивают ребята.

-- Для себя в первую очередь. Если телевизор заработает, кому больше всех радости будет?

-- Нам.

-- Ну, вот. А если вдобавок и еще кто-то порадуется за нас – это будет двойная радость.

-- Тогда давайте быстрее работать, -- подгоняет Гена.

Комсорг, однако, спокоен:

-- Успеем, времени хватает. Не забывайте: у нас завтра соревнования по легкой атлетике, и надо хорошенько отдохнуть.

-- Хорошенько уже не получится. Уже заполночь, -- никак не желает расставаться со своим трансформатором Гена.

-- Нет, ребята. Через минуту надо идти спать.

Через минуту четверка полуночников пробирается в полутьме на третий этаж, беззвучно отворяются одна, другая высокие двери, и за этими дверями скрываются парни. Еще минута, и они погружаются в глубокий сон. Что им снится? Родной дом? Родные места? Преподаватели? Девушки? Трансформаторы, динамики, телевизоры? Может быть, им снится всё вместе, потому что они полны впечатлений и азарта, и желаний, и просто молодого полета.

Утром Анатолий, несмотря на поздний отбой, проснулся раньше обычного. Над ним высокий, как небо, потолок. Света в комнате было, пожалуй, не меньше, чем на улице. А там уже всходит по-весеннему яркое солнце – предвестник погожего дня.

Вместе с пронзительно ярким светом в помещение через высокие стрельчатые окна врываются запахи и звуки весны. Так пахнет Беловежская пуща. Так пахнет сырая древесина, мхи, мокрый папоротник. И так пахнут нежные пущанские ландыши. Свист скворца, знакомые с детства трели… Закрой глаза, и ты снова в пуще. Или дома, в Ровбицке.

Необозримая , от горизонта до горизонта, темная полоска в седой дымке за Диким Никором предстает перед глазами. Ностальгия. Плывут кадры: стадо зубров в двадцати метрах от него и Василия и сердитая зубриха, направившаяся к двум друзьям; вьюны; лоза; Тарзан на экране в школе; книги, “Повесть о настоящем человеке”… Представил себе Маресьева. Вот это сила воли. Надо чаще вспоминать о нем. Так легче преодолевать трудности.

Анатолий обводит взглядом кровати – синие с разноцветными полосками фланелевые одеяла. Ребята безмятежно спят. Примерно

через час – подъем. А тут не до сна. Надо хорошенько обдумать, как выйти победителями в сегодняшних спортивных состязаниях. Положиться есть на кого, но главное, самому не подкачать. На него возлагают большие надежды. Может, усилить тренировки? Вроде и так выкладываюсь. Нет, надо усилить. А пока ничего не остается, как настроить себя на победу. И немного вздремнуть, не растрачивать силы.

Сон, однако, не возвращается. Одолевают мысли. “Кто ввел прыжки с шестом во всем училище? Анатолий Климец. Кто заразил полгруппы велосипедным спортом? Климец. В баскетболе все ждут моих точных бросков. Некуда деваться – надо держать марку. И, наверное, это здорово, когда от тебя так много зависит. Трудно, но здорово. Ты же хотел быть сильным. Хотел? Вот еще только следовало бы проучить этого здоровяка-забияку, который не дает проходу ребятам послабее. Одолею ли? Надо одолеть. Надо.” Он находит глазами кровать, на которой лежит хулиганистый одноклассник. Тот спокойно похрапывает. Лицо даже во сне наглое, угрюмое.

Подъем. Годами отшлифованными движениями Анатолий заправляет кровать. Холодная вода в умывальнике приободряет.

-- Миша, Миша, окати и ты себя холодненькой водичкой. Ну, что ты скукожился.

Миша Кузьмич – тихоня. Отличник, но какой-то незаметный, сторонится шумных компаний, какой-то весь в себе.

-- Миша, вечером в шахматы сыграем, а?

-- Ага. – Миша вслед за товарищем тоже пробует облиться холодной водой, но тут же отказывается от этой затеи, хватается за полотенце. Анатолий смеется, подбадривает.

-- Миша, шевелись, шевелись, и к тебе потянутся.

Вот так все время он подбадривает паренька, и у того прибавляется уверенности.

Завтрак. Могли бы и посытнее кормить. Хотя бы сегодня – все-таки соревнования впереди. Здесь нет дяди Александра и тети Саши Борисевичей, которые здорово подкармливали в Шерешево.

Разминка.

-- Миша, идем к нам. Бросай мяч.

Миша бросает Анатолию, а Анатолий – в кольцо. Бросает несчетное количество раз. Движения отрабатываются до автоматизма.

-- А теперь попробуй-ка отнять у меня мяч.

Гм, попробуй отними.

Вспоминает одноклассник Анатолия Климца Михаил Кузьмич:

“Анатолий казался тогда обычным парнем. А вместе с тем и необычным. Хорошо учился. Спортом увлекался. Но главное, он как-то умел со всеми ладить, не был высокомерным.

Знаете, я по натуре человек очень спокойный, застенчивый. Учился, конечно, примерно так же, как и Толя. Но что касается остального (общественной и вообще внеурочной жизни), тут уже мы были полной противоположностью друг другу. С ним как-то все дружили. Ну, или почти все. А я всё больше особняком, сам по себе. Так вот замечал меня и считался со мной, несмотря на то, что недостатка во внимании никогда не испытывал, один Толя. Сколько себя помню, он никогда не игнорировал меня, и благодаря ему я не чувствовал себя одиноким.

Например, проводится какое-то мероприятие. Толя сразу ко мне: идем с нами, развеешься. И я шел. И не жалел, потому что рядом с Толей Климцом чувствовал себя уютно и уверенно.

Сядем с ним в шахматы играть. Такое случалось длинными зимними вечерами. То он выиграет, то я. Это, пожалуй, единственный вид спорта, в котором мы были примерно на равных. Причем Анатолий, в отличие от других, никогда не кичился своей победой и никогда не оправдывал свой проигрыш плохим самочувствием или тем, что-де он и не хотел выигрывать. Прост был и искренен, и очень доброжелательный.

Как-то мы готовились к государственным экзаменам. Зубрим, зубрим... Я, как обычно, в уголке, отдельно от всех. Тут ребята засобирались на речку искупаться. Меня по обыкновению не замечают. Лишь Толя в какой-то момент окликнул:

-- Миша, пошли с нами купаться.

-- Не могу – не успею выучить, -- ответил я больше из кротости, нежели оттого, что действительно не хотел идти на речку.

-- Отдохнуть надо. Обязательно надо, -- уверенно сказал Толя.— Знания у тебя не плохие, а отдых взбодрит и освежит память.

И мы побежали на речку Мухавец. В жаркий полдень лучше прохладной воды не могло быть ничего.

В тот день экзамен по электротехнике и я, и Анатолий сдали на “отлично”.

Соревнования по кроссу, прыжкам в высоту и длину, футболу, баскетболу они в очередной раз выиграли. Анатолий участвовал в каждом состязании. И в каждом приносил львиную долю очков своей команде. Но вел себя так, будто он ни при чем. И этим еще больше нравился и учащимся, и преподавателям.

Но вот снова отбой. И снова несколько “заговорщиков” тайно проникают с третьего на первый этаж, в мастерскую, и снова закипает работа. Она, конечно же, нисколько не мешает ребятам обсуждать главное событие дня. Тем более, что эйфория по поводу победы еще не прошла.

Ребята и не заметили, как от обсуждения спортивных баталий перескочили к теме сборки телевизора. Кто-то предложил упростить схему. Но надо же каждому убедиться, что это никак не отразится на работе аппарата. По крайней мере, в худшую сторону. Наконец соглашаются: да, упрощение пойдет только на пользу. И снова задымили паяльники, замелькали отвертки и другие инструменты. Время понеслось стремительно, но о нем все забыли. Опомнились, лишь когда за окном темень стала окрашиваться в более светлые фиолетовые тона.

Наконец настал день, когда на экране телевизора появилось изображение, а динамик из-за пластмассовой решетки издал звук.

Посыпались предложения, как усовершенствовать работу аппарата. Не один раз он разбирался и собирался снова. Преподаватель радиотехники Владимир Андреевич Юшков, зная о способностях парней и о том, чем они занимаются (это он снабжал их пластинами для трансформаторов и всевозможными другими запчастями), все-таки удивлялся: когда успели практически из ничего собрать полноценный телевизор? Проверял, насколько они придерживались схемы, всё ли учли, и снова удивленно причмокивал языком: надо же, не просто повторили, но и усовершенствовали устройство аппарата. Мастер Николай Васильевич Лапурко тоже не мог нарадоваться: ну, ничем этих ребят не удивишь; они еще тебя научат.

Первое Мая, тем временем, приближалось.

-- Ну, кому же все-таки подарим этот плод коллективного труда? – атакуют друзья Анатолия.

-- Труд-то действительно наш, и знания наши, а вот всё остальное – всё то, из чего состоит “телик” – государственное. – Рассуждает юноша с ежиком на голове. – Поэтому сами, без участия дирекции училища, без Григория Германовича Игнатенко, ничего и решать не будем.

-- Да, Григорий Германович – еще тот технарь.

-- И как директор он толковый. Он не одного из наших защитил.

-- Да просто человек он что надо. Помните, подрались с граевскими, так он выгородил всех.

-- И когда с киевскими, тоже выгородил...

Зашумели ребята, когда разговор о директоре зашел.

В конце концов решено было в честь праздника 1 Мая подарить телевизор секретарю Брестского городского комитета коммунистической партии Беларуси Сильвии Михайловне Питерской. Она заслужила такого подарка своим добрым отношением и к училищу, и к его воспитанникам. Именно благодаря ей училище претерпело много изменений к лучшему, а учащиеся чувствовали постоянную заботу о себе со стороны государства.

Долгое время созданным руками ребят телевизором пользовались ответственные работники горкома.

За пять лет учебы парни собрали не один такой аппарат.

Потом эти телевизоры оказывались в служебных кабинетах, в красных уголках, радовали людей и приносили им пользу. У ребят же оставались знания и навыки. А это самое главное богатство, которое невозможно растратить, зато при умелом обращении можно бесконечно приумножать. Еще тогда, в юном возрасте, они понимали и осознавали это. А когда побывали на практике в Минске, то и испытали, что называется, на личном опыте.

Почему на практику именно в Минск? А куда же еще. Ведь это училище (кстати, значащееся под номером один) было единственное в республике; да и во всём огромном Советском Союзе аналогичных учебных заведений действовало всего-то около тридцати. С другой стороны, какой город на то время был наиболее обеспечен современной техникой? Понятное дело, столица.

Ребята ехали уверенные в том, что не подведут. Ведь у них не только знания, но и практические навыки. Правда, вид имели не совсем презентабельный: на плечах ФЗУшные шинели, в руках – деревянные чемоданчики с инструментом и кое-какими запчастями.

Телевизоры в то время имели довольно зажиточные минчане либо крупные руководители. Заходишь к такому в жилище, а там невиданная красота: ковры, диваны, комоды, картины, гардины... Интересно всё это рассматривать. Да работа ждет. Открываешь крышечку, а там на лампах уже слой пыли. По инструкции, сначала надо всё почистить. Это несложно. Потом вилку в розетку... Ну, что там? Лампа не горит? Поправим. Все равно не горит? Посмотрим, что у нас в чемоданчике. Есть такая? Прекрасно! Нет? Надо поискать.

И вот уже лампа заменена, все параметры настроены рукой профессионала, хозяин не знает, как и благодарить. Он достает из кошелька бумажку и протягивает спасителю. Но студент к такому не привык. Какие деньги? Не положено. Правда, кушать хочется, ботинки прохудились. Эх, неплохо было бы иметь хотя бы небольшую

сумму. Ведь не от кого больше ждать помощи. Но что это за мысли такие? Нет, нет, никаких денег. Хозяин, однако, ухитряется как-то сунуть купюру в карман. А чтоб юный мастер не чувствовал себя виноватым, подмигивает ему и улыбается, дескать, пирожок себе купишь, это же от чистого сердца, а не взятка какая-нибудь.

Работа ладилась. Чинить телевизоры – не работа, а одно удовольствие. Правду говорят, что знания за плечами не носишь, а пользуешься ими во благо себе и окружающим. За всё время производственной практики так и не случилось ни одного прокола. И еще одну мудрость усвоил Анатолий с ребятами во время пребывания в столице: не стоит отказываться от людской благодарности, потому что это естественно.

Обратно в Брест ребята вернулись не в казенной ФЗУшной форме, а в новеньких костюмах и пальто, новых блестящих ботинках и с небольшим капиталом в кошельках, о котором, правда, нельзя было никому распространяться. Теперь можно и девушку пригласить на прогулку, купить ей какую-нибудь сладость, а то и что-нибудь посерьезнее. И приглашали, угощали, дарили подарки, а иные по окончании учебы даже создавали семьи. И до сих пор живут счастливо, душа в душу, добрым словом вспоминая тех, кто дал им путевку в жизнь.

Вспоминает заместитель директора Брестского училища №1 по учебной части Любовь Денисовна Шевчук:

“Что это были за ребята. Толя Климец, Гена Колотило, Коля Цитко, Степан Коташук, Ваня Павлюкевич… Какое у них было огромное стремление овладеть всеми тонкостями и премудростями профессии. После отбоя они шли в мастерскую и там продолжали трудиться. Мотали трансформаторы, мастерили телевизоры. Я поражалась их активности. Причем всё они делали бескорыстно. Это вообще бескорыстные люди. Мы ведь продолжаем встречаться и по сей день, и я вижу, что они такими же и остались.

Толя был товарищ просто удивительный. Сам будет погибать, но друга (да и не друга даже, а просто ближнего) в беде никогда не оставит. И никогда не пожалуется. Умирать будет, а не пожалуется. Уж я то хорошо его знаю. Нет, он не драчун. Наоборот, очень спокойный, на первый взгляд даже беззащитный. Но чуть что, в обиду ни себя, ни кого бы то ни было, не даст. Вместе с Геной Колотило они ого как увлекались троеборьем. Им завидовали. Но как им всё это давалось. Вставали раньше всех. Бегали. Тренировались.

Когда кому-то из ребят темную сделали и мы, т.е. руководство училища, узнали об этом инциденте, я очень испугалась, что в

избиении участвовал Анатолий. Думала: неужели я в нем ошибалась? Оказалось, что не ошибалась, не было его там.

Правда, когда мы свой театр организовали и подбирали актеров для спектаклей, Анатолий выходить на сцену наотрез отказался. Здесь Гене пришлось работать без своего лучшего друга. Он более артистичен. А вот Анатолий не артист. Хотя, конечно же, если бы взялся, то не подвел бы. Он вообще никогда и никого не подводил. Чего бы это ему ни стоило. Если пообещал – костьми ляжет, но сделает.

Еще до прохождения практики в Минске кто-то предложил организовать на базе училища первое в этом городе телерадиоателье. Идея понравилась всем. И вот ателье уже в действии. Приносит человек свою радиолу либо телевизор на ул. Кирова, 82 города Бреста, ребята чинят и за работу не берут ни копейки. Своё ателье они так и назвали – “Спасибо”. Им приятно было, когда слышали от человека это волшебное слово. Ну, а что труд приложили – так это же учеба. Опять же прославились они этим свои ателье. Об их почине газеты часто писали. Причем не только местные, но и республиканские, и союзные. А первое объявление об открытии такого вот оригинального сервисного пункта появилось в областной газете “Заря”.

Анатолий перед окончанием училища № 1 радиотехники в г. Бресте (1961 г.)

ВСПОМИНАЕТ О ТЕХ ГОДАХ ЗАМ. ПО ПОЛИТЧАСТИ БРЕСТСКОГО ПТУ№1 МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БАРАКОВА (КАЛИТА):

“Все учащиеся ПТУ были воспитанниками детских домов. Любознательные, способные, отличались большим трудолюбием. . Они с большим интересом изучали свою специальность. Производственные мастерские всегда были заполнены до позднего вечера. Ежедневно проводились под руководством воспитателей часы самоподготовки.

В училище были своя библиотека, клуб, комната отдыха. Постоянно работали многочисленные кружки, спортивные секции, мы посещали краеведческие музеи, театры, кинотеатры. На заработанные деньги организовывались экскурсии в Москву и другие города Советского Союза.

ВСПОМИНАЕТ УЧАЩАЯСЯ БРЕСТСКОГО ПТУ№1 1956 –63 гг. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА БОРИСЮК (ЛАВРЕНЮК):

В училище я провела лучшие свои годы с 7-го по 12-й классы.

Изучали мы сначала общеобразовательные дисциплины, а с 8 класса – и специально-технические. Очень любили уроки В. А. Юшкова, который преподавал основы телевидения, и М.А.Якубовича (радиотехника). Любили мы и своего мастера производственного обучения Н.В.Лопурко за его заботу и отеческое отношение к нам. С его помощью была организована поездка нашей группы в Москву. Мы ходили по Красной площади, посетили мавзолей, были на ВДНХ, Ленинских горах.

Летом всё училище отправлялось на отдых в палаточный лагерь, который располагался в деревне Гусак в сосновом лесу у мелководной речки Рита. Мальчишки сооружали плотину.

Мы ходили в лес по ягоды и грибы, сдавали их на кухню, чтоб повара приготовили на весь лагерь что-нибудь вкусненькое. Надо отдать должное поварам: кормили вкусно, по-домашнему.

Всем лагерем ходили в кино в деревню Великорита за три-пять километров. Купили нам два велосипеда, и все строго по очереди по десять минут учились на них кататься.

Осенью старшие классы участвовали в уборке картофеля и яблок в колхозах. Спали на полу в школе. После ужина играли в “бэрика”, пели песни. Это всех сближало.

Танцы до 10.00 были почти каждые выходные. А танцевать нас учили на специально предусмотренных для этого уроках.. Эх, как красиво выкручивали мы с ребятами фокстрот, танго, мазурку, вальс, подыспань… Позже уже появились так называемые “буги-вуги”.

А какие замечательные были у нас преподаватели. Все. Многим родителям стоило бы у них поучиться. По утрам они нас будили, водили в столовую и весь день до самого отбоя и даже после него оберегали, и мы вовсе не чувствовали себя обделенными родительской лаской.

Очень нравилось нам ходить на первомайскую демонстрацию. За день до нее мы на ПТУшном грузовике ездили в лес за цветущими ветками черемухи, наламывали их почти целый кузов, а наутро вся наша колонна утопала в белых ароматных цветах. Какое это было великолепное зрелище!

Преподаватель физкультуры Н.И.Клецкий сагитировал нас заняться спортом в городских спортивных кружках. Всех желающих он записал в городской дом физкультуры. Занимались велоспортом, пятиборьем, баскетболом, футболом, волейболом, гимнастикой.

Когда в 1962 году выпускалась первая группа мальчишек ПТУ№1, мы на выпускном вечере поклялись каждые пять лет встречаться. И ни разу не нарушили клятву. А к 35-летию сочинили прекрасную песню о своей дружбе:*

Вспомним годы прожитые,
Вспомним юности года
И свои мечты былые,
И друзей, кто был тогда.

Выпущен из “У – один”
И пошел своей дорогой
Беларуси гражданин,
Ты увидел в жизни много ль?

Кем ты стал? Чего достиг?
Коротаешь как судьбину?
Сообщи, коль можешь, в Брест
И развей свою кручину.
Пусть прошло немало лет,
Дети выросли и внуки.
Нам теперь уж не дают
Опустить уставши руки:

Огород, семья, работа
Или прочая забота –
Не дают нам отдохнуть,
Все же надо помянуть!

Как Лопурко и Юшков
Мастерству учили нас,
Чтобы каждый телеящик
Долгий мог вести рассказ,
Чтоб экран светился ярко
И картинка появлялась,
Чтобы жизнь каким-то смыслом
В наших душах наполнялась.

Вспомни давнюю присягу –
Пятилетки отмечать.
Подготовь стакан и флягу,
Чтоб тоску свою унять.

Лето ребята проводили не только на речке Рита, но и родных навещали. Анатолий по обыкновению спешил в родной Ровбицк. Там мама, брат Михаил, друг детства Вася (он, наверное, тоже дома в эти летние месяцы), родственники.

Как трепещет, вырывается из груди сердце при виде родных мест. Сначала долго-долго тянется лес и подлесок. Потом открывается равнина. Кроме жиденькой травы да разбросанных сям-там кряжистых диких груш ничего вдоль этой каменистой пыльной дороги не растет.

У Анатолия на языке песня "Та заводская проходная, что в люди вывела меня..." Она не случайно вспомнилась и будет вспоминаться всегда. Дело в том, что входом в училище служила солдатская будка, так похожая на заводскую проходную. Вот она то, выражаясь образно, и вывела люди.

А дальше... дальше Дикий Никор. Он теряется за горизонтом. Его уже осушают, но пока безуспешно. Там же, за горизонтом, у самого болота раскинулся родной Ровбицк. Вдоль болота отвесной медной стеной растянулась тоже до самого горизонта и дальше кромка пущи. Пахнет детством, ландышами, грибами, влажным мхом...

Ровбицк. При виде первых хат на глаза наворачиваются слезы. А когда, завидев его, с соседнего двора спешит к нему Вася Рубель, слезы уже бегут по щекам. Но плакать нельзя, и пока Василий бежит, гость быстро приводит себя в порядок.

В хате больная мать. Ей нездоровится с тех самых пор, как потеряла мужа. Из детей рядом с ней только старший Михаил. Да и то наездами из Пружан. Матери ничем уже нельзя помочь, потому что болезнь у нее неизлечимая. Можно только перекинуться словом-другим, навести в хате порядок, помыть полы (благо, в детдоме и в училище приучили к любой работе), кое-что во дворе поделать-починить, и скорее в пущу залечивать душевные раны.

Появляется в хате Анатолий, и на столе неизменно – лесные ландыши. Это как добрый знак, как символ.

Но лес – это отдых. А хочется работать. Никто, кроме него, не заработает ему на хлеб.

Анатолий хорошо помнит "цагельню". Это целый завод по производству кирпича. Им управляет старший брат отца Иван Антонович*.

Брат Михаил с сыном Юрием в д. Криница у двоюродной тетки (1963 г.), слева стоит мама Елена Адамовна Климец (Борисевич)

Поселившись в молодости вместе с женой на этой глинистой земле, он вскоре обнаружил, что его участок непригоден для выращивания растений. Сплошная глина. Помыкавшись, решил поставить прямо во дворе цагельню. И поставил. И стал делать кирпич. Поднаторел в этом деле. Правда, объемы небольшие были, но семья не голодала. А когда пришла советская власть, вся эта его недвижимость была национализирована. Небольшое производство расширилось до размеров настоящего завода. После войны изготавливаемый здесь кирпич использовался для восстановления разрушенного Минска, возведения комплекса “Вискули” в Беловежской пуще, его отправляли даже на Варшаву для строительства Дворца культуры. А в тогдашнем Шерешевском районе из него вообще все здания возводили, будь то дом, коровник или клуб.

Директора завода менялись один за другим, а фактическим хозяином завода оставался Иван Антонович Климец, которому местные крестьяне давно присвоили прозвище Цагельник. Он постоянно совершенствовал конвейер, внес десятки рацпредложений и вообще обращался с заводским оборудованием так, будто это его собственное оборудование. По крайней мере, так ему, Анатолию, казалось тогда. Когда он еще перед отправкой в детдом бывал на заводе, там уже полным ходом действовали прессы по формовке кирпича и черепицы, строился черепичный сарай; люди работали в две, а то и три смены; с одного квадратного метра сушилки в месяц снималось почти полторы тысячи штук кирпича. Об этом тогда так много говорили, что даже десятилетний мальчуган запомнил.

Теперь-то, наверное, здесь еще лучше работают. Неужто дядька Иван не примет на временную работу?

Анатолию вдруг вспомнилось, как он в детстве помогал грузить на огромные ЗИСы кирпич, и водители за это брали его с собой на железнодорожную станцию "Оранчицы", где этот же кирпич загружался в вагоны. Для мальчишки же главным было поглазеть на паровоз. Ради этого он и грузил кирпичи, и пыль дорожную глотал.

Цагельня на отшибе, окружена карьерами. Издали бросаются в глаза ее длинные и серые зигзагообразные крыши и навесы. Под навесами такие же длинные и зигзагообразные транспортеры, какие-то трубы. Печь для обжига.

-- Дядя Иван, возьмете к себе на работу?

Анатолий спрашивает для приличия. Он по обрадованному лицу дядьки видит, что тот безмерно рад ему.

-- Толя, сколько захочешь, столько и будешь работать. Тяжело, правда, у нас, сам знаешь. Ну, да тебе не привыкать.

-- Я работы не боюсь, дядя Иван. Тоже ведь знаете.

-- Знаю, сынок. Я ведь тебя во-о-от с такого помню. – Дядя опускает ладонь ниже колен.

-- В таком случае обеспечивайте фронтом работ.

-- Прямо сейчас?

-- А чего тянуть. Прямо сейчас и начну.

Анатолий принимает из рук Ивана Антоновича лопату и спецовку, переодевается. Через десять минут он уже в карьере, копает глину. А дядя Иван идет в контору оформлять племянника. Потом вместе с другими рабочими месит темно-оранжевую массу, заполняет ею формы, укладывает на длинную ленту конвейера. Пусть сохнут. А там – в обжиг, и стройматериал готов. Кто-то из него построит себе дом и будет жить в нем. Интересно было бы посмотреть

на хозяина дома, построенного из согретого его, Анатолия, руками кирпича.

В самом глубоком карьере – немного воды. Это в дождливую погоду глубокие ямы заполняются чуть ли не до краев, и здесь можно даже утонуть. И тонули. Зато в жаркую погоду, намахавшись под палящим солнцем лопатой, так приятно окунуться в прохладу, снять усталость. Хорошо, что в деревне есть цагельня, а на этой цагельне – дядька Иван. Где еще здесь можно найти заработок? В колхозе даже отец, когда еще жив был, на своей председательской должности ни копейки не получал, разве что зерно да бульбу. Подрабатывал столярным делом. Куда уж ему, детдомовцу.

Так и остался Анатолий в памяти сельчан парнем, который любит и умеет работать. Любую работу доверял ему Иван Антонович Климец, потому и радовался, когда тот появлялся на кирпичном заводе. Опекать такого – одно удовольствие, потому что юноша платил тою же монетой, умел быть благодарным. Да и не притязательный. Даже подучивать приходилось: где-то схитри, не рвись, а где-то, где выгодно, постарайся от души. Но такого разве научишь подобным непонятным премудростям. Он если бы и хотел плохо работать, так ведь не умеет.

Таким и ушел Анатолий на службу в Советскую Армию, в новую, взрослую жизнь, которую уже строил сам по своему образу и подобию.

Не бродить уж нам ночами
Хоть душа любви полна
И по-прежнему лучами
Серебрит простор луна

Меч сотрет железо ножен
И душа источит грудь
Вечный пламень невозможен
Сердцу нужно отдохнуть

Пусть влюбленными лучами
Месяц тянется к земле
Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле

Братья Анатолий и Михаил с сыном Михаила Павловича Юрием перед уходом Анатолия в Советскую Армию (1962 г.), г. Пружаны Брестской области, Белоруссия

Глава четвертая

НА ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ

(1963 - 1966 гг)

-- Климец!
-- Я!
-- Что умеешь делать?
-- Всё!
Строй новобранцев весело зашумел.
Офицер обвел строгим взглядом шеренгу, и снова воцарилась тишина.
-- Конкретней, солдат.

-- Имею профессию телерадиомеханика.

-- Ого! – Офицер прошил Анатолия пристальным взглядом. – Профессия хоть куда.

-- Так точно, товарищ старший лейтенант!

-- Гм. Молодец. – Офицер с еще большим интересом посмотрел на парня. Подстриженные под ноль, в новой, еще не подогнанной, несколько мешковато сидящей форме, ребята в строю казались все на одно лицо. Но этот бравый, подтянутый новобранец чем-то выделялся из общего ряда. Чем же? Уж не глазами ли? Светлыми и не по возрасту серьезными. Даже какими-то всепонимающими, что ли. Кроме того, они излучали особую – притягивающую – энергию. – Но переквалифицироваться все же придется. В артиллеристы. Если разбираешься в телевизорах, значит, и в пушках разберешься. Будешь пушки ремонтировать.

-- Есть пушки ремонтировать, товарищ старший лейтенант!

-- Сразу видно, серьезно готовился к службе. Откуда родом-то?

-- Из-под Бреста! Из Беловежской пущи!

-- Пущанский зубр, значит? (Справа и слева снова послышался легкий веселый шумок). Ну, на зубра ты пока, скажем, не похож, но хватка чувствуется. Толк будет. В "учебке" вы многому научитесь.

И офицер переключил внимание на других новобранцев.

Смелость сослуживца новобранцы восприняли каждый по-своему. Иные даже попробовали навесить на него ярлык выскочки. Но ярлыки к рядовому Анатолию Климцу не приставали. А недоброжелатели как-то незаметно оказывались в числе друзей. Он во всем был искренен. Теорию артиллерийского дела схватывал на ходу, но не кичился этим. Творил чудеса на турнике без всякого бахвальства. Многие завидовали, но он говорил: "Это каждому под силу". И помогал тем, кто послабее. Показывал, как быстрее научиться делать подъем переворотом. И сам охотно учился тому, что не успел постигнуть на гражданке. Если кто-то выдыхался во время марш-броска, тащил на себе, подбадривал. Во время практических занятий был максимально собран и внимателен, и всё у него в руках спорилось. Выдастся перекур – и тут он в эпицентре. Веселит ребят и сам веселится. Будто армия для него – сплошное удовольствие, а не тяжкий труд.

Правда, поначалу старослужащие пытались издеваться. Выделяющимся из общего ряда новобранцам в армии в первые дни и месяцы туговато приходится. Однажды "дед" так заморозил его на посту, что едва отогрелся. Но ни слова не проронил об этом вышестоящему армейскому начальству. А уж если защищался, то без посторонней

помощи. Таких уважают в любом коллективе. И здесь, в "учебке", тоже зауважали.

Он не скрывал, что воспитывался в детдоме, где сызмалу приучился к порядку и дисциплине. И ни разу не пожаловался на трудное детство, на пережитые голод, холод, страдания. "Видно, повезло парню на хороший детдом", -- думали слушатели. Эх, знали бы они... Да что там, он сам помнил только светлое, а темное странным образом затерялось в замысловатых лабиринтах памяти.

Год пролетел незаметно, хотя для многих он казался вечностью.

Когда младший сержант Климец и несколько его сослуживцев-белорусов прибыли продолжать службу в украинский город Нежин, они уже кое-что знали о новом месте пребывания. Эта воинская часть как раз специализировалась на ремонте артиллерийского вооружения.

Благо, не очень далеко от родной Беларуси. Черниговщина. Схожий ландшафт и люди такие же приветливые и доброжелательные.

Служба шла своим чередом. Нисколько не угнетала она сержанта Климца. Надо ремонтировать орудия – он свое дело знал досконально и работал увлеченно, с интересом. Главный инженер части майор Лифшиц его постоянно в пример ставит. Посылают вагоны разгружать -- что ж, надо так надо. Силы хватает. Он уважаем. У него много друзей. Письма с родины приходят регулярно. Там вроде все хорошо. Братья учатся. Александра вместе со всем его классом перевели в детский дом города Пинска в тот год, когда его, Анатолия, призвали на службу в Советскую Армию. При мысли о младшем брате вдруг забеспокоился: "А хорошо ли ему на новом месте?" Припомнил, как самому жилось без родителей, как нестерпимо хотелось кушать. Тотчас достал из тумбочки бумагу и ручку и принялся писать письмо. Рассказал о службе, приободрил, задумался. "Письмом сыт не будешь", -- решил про себя и достал из кармана десять рублей – весь свой армейский месячный заработок. Деньги вложил в письмо, запечатал конверт. "В какой же он класс теперь ходит? В седьмой? Да, уже в седьмой. В таком возрасте надо особенно хорошо питаться. На эти деньги не особо-то пожируешь, но... чем богаты. Лишь бы дошли деньги. А там отпуск обещают. Съезжу, проведаю. В классе Александра все ребятишки, как родные. Интересно, какие они теперь?

За старшего брата, благо, беспокоиться не надо. Он – заведующий отделом в Пружанском райкоме партии, студент Белорусского государственного университета имени Ленина. Собирается стать историком. Пишет, что ему, Анатолию, тоже не мешало бы подумать о высшем образовании.

А он уже и сам об этом думает. Вместе в земляком-белорусом они уже обмозговывают, куда поступать. Но спешить некуда. До конца службы еще ох сколько.

Отпуском командование части наградило сержанта Климца, когда брат Александр закончил восемь классов. Было время подкопить денег, так что в Пинский детский дом прибыл не с пустыми руками.

Ребятишки сразу же узнали его. Бросились встречать, наперебой обнимали, что-то говорили, улыбались. Словно не только Александр, но и все здесь – его братья. Ну, как им не уделить внимание.

А после того, как они притащили откуда-то целую сумку свежевыпеченных булочек и еще сумку пряников и вручили все это своему дорогому гостю, расчувствовался до слез. "Откуда такое богатство?" – удивлялся одновременно радостно и смущенно. "С хлебокомбината, -- отвечали те. – Это наши шефы." После короткой беседы они еще пообедали в детдомовской столовой. Оказалось, еда здесь вкусная и сытная. Теперь у него уже не будет болеть душа – Александр не голодает. После обеда его все еще не отпускали домой, в деревню. Расспрашивали о службе, рассказывали о своем житье-бытье, а затем потащили на спортивную площадку. В этот день волейбольное сражение было особенно азартным. Все хотели играть в команде Анатолия, но в конце концов распределились так, что более сильные, рослые игроки оказались по ту сторону сетки. Совладать с ними даже сержанту Климцу было непросто, особенно если учесть, что ребята слева, справа и сзади постоянно пропускают сильные удары. Пришлось самому метаться по всей площадке. Через какое-то время заиграла вся команда – слаженно, подавая мяч к сетке для резкого удара. К площадке стягивались болельщики. Шум, смех, крики, свист... Никто и не заметил, как на площадку начал опускаться легкий сумрак.

Анатолий вдруг спохватился.

-- Доигрывайте без меня. Мне надо спешить домой, – крикнул ребятам и позвал брата.

Но все тотчас бросили игру и обступили обоих Климцов. Каждому хотелось пожать руку Анатолию. А он для каждого находил доброе слово.

Наконец они уединились с Александром, и тот поделился и бедами своими, и радостями. А Анатолий все расспрашивал о друзьях и недругах, о воспитателях и преподавателях, об учебе, о планах на будущее... И в общем остался доволен. Хотя пожалел, что еще нет у него возможности уделять брату постоянное внимание, в котором тот,

чувствовал, нуждался. Всё, что он мог, это передать немного денег да подбодрить морально, дескать, держись, дорогой, у нас впереди целая жизнь, и она обязательно будет интересной и достойной. А сейчас надо хорошо учиться и беречь себя.

О себе Анатолий рассказывал немного. Служба нетрудная. Друзей много. А Нежин – прекрасный город, и очень хорошо, что он попал сюда служить. Одни памятники архитектуры чего стоят. И вообще красота кругом. Сообщил, что там, на Украине, собирается поступать в институт, что у него есть время готовиться к поступлению.

-- Я, наверное, вернусь в Брестское радиотехническое, там выучусь на телерадиомеханика, как и ты, и буду работать.

-- Молодец. Теперь я спокоен за тебя. Буду помогать, чем смогу. Хотя пока у самого, как видишь, не густо.

Распрощавшись, он уехал на родную пущанскую землю. Там его ожидали мать, брат Михаил с молодой женой Еленой, земляки.

По дороге в деревню вдоволь надышался пущанским воздухом. Правда, болото к этому времени уже осушили. Но, может, это и к лучшему. Думалось: если человеку оказался подвластен даже Дикий Никор, значит, ему подвластно очень многое. Даже космос подвластен.

Мать, увидев сына, с трудом поднялась с кровати. Слаба она, хоть еще и не старенькая. Несмотря на уговоры Анатолия не утруждать себя, встала и молча смотрела на солдата-красавца. Неужели это ее кровинушка? Возмужал, вытянулся. Короткие русые волосы торчат ежиком. Упрямые. Глядеть не наглядеться. А он тем временем распаковал сумки, достал булки и пряники.

-- Это тебе, мама, кушай.

Окинул взглядом хату, заглянул в шкаф, в печь. Краюха хлеба, картошка, молоко... Да, негусто. Сердце тревожно повернулось в груди. Чем я могу помочь ей? Деньги Саше оставил. Ну да ничего, повкалываю на цагельне, хоть немного, но заработаю.

Мать с аппетитом кушала булочку. На ее щеках подрагивали слезы. Без слов было видно, как она рада сыну и как ей неловко, что не может устроить ему праздничный прием с богато накрытым столом.

Потом приехали из Пружан Михаил с Еленой, которая уже преподавала русскую филологию в Пружанском совхозе-техникуме. Собрались родственники и соседи. Было что выпить и чем закусить. За разговорами незаметно прошло время.

Наутро следующего дня Анатолий набросил на себя старую одежонку и с лопатой в руках появился на кирпичном заводе.

-- Отдыхал бы в отпуске, солдат, -- обнял его расчувствованный Иван Антонович. К этому времени он уже заметно постарел.

-- Надо маме помочь, дядька Иван, -- серьезно ответил племянник.

-- Понимаю. Это хорошо, что ты такой заботливый и такой работящий. Большим человеком будешь, попомнишь мои слова. Ну, а теперь пойдем, подыщем тебе фронт работ.

Весь отпуск трудился Анатолий на цагельне. А по вечерам встречи и разговоры с друзьями и родней продолжались. Утром хлопотал во дворе и наслаждался свежим воздухом, запахами и видом такой близкой и такой родной пущи.

В последний день получил расчет, передал деньги матери со словами “Береги себя, питайся хорошо”, и налегке двинулся в обратный путь. По дороге заглянул в родное училище в Бресте, повидался с заучем Любовью Шевчук, которую так часто и светло вспоминал все эти годы.

По возвращении в часть жизнь еще больше ускорила темп. Вместе с другом-белорусом они уже определились с учебным заведением. Пусть это будет Конотопский филиал Харьковского политехнического института. Он, правда, в соседней, Сумской, области, но в общем то не так и далеко – в каких-нибудь полторы сотни километров от Нежина.

До конца службы еще полгода, а они уже штурмуют жену главного инженера части подполковника Владимира Лифшица (она преподаватель химии), чтобы подтягивала их по этому предмету. Причем занимались усердно, поэтому Сабина Семеновна была довольна. А он вскоре еще и на Нежинский механический завод электрослесарем устроился. Даже не заметил, что произошло раньше: демобилизация или устройство на работу. Для учебы требовались хоть какие-то деньги, да и практический навык для студента – далеко не лишний. А сидеть без работы для крепкого инициативного парня – просто немыслимо.

Со временем Анатолий стал наведываться в квартиру к Лифшицам не только для того, чтобы позаниматься химией. Не мог парень долго переносить разлуку с дочерью старших Лифшицей Стеллой. Девушка как раз училась в Киевском университете на физическом факультете, на праздники навещала родителей, а летом все каникулы проводила в Нежине. В один прекрасный день он признался ей в любви. Была весна, время расцвета. Они долгими

вечерами гуляли по городу, ходили в кино и театр. 1 мая 1965-го вместе вышли на демонстрацию. В руках – шары и цветущие ветки жасмина. Дурманит, опьяняет приятный запах. Или это чувства кружат голову?

Анатолий на службе в Советской Армии (1963-1966 гг.)

-- Давайте я вас сфотографирую на память, -- предложил сослуживец.

И они сфотографировались на фоне осветленных праздником людей, флагов и транспарантов. Потом это большое фото долго будет украшать их скромное жилище в Донецке.

В Конотопский политех и он, и его друг поступили без труда.

Готовился уйти в отставку или, как говорят на гражданке, на заслуженный отдых, Владимир Лифшиц. Дело шло к свадьбе. Владимир Эммануилович досрочно называл Анатолия своим зятем и относился к нему, как к родному. Через какое-то время он признается

уже законному зятю: “А я тебя давно заприметил. В первый же день службы понаблюдал, как ведешь себя. И подумал: настоящий мужик. Отделением командуешь так, словно родился для этого. Любая работа спорится в руках. А когда однажды увидел, как пьяных ребят таскаешь из города в часть на спине, чтоб, не дай Бог, патруль не повязал, уверился окончательно: этот парень не подведет, с таким можно в разведку идти. Потому и обрадовался, когда ты попросил руки дочери. Приятно жить с таким молодцем.”

Сроднился со своим вчерашним командиром и выросший без отца юноша. Их симпатии оказались взаимными.

Свадьбу решили не откладывать. Здесь же, в Нежине, и сыграли ее сразу после демобилизации в узком кругу родственников и сослуживцев.

Свадьба Анатолия и Стеллы в г. Нежин, Украина (1966 г.)

Все-таки удивительное дело – любовь.

-- Ты помнишь, когда мы встретились впервые? -- спросил он.

-- Нет, не помню, -- ответила она.

-- Странно, я тоже не помню.

Оба засмеялись и, словно сговорившись, посмотрели вдаль, туда, где на горизонте полыхало в лучах заката осеннее небо. Словно заглядывали в свое будущее. Но как за далекими и близкими многоэ-

тажками не виден был горизонт, так и за насущными хлопотами далекое будущее проглядывалось весьма смутно.

-- У нас с тобой такое огромное будущее, -- задумчиво произнес он.

-- Какое? – Девушка улыбнулась.

-- Не знаю, но очень хочется, чтобы оно было большим и светлым. – Он на мгновение смутился. – Понимаешь, у меня такое настроение, что кажется, будто могу свернуть горы.

-- Ничего удивительного. У тебя просто хорошее настроение. А твои горы – это учеба и работа. Я одну свою гору скоро сброшу с себя.

-- Университет, что ли?

-- Ну да, университет. А пока я в Киеве, будешь жить с моими родителями один.

-- Я уже к ним привык, словно к родным. Я ведь столько времени провел без отца и матери.

-- Теперь они для тебя и в самом деле родные. Вот только за этой суматохой мы не пригласили твою родню.

-- Ничего, вот определимся и пригласим. Они поймут. А потом и сами съездим ко мне на родину. Я покажу тебе Беловежскую пущу.

-- Хорошо. А теперь пойдем в дом. Гости, небось, заждались.

-- Пойдем, а то замерзнешь. Как-никак, ноябрь. Зима на носу.

Гости – родственники и сослуживцы -- действительно заждались, и с появлением молодых оживились. Зазвучало традиционное “Горька!”, посыпались шутки, кто-то запел, а захмелевшее застолье подхватило песню.

Тосты и здравицы утихли далеко за полночь. А молодоженам все не верилось, что у них теперь началась семейная жизнь. Какая она будет? Что ожидает их впереди? Родители поговаривают о переезде в совершенно незнакомый им Донецк. Это очень далеко, дальше, чем его Брест и Беловежская пуща. Оттуда рукой подать до Азовского моря. Все-таки интересно, как все будет складываться. В конце концов сошлись на том, что жизнь де мудрее, а пока надо просто учиться и работать. И вообще надо выспаться, потому что завтра всех ждет уйма неотложных дел.

Через год, накануне отъезда всего семейства Лифшицей в Донецк, приехали в Нежин из далеких Пружан брат Михаил вместе с женой Еленой Марковной и сыном Юрой. Это был настоящий праздник для Анатолия. Всем было что рассказать о себе, поэтому долго не могли наговориться. Михаил поведал, что мать чувствует себя неплохо, во всяком случае, не хуже, нежели в последний приезд Анатолия на родину, Александр собирается поступать в то же

Брестское училище №1, где они вместе провели несколько лет, с тем, чтобы приобрести специальность телерадиомеханика. Кирпичный завод продолжает давать продукцию, а дядька Иван еще имеет там кое-какой вес, так что туда всегда можно устроиться на работу. На Чадельских хуторах возле бывшей усадьбы маминых родителей – самые грибные места; особенно много белых грибов и подосиновиков. Сам он заведует отделом пропаганды и агитации Пружанского райкома партии. Прикинули, что де это очень даже высокая должность и что теперь он может разрешать любые проблемы. “А для того, чтобы куда-нибудь добраться, приходится выклянчивать машину у кого-нибудь из руководителей”, -- отмахнулся Михаил и тотчас перевел разговор на хозяев, дескать, вы о себе рассказывайте или, вот, хотя бы о Нежине. Ему это очень интересно. История, краеведение – его стихия.

Анатолий показал гостям город, который успел полюбить. С упоением рассказывал о заводе, на котором трудился. Это предприятие аккурат переживало подъем, осваивало выпуск новых машин, редукторов, оборудования для промышленной переработки рыбы, автоцистерн для перевозки вина, установок быстрой заморозки. Продукция завода уходила на предприятия и рыболовецкие корабли Вьетнама, Кореи, многих других стран.

Нежин – древний город, упоминается в летописях с 1078 года, с множеством архитектурных памятников, и Анатолий о каждом из них знал что-нибудь интересное, как знал он и местных знаменитостей.

-- Представляете, в Нежине бывал сам Гоголь, великий писатель. Ему в городе памятник установлен.

И он вел гостей к памятнику.

Ну, а в центре внимания постоянно был самый юный гость – семилетний Юрка Климец.

-- Наверное, в школу уже пошел? – спрашивала у него Стелла. – Да, в школу?

Юрка стеснялся и упорно молчал, потупив взор.

-- Да, ему уже семь исполнилось, -- ответила за сынишку мать. – Он у нас серьезный парень, а робость скоро пройдет.

Так за разговорами и прошло время. Гости вскоре уехали, а вслед за этим, в конце 1966 года, все нежинское семейство Лифшицей-Климцов переехало в Донецк. Молодой город шахтеров и металлургов встретил тяжелым воздухом со специфическим запахом то ли дыма, то ли угольной пыли. На окраине возвышались огромные, словно пирамиды, терриконы. Нигде не видно было ни старых зданий

замысловатой архитектуры, ни культовых построек. Зато сплошь молодежь. И это приободряло.

Глава пятая

ВОСХОЖДЕНИЕ

(1966 – 1988)

За вырученные от продажи квартиры в Нежине деньги Владимир Эммануилович с женой Сабиной купили в Донецке двухкомнатную квартиру в новом доме. В нем все вместе и поселились. Молодые в одной комнате, старики (к этому времени и мать Стеллы, и отец вышли на заслуженный отдых) – в другой.

-- Будем новую жизнь начинать, -- пошутил Владимир Эммануилович и, взглянув на молодежь, произнес уже серьезно: -- Это ваш город. Растите вместе с ним. А наш удел помогать вам.

Всем интересно было узнать о строящемся областном центре, который нынешнее свое имя обрел всего пять лет назад. А до этого поменял несколько названий.

Желание иметь ясное представление о месте проживания привело семейство в краеведческий музей. Здесь информации о городе было предостаточно. Он возник и развивался на базе горнозаводской промышленности благодаря богатым залежам полезных ископаемых. Верховья впадающей в Азовское море речки Кальмиус хранили огромные запасы каменного угля. Вокруг основанной в 1779 году слободы Александровка появились первые угольные копи.

В апреле 1869 года царское правительство утвердило договор о начале работ по добыче угля и постройке металлургического завода. Управляющим делами учредители Новороссийского общества назначили Джона Юза, в честь которого и назвали возникший поселок, который несколько позже слился с шахтерским селением Александровского рудника.

В 1924 году Юзовка была переименована в Сталино. Число ее жителей достигло 63 708 человек, а в 1925 году увеличилось до 80 085 человек. Началось строительство жилого массива Стандарт для металлургов, двух- и трехэтажных домов для горняков. Открывались школы, магазины, лечебные и культурно-просветительские учреждения, создавались предприятия коммунального обслуживания населения.

В 1932 году город стал центром Донецкой области, а в 1961-м переименован в Донецк.

Все эти сведения, правда, стали известны через несколько недель после переезда, а в первые дни занимались обустройством. Приводили в порядок комнаты, ремонтировали сантехнику, расставляли мебель, раскладывали небогатый пожиток, знакомились с соседями...

Несмотря на усталость, в первую после переезда ночь почему-то не спалось. Анатолий привлек к себе жену и с некоторой торжественностью в голосе произнес:

-- Ну вот, теперь и о ребеночке можно подумать.

-- Пожалуй, -- ответила Стелла. – Но у нас еще нет своего угла. И вообще неизвестно, как здесь все сложится.

-- Все будет хорошо, -- приободрил супруг. – Нашему ребенку суждено будет родиться в молодом городе и расти вместе с ним, а, может быть, и самому строить этот город.

-- Сначала надо родить.

-- Да, сначала надо родить, а потом вырастить. Мы все сделаем для того, чтобы ребенок был здоровым.

-- А пока надо найти работу. Для того, чтобы вырастить здорового ребенка, его надо как минимум хорошо кормить. Значит, нужны деньги.

-- У меня ходовая специальность. Устроюсь телерадиомехаником, буду зарабатывать. Перевестись из Конотопского института в Донецкий – формальность. Ты – учитель физики. Проживем.

С мыслью об этом они перед рассветом наконец уснули. Лишь Анатолий, прежде чем сомкнуть глаза, подумал: вот куда судьба занесла нежданно-негаданно. Вспомнил родных: их светлые лица проплыли перед глазами, словно кадры киноленты. Во сне он слетал к себе на родину, в Ровбицк.

Вот он идет по деревне вместе с женой. Почему-то в солдатской форме. А его Стелла – в подвенечном платье. Выходят люди, приветливо здороваются с ними, улыбаются, желают им счастливой совместной жизни. А они рассыпают налево-направо конфеты, на которые, словно куры на зерно, набрасываются детишки. В родном доме на белоснежных, вышитых национальным узором, простынях лежит мать. В таких же белоснежных домотканых (и тоже расшитых национальным узором) одеждах. Она благословляет сына и невестку и произносит: “Приезжайте к нам почаще”. На этом сон обрывается.

Уже через несколько дней Анатолий сообщил, что он – телерадиомеханик Ворошиловского ателье, с чем его и поздравили. Начались будни. С одной стороны рутинные, монотонные (утром вставал, кушал приготовленную женой кашу и бежал на работу; прибегал на обед и, едва успев перекинуться словом-другим с женой

или ее родителями, и убегал снова; приходил с работы и либо учил, писал курсовые, либо что-нибудь мастерил для дома, либо решал очередную шахматную задачу, опубликованную в газете), а с другой – увлекательные. Здесь, на этой работе он чувствовал себя как рыба в воде. Быстро познакомился с коллективом и так же быстро завоевал уважение коллег. Новичок демонстрировал такие знания и навыки, что удивлялись мастера со стажем. А он объяснял: дескать, на учителей повезло. Причем говорил так скорее из искренности, нежели из скромности. И это добавляло к нему симпатий.

Летом родился сын Павел. На радостях Анатолий собрал после работы всех коллег и хоть и скромно, но дружно ателье отметило событие.

Новоиспеченный папа летал, как на крыльях. Когда у него спрашивали, почему сына Павлом назвал, он отвечал: “Потому что так звали его легендарного деда из Беловежской пущи, где я родился”. Всем интересно было узнать, что же это за дед такой. Но Анатолий отмахивался: “Когда-нибудь расскажу.”

Анатолий с сыном Павлом (1969 г.)

Этот год (1967-й) оказался богатым на события. Радость от рождения сына удвоилась предложением возглавить ателье.

Когда об этом узнали ребята, все как один поддержали:

-- Даже не раздумывай, соглашайся, мы все за тебя.

-- Ну, если все, тогда, пожалуй, соглашусь, -- смеялся Анатолий.

И вместо рабочего инструмента у него в руках оказались бумаги. Управляться с ними было посложнее, нежели с деталями для телевизоров и радиоприемников. Но у него принцип: коль взялся за гуж, не говори, что недюж.

Рядом с бумагами в рабочем портфеле неизменно лежала пустая бутылочка. После работы забегал на молочную кухню и приносил ребенку детское питание.

Как только возглавил коллектив, ателье стало перевыполнять доводимые планы. В дирекции удивлялись: когда с отчетами, табелями выходов, лицевыми счетами для начисления зарплаты появляется Климец, можно не сомневаться – у него в документах полный порядок и переделывать ничего не надо. И это в то время, когда с другими не один день возиться надо. А он еще и шутку-прибаутку подпустит, конфеткой угостит. А какой пунктуальный и корректный. Ну, просто прелесть. Два десятка подчиненных чувствовали себя за ним, как за каменной стеной.

Никто поэтому и не удивился, когда еще примерно через год он начал привозить отчеты уже из другого, так называемого центрального, а это значит и более крупного Ленинского ателье, значившегося под номером 68, которое по многим позициям отставало. И здесь он в считанные месяцы подтянул показатели и вывел коллектив в передовые.

-- Как, Анатолий Павлович, Вам это удается? (его уже везде называли по имени-отчеству) Откройте нам свой секрет, -- вопрошали женщины из планового отдела.

-- Секрет прост, -- одаривал всех открытой, располагающей улыбкой молодой зав., -- я досконально изучаю дело и требую того же от подчиненных. А с другой стороны, никогда не бросаю своих людей наедине с проблемами. Поэтому у нас полное взаимопонимание. Работаем не за страх, а за совесть.

-- Вы явно засиделись на этом месте. Пора бы уже и повыше… -- Эти слова произносились и в шутку, и всерьез.

-- На этом месте я всего пару месяцев. – И тоже непонятно было, шутит этот интересный молодой человек или говорит серьезно.

Женщины как в воду глядели. Не мог человек с бесчисленным множеством идей в голове, с невероятной работоспособностью и

глубокими знаниями, с задатками руководителя долго сидеть на одном месте. Да еще и политехнический институт заочно заканчивает, вот-вот высшее образование получит.

В один прекрасный день он пришел домой в особенном настроении. Шутил, долго играл с маленьким сынишкой Павлом. Жена в недоумении: что это с ним? Обычно немногословный в кругу семьи, занятый своими делами, озабоченный, и вдруг... Наконец признался:

-- Меня назначили начальником производственно-технического отдела.

-- Поздравляю. – Стелла тоже приободрилась. – Может, теперь и свой угол легче будет выбить. Паша подрастает. А скоро ожидай пополнение.

-- Пополнение? Ты что, ты?...

-- Да-да, беременна.

-- Стелла, дорогая, что ж ты молчала?

-- А что говорить. Ты весь в работе. И сообщить-то некогда.

-- Спасибо тебе, Стелла. Столько прекрасных новостей. Будет, будет у нас свой угол. И не угол, а хорошая благоустроенная квартира. И даже дача.

Анатолий с аппетитом съел огромную миску поднесенного женой молочного рисового супа и засел за радиоприемник. Что-то там передает “Голос Америки”? Чем мир живет? Какие грядут времена? Если бы у него уже через десять минут спросили, что ел, вряд ли смог бы ответить определенно. Такое с ним часто случалось, потому что часто был и в домашних стенах всецело погружен в работу. Жена заметила эту его особенность и не досаждала вопросами о том, вкусно она приготовила или нет. Просто добросовестно выполняла свои обязанности и в служебные дела мужа без надобности не влезала. Но от лишних хлопот оберегала. А то, что сын все больше с мамой, с дедушкой да бабушкой... что ж, так живут почти все семьи. Главная обязанность хозяина – обеспечить домочадцев. Вот он и обеспечивает.

Даже известие о том, что жене пришло время рожать второго ребенка, оказалось для Анатолия внезапным. Казалось бы, постоянно интересовался у жены, как идут дела, как она себя чувствует, и вот отвлекся. В самый ответственный момент. Неужели так быстро летит время?

Да, время летит. И вот он уже в роддоме. Принимает на руки малышку.

-- Какая же она крохотная. И на меня похожа. Как мы ее назовем?

Лица папы и мамы светятся. Вместе с ними радуются дедушка и бабушка. И сынишка, Павел.

-- Маринка. Давайте назовем ее Мариной, -- предложил самый юный член семьи.

-- Пусть будет Мариной, -- согласились с маленьким Павлом взрослые.

-- Она у нас балериной будет, -- в порыве приятных эмоций воскликнула бабушка.

Время снова сорвалось с места и помчало, закружило в круговерти дел и забот. В рабочем портфеле дважды папы рядом с бумагами снова появились, как и после рождения сына, бутылочки. По пути с работы он забегал на молочную кухню. Семье не так и много внимания удавалось уделять. А эту обязанность выполнял свято.

В первые же дни после назначения на новую должность Анатолий Павлович сделал полушутливое, полусерьезное заключение, дескать, отдел то технический, а работать надо с людьми.

С людьми, как известно, всегда непросто, и его подразделение не было исключением. Например, сотрудница Изабелла Русанова вообще не обращает на него внимания. Как будто и не знает, что он ее непосредственный руководитель. Хоть и сидит она в другом здании и лишь время от времени заглядывает в главную контору, но это еще ничего не значит. Как-то не выдержал и своему начальнику обмолвился: что это за недосягаемая такая дама. А через несколько дней застолье – чей-то День рождения. Изабелла Павловна первой подошла и непринужденно-весело произнесла:

-- Давайте дружить, Анатолий Павлович.

Это было насколько неожиданно, настолько и приятно. И он улыбнулся широко и открыто:

-- Вот и чудесно, госпожа Русанова. А то ведь ерунда какая-то получается. Даже, понимаете ли, выпить не с кем в отделе…

-- Ну, это дело поправимое, -- подыграла сотрудница.

Теперь при встрече они всегда улыбались друг другу. Это были улыбки уважения, потому что оба отличались серьезностью и ответственностью, инициативностью и профессионализмом.

Теплые человеческие отношения (не только с Изабеллой Павловной, но и с большинством сотрудников) скрашивали нелегкие будни. Работа не угнетала, хотя сил забирала немало.

Как-то нежданно-негаданно из родной деревни пришла посылка. Гм, вот так диво. Неужели от матери? Нет, от Александры Ивановны Вакула. Анатолий тотчас вспомнил милую, добродушную тетю Александру. “Крестная, это крестная мать вспомнила обо мне”. Тело

словно теплая волна Азовского моря окатила. Интересно, что же могла прислать далеко не богатая тетя Александра? Ведь сама, сколько он помнит, в постоянной нужде. Вскрыл посылку и ахнул: полный ящичек фасоли. Что ж. В хозяйстве сгодится. Это ведь не простая фасоль, а из родной деревни. Родиной пахнет. И все слышится успокаивающий голос близкого человека. Подумал: "Надо бы и ей что-нибудь выслать, порадовать старушку."

Дети подрастали. Павел рос крепким парнем. Марина удивляла своими способностями. Надо же, в пять лет, без чьей-либо помощи, выучила азбуку и научилась читать.

-- Как это тебе удалось, дочь? – ликовал восхищенный отец.

-- Не знаю, -- отвечала Марина. – Я просто смотрела, как учит уроки Паша, и сама научилась.

Уже на следующий день все сотрудники "Быттехники" знали, какая умница у Анатолия Павловича дочка. Ну, как не поделиться с коллегами такой радостью.

Когда Марине исполнилось десять лет, дедушка повел ее в бассейн. У него был знакомый тренер по плаванию Александр Давыдович Титов, и он всерьез подумывал о спортивной карьере любимых внучат.

А вот заниматься балетом возможности не было, хотя танцевальный кружок посещала.

У Марины и здесь все получалось как нельзя лучше.

Однажды тренер сказал, что у нее не просто прекрасные данные, но и талант. Но надо усиленно заниматься спортом.

О, эти изнурительные тренировки. Каждый день попробуй-ка пробеги десять километров. И это лишь маленькая толика того, что ей приходилось делать. Зато вскоре она стала гордостью не только семьи, но и Донецка, и всей Украины. У отца не слетало с языка ее имя: "Марина победила в чемпионате СССР" (а она шесть раз подряд занимала первые и вторые места на чемпионатах Советского Союза), "Марина победила в Играх доброй воли", "Марина завоевала Кубок Европы"...

Анатолий Павлович тем временем подвигался по служебной лестнице. После назначения в 1971-м на должность главного инженера Донецкой "Бытрадиотехники" на него легла ответственность за всю техническую часть. Тогдашний генеральный директор объединения Виктор Ефимович Реутов, объявив о назначении, сказал: "Это же ваша стихия, Анатолий Павлович". "Да, это действительно моя стихия, -- был твердый ответ. – Думаю, на этом посту я смогу с большим успехом претворять в жизнь свои идеи".

В способностях Анатолия Павловича не сомневался никто в объединении. Уж он то знает, что и где доставать, как организовать процесс с наименьшими затратами для своих работников и для клиентов. Скажет человеку: “Лучше тебя никто эту работу не сделает”. И человек сработает идеально. Потом, окрыленный, хуже трудиться просто не может. Анатолий Павлович видит это, да виду не подает. Эге, у парня потенциал; он далеко еще не исчерпан, его можно подтягивать до более высокого уровня. Но у каждого – еще и личная жизнь. Что это за жизнь? Какие проблемы в семье? Их надо разрешать. Нужна помощь? Поможем. Чем? А чем можем. Делом, словом добрым... Лишь бы не прозябал человек, лишь бы творил на пользу коллективу, себе и семье, обществу.

Однажды Анатолий поймал себя на мысли: чем больше отдаешь себя и своего времени другим, тем больше возвращается самому себе. Неважно, в материальном измерении или моральном. Тогда понял: так вот почему у него столько сторонников, столько искренних друзей, тех, кому можно довериться целиком.

Доверять людям как самому себе – вот в чем кроется талант руководителя. Он это всегда чувствовал интуитивно, и вот подтверждение: “Палыч, с тобой нам любое дело по плечу”. Да... единственное, чего не усмотрел, это когда, с какого времени его начали называть по имени-отчеству. Молод же еще. Но, наверное, так надо. Он – главный инженер огромного, насчитывающего почти четыре тысячи человек, предприятия. Он – генератор технических идей. А это значит, что его навыки и знания востребованы и даже необходимы коллективу. Значит, он не зря так досконально изучал то, чему со временем пришлось учить других.

-- Каждый должен выполнять на своем рабочем месте то, что от него требуется, причем профессионально и качественно, иначе нас перестанут уважать, -- не уставал повторять он и первый подавал пример. – А если не укладываешься в эти рамки, что ж, думай о своем месте в жизни. Надо быть ответственным перед собой и людьми.

То ли на генном уровне передалась подобная философия, то ли приобретена за годы самостоятельной жизни в детдоме?

Анатолий Павлович тогда об этом не задумывался. Подобные мысли начнут посещать его немного позже, после одной из поездок на родину, в Брест, пущу, Ровбицк.

Первая такая поездка вместе с женой состоялась, когда Павлу исполнилось два года. Конечно же, взяли с собой сына.

Это был август 1969-го.

В Ровбицкой хате собрались родственники и соседи. Здесь Стелла наконец-то познакомилась со своей свекровью, младшим братом Анатолия Александром, другими родственниками. Побывали на могиле Павла Антоновича. Роль гида на сей раз выполнял старший брат Михаил. Его энциклопедические знания впечатляли.

Стелла не уставала восхищаться удивительной природой Полесья и в особенности пущей. Одно дело –слышать обо всем этом, и совсем другое – видеть.

А Анатолий все не мог наговориться с другом Василием Рублем, тетей Олей (Ольгой Ивановной Климец), двоюродной сестрой Ниной Ивановной Черешко, крестной -- тетей Александрой.

-- Помню, сынок, помню, как крестили тебя вместе с Николаем Константиновичем Климцом, по уличному – Тумкой, -- смахивала со щеки набежавшую слезу радости крестная. – До Сухополя ехали на телеге. Фамилия священника была Парапечин. Не знаю, откуда он у нас появился, но крестил по всем правилам.

Александра Ивановна подробно восстанавливала детали крещения Анатолия. Потом вдруг, что-то вспомнив, оборвала рассказ, оживилась еще больше:

-- Спасибо тебе, родной, за скатерть. Где ты такую красивую только выискал? Мы ею накрываем стол только в самые большие праздники.

-- Это вам спасибо за посылку. Целый ящик фасоли прислали. А я ведь должен был как-то отблагодарить.

-- Послать тебе чего-нибудь надоумила моя мать Параська. Пришла как-то и говорит: давай Толе передадим какого "харчу", а то вдруг он там недоедает, как тут малым недоедал. Думали-думали, и ничего лучшего не нашли, как фасоли насыпать. Она и хранится долго, и питательная, и много всяких блюд можно из нее приготовить.

-- А я еще из детства помню, как вы мне крашеные яички на Пасху приносили. Никогда не забывали обо мне.

Маленький Павел тем временем сидел на холодной в летнее время печи и занимался сугубо своим делом – играл. Увлекшись, он и не заметил, как оказался на самом краю и полетел вниз, ударился о скамейку, скатился на пол, подхватился и стремглав выскочил на улицу.

Все заохали, Стелла выбежала следом, и только Анатолий Павлович оставался невозмутимым: "Он у нас настоящим мужчиной растет. Видите, даже не всхлипнул. Не беспокойтесь, сильно не ушибся. А если и заболело, вида не покажет." Павел и в самом деле вел

себя так, будто ничего не случилось, и этим вызвал всеобщие симпатии.

Приезд Анатолия с женой Стеллой и сыном Павлом в гости к брату Михаилу (1969 г.). Слева направо стоят Александр, мама Елена Адамовна, Стелла, Анатолий, Михаил с женой Еленой Марковной

Несколько дней пролетели мгновенно, и донецкие гости отправились в обратный путь, оставив после себя яркие и приятные воспоминания.

Вскоре после этой встречи пошел служить в Советскую Армию Александр. Его часть тоже находилась на территории Украины – в Житомирской области близ станции Белокоровичи. Однажды его отправили в Донецк за радиодеталями, и эта командировка оказалась чем-то сродни отпуску. Правда, пробыл он в незнакомом, но гостеприимном благодаря присутствию в нем Анатолия городе всего один день. Зато с лихвой выполнил (опять же благодаря энергичности и деловитости брата) все поручения и даже выкроил время побывать в семье. Да и как было не побывать, если у Анатолия и Стеллы родился второй ребенок – дочь Марина.

Отметили приятное событие и мило распрощались. На прощание Анатолий дал младшему брату напутствие сразу после демобилизации поступать в ВУЗ. Причем напутствовал весьма настойчиво: дескать, не медли ни одного дня, пока молоды, надо учиться, вбирать в себя максимум знаний, которые, как известно, за плечами не носить.

Отслужив, Александр сразу же, без раскачки поступил в Брестский инженерно-строительный институт. А перед сдачей вступительных экзаменов вместе с мамой они отправились в Донецк.

Так летом 1972 года впервые увиделись и познакомились мать Анатолия и родители Стеллы.

За год до этого важного семейного события Анатолий поднялся на очередную ступеньку карьерного роста. Его назначили главным инженером Донецкого областного производственного объединения “Бытрадиотехника”. Взвалив на себя всю техническую часть огромного разветвленного предприятия и львиную долю организационных вопросов, теперь он мог уделять дому и семье еще меньше внимания. Но когда приехала мать, бросил все. Для начала повез дорогих гостей на Азовское море. По дороге долго рассказывал матери и Александру о своей работе и о Донбассе. О том, что закончил институт -- факультет автоматики и телемеханики. Что обмывали дипломы в ресторане, где было очень весело. А еще ему вручили ордер на новую, большую квартиру, и скоро они перестанут испытывать неудобства от тесноты.

Поля слева и справа желтели подсолнухами. Служебный “Москвич” белого цвета то опускался в долину, то взмывал на холм. За рулем – Володя Никитин. Он не просто водитель – соратник, друг, очень близкий человек. Со стороны взглянешь на их отношения с семейством Климцов – родня да и только. У Володи в 71-м умер отец, и с этого момента отцом он называл Анатолия Павловича.

Мать все охала да ахала. Так ей все здесь было непривычно.

Вернувшись обратно, Анатолий предложил сходить в театр оперетты. Его попробовали отговорить, дескать, зачем матери эта оперетта, ведь скучно будет; лучше посидеть да поболтать за жизнь. А еще ведь и новую квартиру показать надо. Но он стоял на своем: пусть созерцает красоту, ведь ничего в жизни не видела; пусть останутся необычные впечатления.

И Донецкий театр оперетты стал для них одним из немногих символов Донецка, среди которых дружное семейство, членом которого стал Анатолий, огромные, словно горы, терриконы и бескрайнее желтое море подсолнухов в окрестностях города.

Маринке уже шел третий год. Для своего возраста она была очень развитой девочкой и всех с удовольствием потешала. Пятилетний Павел тоже рос здоровым и крепким, а это самая большая радость и для родителей, и для бабушек-дедушек. Теперь они радовались вместе, сообща.

Поэтому возвращалась Елена Адамовна от сына домой в добром настроении. Чувствовала, будто добавилось ей несколько лет жизни. Надо же, какой молодчина у нее сын: уже институт закончил, имеет высшее образование; новую добротную квартиру получил. Правда, пока она пустовата. Комнат-то много – где мебели наберешься? Но...

тем не менее. И, в добавок ко всему, по службе быстро продвигается. В дороге она спокойно спала и как никогда часто улыбалась.

-- Теперь, Саша, осталось дождаться твоей свадьбы, увидеть твоих детей. Слава богу, у Миши все складывается хорошо, у Толи – еще лучше...

-- Вот окончу институт и тоже женюсь, увидишь и моих детей, -- успокаивал Александр.

Анатолий Павлович, распрощавшись с матерью и братом, занялся жильем. Времени, как обычно, не хватало, поэтому трудился уже поздно вечером. Во-первых, устранял недоделки, оставленные отделочниками и столярами, во-вторых, решил испытать себя еще и в качестве мебельщика. Ведь отец в молодости вообще удивительно красивую мебель изготавливал. Вручную. Без всякого там мудреного инструмента. Топор, пила, рубанок, стамеска... да руки золотые. Неужто не передалась от него с генами хоть небольшая часть этого таланта?

Он навозил откуда-то реек, досок, фанеры, мебельных щитов и по вечерам работал до тех пор, пока не начинал мешать спать соседям. Благо, с ними как раз повезло, ругаться не приходили. Да и он не злоупотреблял терпением, вовремя останавливался.

В конце концов прихожая получилась что надо. Если заходил кто-то посторонний, даже и мысли допустить не мог, что перед ним самодельные шкафы и все остальные атрибуты этого помещения. Разве что наметанный глаз телерадиомеханика мог подметить: точно такие ручки, как на этих дверцах, служат регулятором громкости в таком-то телевизоре или радиоприемнике.

Как-то сюда заглянул коллега Николай Опалак. Он учился вместе с Анатолием в одном институте на том же факультете, вместе работали в ателье. Вдобавок ко всему, Николай Васильевич во всем старался подражать своему старшему товарищу. Заметив пуговки-регуляторы, гость воскликнул:

-- Надо же, додумался чем ручки заменить!

-- Какие ручки?

-- Да вот, в прихожей. Заводские, наверное, отлетели. У нас это национальное бедствие.

-- А, эти. Ты считаешь, что шкафчики похожи на заводские?

-- Ну да. А какие же еще.

-- Самодельные. Склепал из подручного материала. А если ты этого не заметил, значит, мне не стыдно перед своим покойным отцом.

-- Я тоже себе склепаю что-нибудь похожее. Выгодная штука.

-- И, заметь, дешевая. Мебельные щиты попроси на мебельной фабрике. Можешь сказать, что для меня.

После этого разговор зашел о работе. Анатолий Павлович предложил:

-- Пойдешь старшим инженером в бывший мой отдел?

-- В производственно-технический? Пойду, чего ж не пойти. Я уже у Вас многому научился.

-- Да ладно тебе. Я у тебя тоже учился. И учусь.

Они вспомнили, как несколько лет назад ездили в Минск в командировку. Анатолий сам ее инициировал, сам добивался у начальства разрешения на поездку. Дело в том, что на предприятии, куда они отправились перенимать опыт, он успел немного поработать перед призывом на службу. И даже успел внедрить рационализаторское предложение: блочный ремонт телевизоров. Оно заключается в том, что человеку не нужно тащить в мастерскую весь телевизор; вместо этого мастер вынимает неисправный блок и занимается с ним. Идея, казалось бы, проще не бывает, но первым подал ее именно Климец. Поэтому руководитель предприятия хорошо помнил его и встретил весьма радушно. Попутчиков это удивило. “Кем ты здесь работал? Наверное, никак не простым работягой?” – набросились они с вопросами. “Как раз простым работягой был. Рядовым телемастером,” – отмахивался Анатолий.

Изучили здесь мастера из Донецка и еще один нюанс, связанный с размагничиванием кинескопов.

Вернувшись домой, ребята тотчас внедрили передовой опыт у себя. Это был маленький фурор. За ним последовали другие…

-- А знаешь что, -- прервал вдруг воспоминания Анатолий Павлович. -- Бери на себя рационализаторскую работу. Я знаю, у тебя получится. Да и я рядом, подсоблю, если понадобится.

-- Далеко мне до тебя, Палыч. Так, как ты делал, не смогу. Я ведь помню, кто ввел в постоянную практику проведение конкурсов на лучшего радиомеханика, лучшую рационализаторскую разработку... Да и вообще так, как ты подбадривал, никто не мог подбодрить…

-- Ладно, времени нет на пустые разговоры. Согласен с моим предложением? Да? Вот и хорошо. Все, продолжим разговор, когда буду посвободней.

Между тем времени для праздных разговоров у него не стало совсем. На службе приходилось решать все больше и больше вопросов. Как говорится, кто везет, на того и грузят. А он тащил, как ломовая лошадь. Кроме прочих дел, взвалил на себя строительство огромного здания “Бытрадиотехники” по проспекту Мира. Возводить его начали

в 78-м. Причем участвовали в возведении не только строители, но и все работники объединения. Они выполняли подсобные работы, убирали мусор, мыли и чистили, а Анатолий Павлович вдохновлял всех на общее дело. От его глаза не ускользала ни одна недоделка, ни один просчет. Так и втянул его в себя строительный омут. Иной раз причмокнет языком: “Возвести здание, дом. Что может быть прекраснее!” Может быть, такие мысли и дачу строить подтолкнули. Давно мечтал о своем домике с участком земли, и вот подвернулась возможность такой участок взять. Или выбить. Это было время, когда все приходилось выбивать: автомобиль, мебель, путевку в санаторий, поездку на экскурсию за границу, дачный участок. Дефицитом была любая мелочь. В достатке имелось в магазинах разве что колбасы да рыбных консервов в жестяных банках.

До этого Анатолий Павлович строительством не занимался. Хотя… гараж ведь построил. Вдвоем с Павлом. Добротным получился, сухим и даже в каком-то смысле уютным. Возможно, уюта добавляло присутствие самого хозяина. А дача – это же дом. Здесь столько знаний и умения требуется, столько всего предусмотреть нужно. Поэтому много советовался со специалистами, наблюдал за их работой на возведении какого-нибудь дома, но строил сам или с сыном. Разве что коробку “выгонять” помогали ребята-каменщики.

Пока возводил дом, вспомнил, как когда-то в детстве мечтал посадить сто садовых деревьев. Вот и подошло время воплотить мечту в реальность. Закупил саженцы яблони, груши, косточковых, но прежде чем высаживать их, проштудировал специальную садоводческую литературу. И кое-что полезное почерпнул из нее. К примеру, то, что для полива лучше всего подвести под деревца трубки на определенную глубину и поливать через эти трубки с тем, чтобы влага попадала не на ствол и не на верхние корни, а на те, которые снизу; пусть и дальше стремятся вниз, пусть дерево надежно укореняется и не подвергается гнили ствол.

Никто в окрестности, правда, такой способ не практиковал, поэтому все, кто наблюдал за его работой, недоумевали: что это такое придумал Климец, у людей, вон, и без труб неплохо растут яблони. На это у Анатолия Павловича был вполне убедительный и даже в какой-то мере философский ответ, дескать, если придуман более совершенный способ возделывания сада, зачем же пользоваться менее совершенным. Получится не развитие, а регресс какой-то. Такой философии он придерживался во всем, внимательно следил за новинками, каждый день старался познать что-то новое и внедрить у себя, поэтому и заимел известность прогрессивного руководителя.

Какое-то время Донецкая "Бытрадиотехника" даже выполняла в огромном Советском Союзе роль образца в освоении новых идей и технологий. Сюда съезжались из разных республик, изучали опыт... Несколько разработок Анатолия Павловича и его подчиненных взял для внедрения в производство Киевский завод радиоаппаратуры и распространил их по всей Украине.

Когда в коллективе стало известно об этом, многие открыто демонстрировали свое восхищение, поздравляли, но он отмахивался: "Здесь не только моя, но и ваша заслуга. Что я без вас".

Но люди знали, кто чего стоит. Анатолий Павлович уже стал не просто руководителем, но и носителем определенного стиля. По мере того, как он поднимался по служебной лестнице, этот стиль охватывал все большее число людей. Сначала он ввел материальный стимул у себя в ателье, затем в производственно-техническом отделе, а став главным инженером – во всем объединении. Вместе с генеральным директором Виктором Реутовым и экономической службой как следует обсудили все тонкости более прогрессивной системы оплаты труда и ввели бригадный подряд. Сформировали бригады: линейную, ремонтную и проч.. Одновременно была упорядочена и отточена до предела премиальная система. Объемы и качество выполнения работ фиксировались и оценивались так дотошно, что не ускользала никакая мелочь. Люди стали зарабатывать по мере своего вклада в общее дело.

Перенимать передовой опыт в Донецк зачастили коллеги из Прибалтики, Ленинграда, Москвы, Ростова и многих других уголков огромного Союза Советских Социалистических Республик. Центральные газеты окрестили местную "Бытрадиотехнику" полигоном всего нового.

Это было во второй половине восьмидесятых, когда время застоя заканчивалось и вот-вот должна была начаться новая эра – эра перестройки. Правда, тогда о ее наступлении еще никто не подозревал. Разве что такие дальновидные, обладающие даром предвидения руководители, как Анатолий Климец. Другое дело, что сам он о себе не был такого высокого мнения. Ему все казалось, что не успевает осуществлять свои идеи и разработки. Те наплывали лавиной, а дальше все стопорилось громоздкими бюрократическими барьерами. Пробиваться приходилось долго, впустую уходило немало сил. Но что-то подсказывало: стучи, и отворят тебе. И двери действительно отворялись. Пусть даже для этого приходилось задействовать всю свою дипломатичность.

Неслучайно именно Донецкая "Бытрадиотехника" два года подряд, начиная с 1985-го, получала переходное Красное Знамя ЦК КПСС и ВЦСПС.

За достигнутые успехи Анатолий Павлович даже медали ВДНХ (выставки достижений народного хозяйства) удостоился. Правда, никто этой награды никогда не видел. Наверное, он и сам через несколько дней забыл о ней. Чувствуя свою ответственность не только за огромный коллектив, семью, но уже и за свою родню в Беларуси, даже за покойного отца, которому загорелся соорудить достойный его памятник, он уже не успевал думать ни о чем и ни о ком, кроме работы, людей, которые доверились ему и которых он не может подвести ни при каких условиях.

О семье помнил всегда, вот только времени катастрофически не хватало. А когда случалась поздно вечером свободная минутка, рассказывал детям сказки на сон грядущий. Он помнил много произведений, но повторять их было совершенно не интересно. Зато придумывать сюжеты на ходу – истинное удовольствие. И он придумывал интересные поучительные сказочные истории. Детям они очень нравились. Как когда-то они нравились тем, детдомовским, но тоже таким родным детям. Сын и дочушка снова и снова просили: папа, расскажешь еще и сегодня сказочку? Он светился всем лицом, но глазами вдруг мрачнел: "Если не очень устану, обязательно расскажу". И тяжело вздыхал, мечтая о том, когда же ему удастся, наконец, натешиться вволю общением с детьми.

Когда у него получалось исполнить данное малышам обещание, радовался, словно ребенок и был весел и многословен. К сожалению, такое случалось не очень часто, но взаимной теплоты от этого не убавилось.

"Ничего, -- думал, стараясь отогнать мысли, связанные с работой. – Не успеваю общаться, зато ради них всего себя отдам без остатка. Буду помощником во всем."

Так оно и получалось.

Павел частенько забегал к отцу на работу и оказывался свидетелем интересных ситуаций, когда на его глазах решалось нечто огромное и неподвластное его разумению. И гордился: вот как уважают отца, вот сколько дел успевает провернуть отец за считанные часы. И возникало желание быть таким же – волевым, всезнающим, добрым, участливым... Вот только-только он заключал решающую сделку, и в тот же миг переключался на личную жизнь гостя, дескать, как ваши детки, где и как живете, чем увлекаетесь... Даже о себе успевал немного рассказать. Но никогда не жаловался ни

на что. Это вселяло уверенность: надежнее отца нет никого и ничего на свете. Казалось, отец никогда не постареет, всегда будет полон молодого задора.

Он и в самом деле не постарел. Он навечно остался молодым. Его весь Донецк и родня из Беларуси запомнят молодым. Он как будто предчувствовал, что на этом свете ему отведено совсем немного лет, и все спешил, спешил жить.

Благо, повезло с руководителем. Генеральный – Виктор Реутов -- понимал его и всячески поддерживал. Правда, со временем начал уставать от его бесчисленных идей и казался консервативным. Но те, кто постарше, для младших всегда кажутся консервативнее. Это закон, который, к сожалению, знали и воспринимали не все. А зря. Ведь закон действует вне зависимости от того, знают его или не знают.

В то самое время, когда генеральный после очередного селекторного совещания, на котором услышал в свой адрес из уст министра много нелицеприятного, слег в больницу с инсультом, коллектив объединения уже находился на пороге экономического кризиса. Собственно, этот кризис охватывал многие отрасли. Да что там, весь Союз, в т.ч. и Украину.

Нужен был глаз да глаз. Не уследишь за ситуацией, и останешься ни с чем. Весь четырехтысячный коллектив окажется не у дел. Люди сжались в предчувствии опасности. Первый, второй, третий месяц не выплачивается зарплата, в магазинах – бесконечные очереди, что-то непонятное творится во всех отраслях. А кушать хочется. И никакой уверенности в завтрашнем дне.

Требовались решительные действия. Но кому их совершать? И тогда Анатолий Павлович произнес в кругу специалистов сакраментальную фразу:

-- Надо спасать и коллектив, и нашего генерального.

Невероятная напряженность могла окончательно сгубить Виктора Ефимовича – человека в годах. А коллективу требовался энергичный, дееспособный руководитель.

Назрела необходимость проведения выборов.

Это – Рубикон. Испытание для сильных.

Реутова, слава Богу, вернули к жизни. После интенсивного лечения он был еще слаб, но сказал: “Выхожу. Буду работать.” Два месяца работы измотали его совершенно. Это было видно невооруженным глазом. К концу рабочего дня его хоть из кабинета выноси. А напряжение в коллективе тем временем нарастало. Все чувствовали: что-то надо менять, подстраиваться под новые условия. А что это за

условия? Слово рынок тогда еще только-только входило в обиход. Чаще звучало: перестройка, ускорение… Никто не понимал, что на практике представляют собой эти слова, поэтому все надеялись на того единственного, кто понимает больше других, видит дальше и сможет повести за собой. Только бы в нужном направлении. Виктора Ефимовича, чувствовали, сия ноша может снова свалить с ног. Тем более, что ему не хватало жесткости, требовательности. Ну, не мог он в силу мягкого характера наказать человека. В итоге наказывал себя. На себя взваливал, по сути, чужую работу. Кое-кто чувствовал эту слабинку руководителя и пользовался ею.

-- Нет, не поднимается рука наказать этого человека, духа не хватает, -- признался он как-то Анатолию Павловичу.

-- А он видит это и скоро на голову залезет, -- увещевал Климец. – Теперь это особенно опасно. Теперь без жесткой дисциплины мы загубим коллектив.

И Анатолий Павлович наказывал своей властью. Отчитывал так, что у человека начинали дрожать поджилки.

Позицию главного знали все. Да он ее и не скрывал, повторял на каждом совещании: “Моя задача – заставить человека заработать премию, а не получить ее”. И заставлял, чего бы это ни стоило.

Но строгость абсолютно не мешала ему быть внимательным и заботливым. Как-то, находясь в командировке вместе с прогрессивным директором передового тогда завода №2 Виктором Нестеровым, даже дезориентировал принимающую сторону. Хозяева, понаблюдав за их отношениями, высказали Виктору Ивановичу свое восхищение, дескать, какой прекрасный у Вас подчиненный – понимает с полуслова, старается, чтобы Вы ни в чем не испытывали неудобств.

-- О каком подчиненном вы говорите? – удивился Нестеров.

Те указали на Анатолия Павловича.

-- Так ведь не он у меня подчиненный, а я у него, -- был ответ. Многих он поверг в шок. Виктору Ивановичу все по доброму завидовали, говорили: “Повезло Вам с руководителем. И всему коллективу повезло.”

Добрый, но не добренький. Такую славу Анатолий Павлович заимел в коллективе давно. И за это, да и за многие другие деловые и человеческие качества, его уважали и подчиненные, и генеральный.

Наступил год 1988-й. Пришло время принятия кардинальных решений. Промедление грозило плачевными последствиями.

-- У нас появилась возможность взять предприятие в аренду с правом выкупа. Мы не имеем права упустить эту возможность, -- доказывал Анатолий Павлович своему руководителю.

-- А что о нас люди скажут? – то ли спрашивал, то ли упирался несколько подрастерянный Виктор Ефимович.

-- А что о нас скажут, когда почти четыре тысячи человек окажутся на улице? – вопросом на вопрос отвечал Анатолий Павлович.

И оба смолкали. Каждый мучительно размышлял о судьбе коллектива. Генеральный всё не мог понять, зачем нужно выкупать предприятие. Ведь оно перестанет быть государственным и лишится многих льгот, которых, по сути, уже лишилось. Но не верилось, что окончательно. Неужели на высшем уровне допустят развал отрасли? Такого не может быть. Главный инженер отчетливо понимал: то, что было, уже не вернется. Теперь остается рассчитывать исключительно на себя: на свои силы, способности, навыки… Думать за тебя, как раньше, уже никто не будет. И вообще: страна движется к капитализации. И тот, кто быстрее выведет свой эшелон на новые рельсы, окажется в выигрыше.

С трудом воспринимал Виктор Ефимович доводы главного инженера. Его предложение выпускать на одном из заводов видеокассеты он отмел напрочь. А ведь это производство могло оказаться золотым. Но… У него другая закалка и другой взгляд на вещи.

Когда Анатолий Павлович почувствовал, что времени на размышления совсем не осталось, после консультаций с руководителями подразделений объявил генеральному:

-- Будем проводить выборы нового руководителя, Виктор Ефимович. Надо спасать коллектив. Да и Вам будет лучше. У Вас возраст. А нагрузки увеличиваются. Сгубят они Вас. Поживите спокойно, без нервотрепки.

Понимал, конечно, что генеральный прикипел к предприятию, что без своей работы ему будет нелегко. Поэтому и мучился, терзал себя. И лишь чувство ответственности не позволяло отказаться от решительных действий.

В конце концов он созывает совещание и объявляет:

-- Давайте пожалеем коллектив и Виктора Ефимовича. Надо двигаться вперед.

Генерального поблагодарили за работу, сказали в его адрес много добрых – вполне заслуженных – слов, и назначили выборы.

В списках для голосования – пять кандидатов. Выбирала генерального вся область, потому что структурные подразделения объединения имел каждый район. Соперники Анатолия Павловича – авторитетные, достойные руководители. Особенно директор завода №3 Пенько – человек прогрессивных взглядов. Он взял много голосов.

Но победил все-таки Анатолий Климец. В первом же туре. И с большим отрывом.

Итоги выборов не стали ни для кого сенсацией. Они прогнозировались. Народ в объединении воспрял, хотя находились и скептики, которые считали, что один человек ничего не сделает, будь он даже семи пядей во лбу. Тут экономика всего Союза рушится, и в этом бушующем океане попробуй удержись на плаву.

А новоизбранный генеральный, между тем, принялся реализовывать свои планы. Спокойно и уверенно, проводя политику глобальных, а вместе с ними и локальных реформ.

Глава шестая

ЗРЕЛОСТЬ. РАСЦВЕТ

(1988 – 2001)

-- Я очень тяжелый, но очень надежный. Верьте мне, люди.

Первое производственное совещание на посту генерального директора Донецкой “Бытрадиотехники” Анатолий Климец начал с этих слов, ставших впоследствии крылатыми. Их и сегодня повторяют те, кому хоть раз приходилось слышать эту повторенную потом еще много раз фразу.

В ней прочитывалось то, что было, пожалуй, самым важным для подчиненных: я вас не подведу.

На свой страх и риск коллектив взял предприятие в аренду с правом выкупа. Анатолия Павловича отговаривали это делать и в вышестоящих структурах, и кое-кто из областного руководства. Ведь неизвестно, к чему это приведет. Дело-то новое, неопробованное. Ему предрекали банкротство.

На поверку же обанкротились те, кто не последовал его примеру или последовал слишком поздно. Они лишились всего, даже собственных зданий. А он не уступил ни пяди, отвоевал все имущество, не позволив разбазарить его ни на копейку. И не считал это какой-то особой заслугой. Говорил: я на то здесь и поставлен, чтобы коллективное добро беречь и приумножать.

Приняв руководство объединением, он начал реализовывать еще одну насущную задачу – предоставлять подразделениям самостоятельность. Тем, кто не понимал, для чего это делается, пояснял: громоздкое централизованное предприятие в такое сложное время слишком неповоротливо. А маленькое – мобильное и поэтому живучее.

Он понимал и большее, то, что аренда – лишь полумера. Вот если бы выкупить предприятие – оно заработает гораздо эффективнее. Но тогда, в 1988-89 годах, еще не было соответствующих законов, хотя разговоры об их подготовке велись на всех уровнях.

Анатолий Павлович приходил домой и либо решал очередную выисканную в газете шахматную задачу, либо тотчас усаживался за радиоприёмник. Искал “Голос Америки”, “Немецкую волну”, “Свободу” и слушал, слушал... И прикидывал: как поступать сообразно всему тому, что творится в мире и в стране? Сравнивал услышанное с информацией, полученной из зарубежных командировок. И все больше убеждался: нет, не обойтись без частной инициативы. Именно она – движитель всего. Забывал о еде. Когда спохватывался, что не на работе, а дома, что его внимания ждут жена и дети, охватывало желание создать семейный бизнес. В мире это в норме вещей. Родители и дети ведут общие дела, и это лишь укрепляет взаимоотношения.

Братья Анатолий, Александр, Михаил, г. Брест (1976 г.)

Дети часто были с ним и на работе, и в праздники. Вместе ходили на демонстрации. Павел в кабинете, как у себя дома. Вместе построили гараж и дачу. Но и этого казалось недостаточно. Надо больше быть вместе, и надо все делать и планировать дальнейшую жизнь вместе... Тут хоть разорвись. Впрочем, на то он и глава (семьи, большого коллектива), чтобы разрываться.

Мысли, мечты, которые он пробовал втиснуть в выверенные расчеты, утопали в усталости и во сне. А в 6.00 снова подъем. Вставал, делал зарядку, принимал душ, быстро съедал свою порцию каши и… дела, дела…

Рабочий день начинался на улице. Пока дойдет до кабинета, успеет решить уйму текущих вопросов и еще столько же новых взвалить на себя.

Как только вышел законодательный акт, позволяющий выкупать арендованное предприятие, спешно отправился со специалистами в Киев. Поездом. В плацкарте угощали друг друга домашними соленьями-вареньями и пели песни. Будто на прогулку выбрались. А вопрос, между тем, им предстояло решать судьбоносный для всего коллектива. И еще неизвестно, к чему приведет положительный результат, которого попробуй добейся. Потому-то всей командой и едут, чтоб убедить руководство Комитета госимущества в том, что спасти предприятие можно только посредством его выкупа коллективом. Честно говоря, сами члены команды весьма смутно представляли себе, какая может быть выгода от такого переустройства, но уверенность генерального передавалась и им. А он говорил:

Сейчас выкупим предприятие за копейки, а через год-другой уже не сможем это сделать, потому что оно – и вообще все – обретет истинную свою цену.

Приезд Анатолия с сыном Павлом в гости к брату Михаилу (1978 г.)

Впрочем, в дороге он не утруждал подчиненных расчетами. Зато всех веселил и раззадоривал. У каждого расспросил о детях, здоровье, вообще о жизни. А потом вдруг: “Как вы думаете, есть что-нибудь после смерти человека или на этом все обрывается? Я имею в виду загробную жизнь”.

Женщины в ответ лишь пожимали плечами. Они как-то и не задумывались, по крайней мере, так глубоко о загробной жизни. А Анатолий Павлович вздохнул тяжело, пригладил волосы на лысеющей голове и сформулировал свою философию:

-- Жизнь после смерти есть. Она – наши сегодняшние дела. Чем больше ты за свою жизнь сделал, тем дольше проживешь после смерти.

Трудно было понять, соглашались с ним слушавшие или не соглашались, но огонек интереса светился у каждого в глазах. А когда Анатолий Павлович достал из кармана песенник (петь приохотился недавно, слов песен наизусть не знал, а некоторые страсть как нравились), все оживились. Песня еще никогда не была в тягость. И вот уже звучат задушевные слова:

Светит незнакомая звезда.
Снова мы оторваны от дома.
Снова между нами города,
Взлетные огни аэродрома.
Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радостей скупые телеграммы…

В распрекрасном настроении появились донецкие бытовики в Комитете. Им казалось, что кого угодно смогут убедить в своей правоте и нет для них непреодолимых преград. В приемной, где пришлось долго дожидаться своей очереди, одна из сотрудниц – начальник отдела экономики и финансов Валентина Арзуманян – даже успела решить с генеральным личные проблемы. Ох и позабавили они всех, особенно Анатолия Павловича. Она начала издалека:

-- Вы можете пообещать, Анатолий Павлович, что дадите мне то, что я у Вас попрошу?

Все тотчас притихли, заинтригованные.

Анатолий Павлович озорно улыбнулся:

-- А оно, то, что Вы попросите, стоит?

-- Нет.

-- Лежит?

-- Нет.

-- Гм. Что же это такое? Ума не приложу.

-- Оно, Анатолий Павлович, висит.

И тут все присутствующие в приемной взрываются хохотом.

-- Висит? – Генеральный переспрашивает сквозь смех и никак не может остановиться. – Ну Вы даете. Гм, висит. Что же это такое у нас может висеть?

-- Доска, на которую мы вывешивали фотографии победителей соцсоревнования. Старая.

Просьба Валентины Андреевны всех огорошила.

-- Интересно, зачем Вам, уважаемая Валентина Андреевна, понадобилась эта доска? Я просто ума не приложу, -- сделал озадаченную мину Анатолий Павлович.

-- Помните, я была на больничном с поломанными ребрами? Так вот врач посоветовал спать на твердом. И я подумала, что эта доска аккурат подойдет. Она и по длине, и по ширине впишется в кровать. В конторе она все равно без дела.

-- Ну, с таким подходом как не дать. Вернемся, сразу грузи в машину и поправляйся поскорее.

Веселые, они всей компанией ввалились в такой труднодоступный кабинет.

И вдруг слышат от высокопоставленного чиновника, в руках у которого, по сути, судьбы десятков тысяч людей:

-- Вы что, самоубийцы? Никто, ни одно предприятие в вашей отрасли не решилось на такой шаг. Вы хоть бы дождались, пока столичные коллеги опробуют неведомое. Они, небось, более сведущие здесь, в Киеве.

Он наотрез отказывался подписывать решающий документ. Для их же блага, оказывается. Пришлось Анатолию Павловичу пустить в ход всю свою дипломатичность. Его убедительные доводы возымели действие. Правда, чиновник так и остался при своем мнении. “Ох, и пожалеете вы еще. Спешите перед батькой в пекло.” “Как бы не пожалели те, кто медлит”, -- ответил Анатолий Павлович и недоуменно взглянул на собеседника, дескать, уж Вам-то, при такой должности, как не видеть явного?

В этот приезд он, вопреки самим же установленной традиции, не посетил ни православный Владимирский храм, ни баню. Время не позволяло.

Дети Анатолия Павловича Марина и Павел

Когда возвращались, снова шутил и пел. О работе – ни слова. Сделали дело – надо расслабиться. И вообще – всему свое время.

-- Представьте, если бы у Вас, Анатолий Павлович, в приемной столько же народа собиралось и часами сидели в ожидании, -- сказал кто-то и добавил: -- мы, например, не представляем.

-- И не надо представлять такое, -- серьезно ответил Анатолий Павлович. – Это не по-людски. Да и делу помеха. Человек должен работать, а не в приемной штаны протирать. И, между прочим, ткань на наших общих стульях, -- добавлял в серьезный разговор немного юмора.

Впрочем, у него и сквозь шутку проступал серьезный взгляд на вещи и некая особая философия, которая была так близка и понятна всем. Как и он сам – тоже близок и понятен всем.

-- Ну, что там у нас из припасов осталось, товарищ Гундарева? – обращался к Валентине Арзуманян, громко произнося ее девичью фамилию.

-- Только овощные консервы. Вот, огурцы, -- достала та стеклянную двухлитровую банку.

-- А еще сестра знаменитой артистки. Ха-ха, огурцы с собой возит. – Он заливался смехом.

-- Благодаря Вам, Анатолий Павлович, уже весь город считает меня сестрой знаменитой артистки. Всем раструбили. А когда я говорю, что никакая не сестра, а просто однофамилица, никто не верит. Ну, почему Вам верят, а мне нет?

-- Это тайна, которую нам без капельки нарзана не разгадать. Давайте, доставайте свои огурчики.

И они выпивали по стопочке и хрустели вкусными огурцами. А потом снова пели песни. Всем было уютно и светло на душе. На какое-то время отходила на задний план тревога: как то оно повернется все в жизни, не наломали ли дров с выкупом предприятия? Время-то изменчиво, поди угадай, каким политическим курсом пойдет страна завтра.

На следующий день Анатолий Павлович появился в рабочем кабинете как всегда бодрый и подтянутый. Сверкающая белизной рубашка. Яркий галстук. Безукоризненно отутюженные Стеллой Владимировной пиджак и брюки. Отражающие свет туфли. И... американская улыбка.

Дверь по привычке оставил отворенной. Так легче дышалось. Пересмотрел почту, другие важные бумаги. Чиркнул там-сям ручкой. Из приемной донеслись звуки. Это пришла секретарь Светлана Медведева. Поздоровались.

-- Как здоровье, Светлана Семеновна? – спросил не ради формы, а потому, что знал: у этой женщины есть проблемы. Возраст. С 64 года она на этом месте. Лежала в больнице с анкологическим заболеванием. И он, будучи тогда еще главным инженером, вместе с тогдашним генеральным Виктором Реутовым беспрестанно тормошили облздравотдел, главврача, делали все возможное и невозможное, чтобы спасти ее.

-- Держусь, Павлович. Вы то как?

-- Мы? Мы всегда в порядке. – И всё лицо генерального лучилось широкой и открытой улыбкой.

-- Вижу, что в порядке. А только перетруждаете Вы себя. Всех не обогреете, а организм свой угробите.

-- Да ладно Вам. У меня сегодня настроение хорошее, а это значит, что я здоровее всех здоровых.

-- Сейчас народ повалит валом. Вчера отбоя не было. Всем Палыч нужен. А как только узнают, что папа в отъезде, такое ощущение, будто конец света.

-- Ничего. На то я избран на такую должность. Людям сейчас ой как непросто. Нельзя их бросать на произвол.

-- Но и баловать нельзя.

-- И баловать нельзя, это верно. И не будем баловать. Тем, кто не может ловить рыбу, будем помогать, а тем, кто может – удочки вручим. Пусть ловят.

-- Узнаю Ваш почерк. Не один ходок Ваши удочки вспоминает.

-- Знаете, Светлана, вот был я в Израиле на экскурсии. Прохожу возле той горы, в которой Иисус был погребен, а потом воскрес. Стоят там люди и просят подаяние. Побеседовал с ними. Говорят: “Несчастные вы люди”. Удивился. “Привязанные обязательствами к делу, словно цепью к столбу. О смысле жизни подумать некогда.” Так то. А они счастливые. Им ничего не надо. Одним днем живут. И вечностью. Сегодня дали им на хлеб насущный, и хорошо. А завтра как Бог на душу положит. Мы такими счастливыми не можем быть. У нас заботы.

Он спохватывается, словно отряхивается от наплывающих мыслей, и решительно садится за рабочий стол, хватается за телефонную трубку, бросая в приемную:

-- Ладно, пора за работу. Скоро планерка.

Когда главные специалисты расселись в кабинете за длинным столом, время ускорило бег. Анатолий Павлович перво-наперво объявил всем, что приватизационные бумаги подписаны, и теперь они больше не подчиняются Министерству бытового обслуживания. Но тотчас предупредил всех:

-- На этом наша борьба за “самостийнисть” не заканчивается. Будут еще суды. Ну, и проверки, конечно же, будут. Ждите в гости ребят из контрольно-ревизионного управления. Да смотрите, если пьют и курят – не жалейте водки. Мы первые в своей системе и вторые в области выкупили государственное предприятие. На нас все смотрят: выкарабкаемся ли? Первопроходцам всегда труднее. Легче по проторенному пути идти. Но сейчас другой случай: переживем этот переломный момент более-менее спокойно, будем жить благополучно. Вот тогда я посмотрю на тех, кто сидел и ждал, пока им путь проторят. Кстати, теперь мы будем называться ПКФ, т.е. производственно-коммерческая фирма “Бытрадиотехника”. Привыкайте. И оставим мы в своем непосредственном подчинении только городские структурные подразделения. Остальным будем помогать налаживать самостоятельное существование. Обязательно поможем. Всем. А там, может быть, и городские отпустим. Будем смотреть по обстоятельствам. Отделим ателье. Сегодня основным видом деятельности

нашей фирмы должно стать производство и реализация радиодеталей и кинескопов. А теперь о делах внутренних. Что нам о них расскажет представитель диаспоры Лэмков? – генеральный, как обычно, начал с Николая Опалака, которого недавно утвердил в должности главного инженера. Дело в том, что в западной части Украины есть территория, население которой издревле называет себя Лэмками. Таковым считал себя и отец Николая Васильевича. А с легкой руки Анатолия Павловича и сам Николай Васильевич стал "представителем диаспоры".

У главного инженера, конечно же, разговоров о текущих делах и проблемах – на несколько часов. Но все знают, что шеф любит краткость и четкость. Чтоб ни слова лишнего. Поэтому идет перечисление лишь неотложных вопросов. В их обсуждение мало-помалу втягиваются все присутствующие.

Когда о делах говорить устали, Анатолий Павлович перевел взгляд на главного бухгалтера Надежду Алексеевну Иванову и игривым тоном спросил:

-- Как там Ваши участки, помещица Иванова?

Все знали, что Надежда Алексеевна при распределении дачных участков взяла себе больше земли, нежели кто-либо. Поэтому кабинет наполнился смехом и шутками. И в этом шуме затерялся ответ.

Но вот кто-то серьезно заметил:

-- Нам же теперь дохнуть не дадут те, кто захочет последовать нашему примеру и тоже выкупить предприятия. Каждому покажи да расскажи, как документация готовится и вообще…

-- Никуда не денемся, будем помогать всем, кто обратится. Запомните: это рубикон. Надо собрать все силы и преодолеть его. А там будет легче. И, -- поднял указательный палец, -- сытнее.

В это время еще кто-то произнес:

-- Вас, Анатолий Павлович, надо депутатом избрать. Там Вашей прозорливости и понимания того, что происходит в стране и мире, как раз не хватает.

Это предложение подхватили все, кто находился в кабинете, но Анатолий Павлович превратил все в шутку, а потом буквально разогнал всех по кабинетам:

-- Быстро всем за работу. Никому не расхолаживаться. Все должно гореть в руках. Проконтролирую каждого.

И к секретарше:

-- Если что, я на объекте.

-- На каком? – едва успела переспросить Светлана Семеновна.

-- На всех! – донеслось уже из коридора.

-- Вот неугомонный, -- улыбнулась, покрутив головой, женщина и выдала очередь на старой пишущей машинке.

А Анатолий Павлович, между тем, уже мчал на новой “Волге”, ведомой верным другом и соратником, а вообще водителем Володей Никитиным, по проспекту. Сегодня наметил объехать кое-какие предприятия. А их довольно много. Одних лишь заводов – девять. На самом крупном полторы тысячи человек трудится.

-- Тормозок-то прихватил? Сегодня вряд ли пообедать успеем, -- повернул голову к Володе.

-- Не беспокойтесь, Палыч, с голоду не помру.

-- Конечно, не помрешь, потому что мы сейчас съедим по печенюшке.

И шеф вынул из кармана две ароматные припудренные пластинки. Одну протянул водителю, от другой откусил немного.

-- Где-нибудь перехватим вместе.

Когда вечером Владимир подвез шефа домой на Набережную, Анатолий Павлович, выходя из авто, как бы между прочим спросил:

-- В Брест-то когда поедем?

-- Когда скажете, папа.

-- Что? Что еще за папа?

-- Да вас уже два года как весь коллектив папой зовет. Вы что, не знали?

-- Первый раз слышу. Надо же. Вот так дела -- папа. Это что же: у меня почти четыре тысячи детей?

Владимир смеялся. Анатолий Павлович продолжил разговор о поездке.

-- Как думаешь, во сколько надо этой машиной выезжать, чтоб утром на месте быть?

-- По крайней мере, не вечером. Можно среди ночи. “Волга” -- это Вам все-таки не “Москвич”.

Из воспоминаний личного водителя Анатолия Павловича Климца Влaмира Никитина:

“Он любил повторять: “Мы – дети солнца, нужно друг друга согревать”. И согревал. От него исходили такая энергия, такое тепло, что с лихвой хватало на всех. Этого человека было много. Все, кто его знал, кто с ним работал в одной команде, говорят примерно одно и то же: “Как хорошо, какая удача, что такой человек был в моей судьбе”. Впрочем, слово “был” да и все остальные глаголы в прошедшем времени к нему не подходят.”

Двери в подъезд и квартиру Анатолий Павлович отворял автоматически. В мыслях он был еще на работе. Сейчас его больше

всего занимала перспектива развития торговли. Без нее ныне не выжить. И хорошо, что Сергей Федорович Гуцул начал с видеозала. К моменту. Бум аккурат начался. И вот еще – кабельное телевидение входит в моду. Надо бы обмозговать.

Дома никого. Павел, наверное, тоже на работе задерживается. У него свои заботы. Не без папиной помощи, конечно, взвалил их на себя, но молодчина, далеко пойдет. Хватка прямо-таки железная. Родителя в два счета заткнет за пояс, благо, толчок получил. Маринка, как обычно, на соревнованиях. Уже некуда кубки ставить. Супруга, видно, вышла куда-то. Надо бы перекусить и махнуть на дачу.

Подогрел в кастрюльке то ли суп, то ли бульон – что-то очень ароматное. С Володей, водителем, они неплохо пообедали. Но… когда это было.

Стелла Владимировна появилась на кухне, когда хозяин вливал в себя последнюю ложку. Влил и с аппетитом причмокнул.

Увидев такую картину, она в отчаянии всплеснула руками:

-- Что ты съел? О, Боже, какой гадости ты наелся? Вот же кастрюля с супом. А в этой, в этой… собачья еда.

-- Такая вкусная? Вот это да. Ты псу готовишь не хуже, чем нам.

-- Так ведь твой пес. Если бы не ты, сейчас побирался бы где-нибудь по помойкам. Пускай уж немного порадуется жизни. Ты же для этого привел его в квартиру.

Анатолий Павлович загадочно промолчал, а про себя подумал: “Мо-лод-чи-на”. И с какой-то особой теплотой взглянул на жену. Но тут же спохватился: “Пора ехать на дачу. Там кое-что нужно доделать.”

-- Отдохнул бы. Завалился бы после сытного ужина да выспался как следует.

Стелла Владимировна при упоминании о “сытном ужине” прыснула смехом и повела глазами на тарелку, которую споласкивал под краном муж. Но он уже принял решение.

Спать Анатолий Павлович укладывался далеко заполночь, перед этим еще успев решить шахматную задачку, а в шесть утра – уже на ногах. И все начинается сначала. И так изо дня в день. И время измеряется свершениями, а не стрелками на часах.

Впрочем, когда было иначе? Просто со временем свершения начинают обретать все более реальные очертания.

Сделал памятник отцу, а потом и матери, отвез на родину. Братья помогли установить… Оба памятника сделаны весьма оригинально. Особенно мамин. На одной стороне мраморного “паруса” она молодая, а на другом –в почтенном возрасте. Памятное на всю

жизнь дело. Создал настоящий стройтрест в фирме. Дом огромный начал строить в городе. Но самая солидная стройка – ресторан "Африка". Она сделала революцию в сознании. Прежде все больше о надежности пекся. Изо дня в день твердил строителям: "Не жалейте цемента, ни в коем случае не жалейте цемента." И вот к этой страсти добавилась еще одна – красота, эстетика. Он не только крепко-накрепко усвоил, что строить надо красиво, изящно, но и научился создавать эту красоту.

За "Африкой" последовала "Прага" -- гостиница. Ее тоже сдал, что называется, под ключ. А у входа поставил металлического бравого солдата Швейка.

Стиль, утонченность, размах... Это из экскурсий по "европам" взято. И не только.

...Жило, жило все это – и жажда красоты, и ее понимание -- внутри, ждало своего времени, чтобы однажды материализоваться. О, неслучайно в любой зарубежной командировке так было интересно узнавать о быте чужеземцев. У них все частное. И архитектура, получается, тоже частная. Вот и интересно, как люди строят, живут, что кушают, как детишек растят, откуда деньги берут и вообще... Украина, вот, тоже в рынок входит, а значит, и в частную собственность. И никуда от этого не деться. Надо учиться жить в новой среде и новых условиях. Желательно, конечно, на практике. Пообщался с теми, кто живет, к примеру, в Германии, Франции, разглядел жилища – и вот уже картина вырисовывается. Зря туристы-попутчики подтрунивали, дескать, чего это Вы, Анатолий Павлович, надоедаете людям расспросами, лучше бы достопримечательностями интересовались. А он и к достопримечательностям интерес имел, и тоже всего-всякого о них запоминал больше, чем кто-либо. Вернется из круиза, и рассказывает, рассказывает коллегам. Правда, обязательно и о частной жизни там, за бугром, вспомнит. То они отопление автономное в коттедже так хитро устанавливают, что ни копоти от него, ни расходов больших, то стройматериалы у них такие и такие. То у них методы воспитания совсем иные, нежели у нас. И всему этому надо учиться. Но и не следует забывать о том лучшем, что при Советском Союзе было. Надо его перетаскивать в новую жизнь.

Это были рассуждения не идеалиста и не мечтателя, как могло показаться на первый взгляд, а жесткого прагматика. Он напрягался и свой идеал воплощал в реальность. Для этого требовалось замкнуть на себе сотни, тысячи рядовых граждан и власть. Но сначала убедить их. А ему убеждать удавалось как бы мимоходом, почти без усилий. Искренность и уверенность делали своё дело. Оставалось лишь

координировать действия. Люди заговорили о том, что такого руководителя – в правительство бы, а еще лучше – в премьеры или даже выше. Поэтому и депутатом городского совета был избран без особых усилий со своей стороны. Остальные кандидаты оказались далеко сзади. А 0,2 процента голосов не хватило лишь потому, что в первом туре в голосовании участвовало мало избирателей. Причем не только по его тринадцатому округу, но и по всем другим округам.

На рекламной листовке еще того, советского, образца (угрюмый черный шрифт на желтой бумаге) оргкомитетом перечислены некоторые из множества заслуг Анатолия Павловича:

“активизирована работа в зонах неуверенного телевизионного приема по обеспечению качественного приема телевизионных сигналов. Большинство из Вас к 10 июля сможет смотреть качественные телепередачи;

завершается строительство крупной системы спутникового телевидения на 8 программ, в том числе зарубежных. Многие из Вас уже принимают эти программы. Зона действия этой системы постоянно расширяется;

с 1 июля вводятся льготные цены на абонементное обслуживание телевизоров и услуги проката, а также льготы инвалидам и участникам войны по абонплате за пользование коллективными антеннами;

организован собственный выпуск цветных кинескопов с ценами вдвое ниже заводских.”

Анатолий Павлович всегда выполнял то, что обещал. Причем вовсе не потому, что кандидат, а потом и депутат, а в силу своего воспитания и характера, переданного в наследство легендарным родителем.

Но самое главное: он четко осознавал, что делает и ради чего, и знал, как надо делать. Потому то и тянулись все к нему. Наверное, он чувствовал силу собственного притяжения. Иначе откуда вот эти фразы: “Мы – дети солнца, и должны согревать друг друга.” Или: “Доброта возвращается сторицей”.

Он относился к недругам так, как к своей землячке-белоруске, проживавшей рядом со строящейся гостиницей “Прага” и чинившей разные козни хозяину стройки.

-- Палыч, она ведь явно не права, -- говорили ему. – Надо в конце концов поставить крикунью на место. Сколько терпеть унижения. Вцепилась в этот забор. Мешает он ей и все тут.

-- Ребята, землячку нельзя обижать. Ее уже не переделать. Давайте лучше терпеть будем.

И Анатолий Павлович доставал из кармана небольшой сборничек стихов белорусского поэта на белорусском языке и начинал читать. На Украине он не забыл родной язык. И читал с упоением.

В какой-то момент он доставал из кармана яблоко, разламывал на кусочки, протягивал рабочим и со словами “Ну, вот и пообедали” мчался дальше. Никто даже и не подозревал, что для Анатолия Павловича этот кусочек яблока и в самом деле был обедом. “В детстве, помнится, так хотелось кушать, а вот теперь не хочется,” -- признался как-то женщинам из конторы. Даже на совместных вечеринках он высиживал полчаса, не более. Выпивал пятьдесят граммов, и после некоторого разговора либо нескольких песен убегал: за рулем, дела, дела... Но те, кто оставался, заряд бодрости уже получали. Даже спиртного не требовалось, которого он просил употреблять в меру. А подвести папу во всем огромном коллективе считалось святотатством.

Из воспоминаний начальника отдела капитального строительства “Бытрадиотехники” Изабеллы Павловны Русановой, проработавшей рядом с Анатолием Павловичем тридцать четыре года:

“Каждое утро из дому он выходил одетый с иголочки, подтянутый, свежий, отутюженный – все заботами Стеллы Владимировны, - а через два-три часа оказывался на стройке, и глядишь – карман оторван, пиджак выпачкан, брюки в пыли. Улыбался немножко виновато: “Что я Стелле скажу?”

У Климца был потрясающий нюх, деловое чутье. Он всегда чувствовал, где можно строить, а где нельзя. За какое дело нужно браться и бороться, а какое выеденного яйца не стоит. Своей проницательностью, даром предвидения, работоспособностью и хозяйственностью он поражал всех. Все вокруг него становилось красивым и благородным. Таким, как он сам.

В подчинении у Анатолия Павловича находились сотни людей. Он всегда старался сделать все, чтобы его коллектив был самым лучшим, самым светлым, самым родным. Это был не просто коллектив. Это была команда. Команда единомышленников, всегда готовых помочь друг другу, людям и, в первую очередь, своему директору. В этой большой толковой команде люди проработали вместе больше тридцати лет. Здесь никогда не было склок. Здесь все делили поровну – радости и горести, победы и трудности.

Любой праздник – день рождения ли, Новый Год ли – всегда вместе. Вечеринки были веселыми, с разговорами и песнями. Анатолий Павлович очень любил и умел петь. Причем петь он начал уже в солидном возрасте. Вот так – захотел и научился. Приходил на

праздники с песенниками. Для него еда на празднике – это не главное. Главное – общение с людьми. Всегда был внимательным. Первым вспоминал об ушедших – не “для галочки”, а искренне, с благодарностью – за науку, за школу, за то, что люди были настоящими тружениками, за то, что они вообще были. А еще за столом много говорили о детстве, корнях, о семьях. Впрочем, долго он никогда не засиживался. Скажет теплые слова, споет с коллегами несколько песен и дальше бежит. Ведь ему нужно было многое успеть.

А если случалось у кого-то горе, обязательно помогал – и деньгами, и транспортом. Человек никогда не оставался один в беде. Если кто-то заболевал, всегда находил время съездить в больницу, проведать и спросить: “Скажи мне, какую нужно купить таблетку, чтобы ты завтра пришел на работу?” Об этой таблетке, после которой больной завтра же выздоравливал, сейчас часто вспоминают…

Люди для Климца – не колесики и винтики в большой машине. Люди – это люди. Он часто говорил им: “Верьте мне”. И они ему верили. Прошел год, а эти люди по-прежнему не могут сдержать слез, рассказывая об Анатолии Павловиче. Его портрет с траурной лентой уже год стоит в холле здания “Бытрадиотехники”. Его фотографии – во всех кабинетах бывших коллег. Приходя на работу, с ним здороваются и спрашивают, как дела. А когда бывает трудно, с ним тихонечко советуются. И это не культ личности. Это вообще не культ. Это самые светлые чувства любви и уважения к Человеку.

Люди, видевшие, как он работает, настолько заражались его энтузиазмом и его энергией, что плохо делать свою работу никто себе уже не позволял.

Он был человеком двух эпох. Той, советской, социалистической, и сегодняшней, название которой когда-нибудь еще придумают для учебников истории. Когда пришла перестройка, Анатолий Павлович очень быстро понял, что и как нужно делать, чтобы уберечь большое предприятие и его коллектив. Как будто готовность ко всем свалившимся тогда на нас новшествам сидела у него внутри и ждала своего часа. В то же время часто говорил, что все самое лучшее он забрал бы оттуда, из социализма, и перенес в наше время. Вот тогда было бы хорошо. И не было бы детей нищих на улицах и стариков, копошащихся в мусорных баках.

Вообще, отношения со временем у Климца были свои. В его сутках было не 24 часа. Потому что умудрялся на час раньше вставать и на два позже ложиться. Умел работать с шести утра и до позднего вечера и при этом учиться чему-то новому. Успевал

уделять внимание детям, общаться с огромным количеством людей, строить дома, сажать деревья, растить сад, читать книги, просматривать газеты, слушать “Голос Америки” в советские времена и смотреть “Дискавери” в наши.

Он жил на одном дыхании. Так на одном дыхании и ушел. Утром третьего сентября 2001 г. после оперативки почувствовал сильное жжение в груди. На уговоры жены согласился съездить в больницу. Уходя назначил оперативку и тихо попросил закрыть кабинет. Куда едет – никому не сказал. А ночью его не стало. Инфаркт.

Этот сильный человек не обращал внимания на боль. И никогда никому о ней не говорил. Жил по принципу: лучше пусть завидуют, чем жалеют. Климца больного никто никогда не видел и не знал. От него всегда исходила такая мощь, что у окружающих не могло возникнуть и мысли о том, что с Анатолием Павловичем что-то может случиться. Подтянутым, сильным, динамичным, умным, интеллигентным остался он в памяти.

Его время измерялось не минутами и часами, а начатыми и завершенными делами. Он старался везде успеть, все понять, всем помочь, никого не обойти вниманием. В те пятьдесят восемь лет, что были отмерены ему судьбой, уместилось бы две жизни – столько было им сделано. Он часто задавался старым, как мир, вопросом: что будет после жизни, за той гранью, где встречаются жизнь и смерть?”

В один из таких наполненных строительными заботами и общественной деятельностью дней в дверь его квартиры на Набережной позвонили. На вопрос “Кто там?” донеслось приглушенное: “Это друг Анатолия Павловича. Из Чимкента.” Отворили. Вошел тщедушный мужичок с авоськой в руке. Узнав, что Анатолия Павловича нет и он не скоро появится, потому что отъехал в командировку, гость категорически заявил: “Не уеду, пока не увижу его. Мне очень нужно его увидеть.” И на несколько дней поселился в квартире. Правда, в семье никто так и не узнал, зачем нужен был ему Анатолий Павлович. Лишь впоследствии выяснилось, что работает он в том своем далеком Чимкенте сторожем на стройке, что с Анатолием Павловичем они как-то познакомились в поезде и подружились. И вот человеку так захотелось повидать друга, что не удержался и приехал. А когда увидел и поговорил – обрел душевное равновесие и спокойно уехал домой.

Нет, он не подбирал для утешения дежурные слова, не вербовал в свои ряды хвалебными песнопениями... Он разговаривал с людьми. Он интересовался жизнью ближних. Он знал, в каком классе учится

ребенок того или этого рабочего, куда поступила дочка такого-то специалиста, какие испытывают проблемы подчиненные, в т.ч. и проблемы со здоровьем... И ему открывали люди не только личную жизнь, но и душу. От этого была двойная польза. Люди знали: есть человек, которому небезразлична их судьба, и это добавляло уверенности. И реальную помощь они, конечно же, получали. Иной раз Анатолий Павлович просто вынимал из кармана денежную купюру и протягивал нуждающемуся. Чаще нуждающейся – старенькой бабушке. Это когда не находил, чем еще можно подсобить просительнице. И обязательно находил нужное приветливое слово.

В тот летний день внучка начальника отдела экономики и финансов Валентины Арзуманян сидела с бабушкой в кабинете и играла на компьютере. Анатолий Павлович заглянул на минутку и увидел ее. И тотчас расплылся в улыбке:

-- Анечка, ты ли это? Ух, какая красавица. Уже большая совсем. – И к Валентине Андреевне: -- Это же Ваша гордость, госпожа Гундарева. Сколько ей уже?

-- Восемь лет, Анатолий Павлович.

-- Наверное, Вы души в ней не чаете? – Он погладил малышку.

-- Ну конечно же, ради нее и живу.

-- Молодцы. – Он справился о каком то деле и ушел.

Сразу же после ухода Анечка спросила:

-- А кто это такой молодой и красивый?

-- Это же наш генеральный директор, -- засмеялась бабушка.

-- А разве директора молодыми бывают? – на лице малышки – неподдельное удивление.

У Валентины Андреевны едва не сорвалось с языка, что директор вовсе не молодой. Но вдруг ее словно осенило. Она загадочно улыбнулась и произнесла:

-- Бывают. Только для этого директор должен быть Анатолием Павловичем Климцом.

Бабушка могла рассказать девочке много о том, почему этот директор выглядит молодо. Хотя еще больше она не знала да и не могла знать. Ну, хотя бы этот недавний случай, произошедший на родине генерального, когда он проведал в больнице дядю – Ивана Александровича Борисевича. Наведываясь в Беларусь, он обязательно всю родню проведывал, а также преподавателей и друзей. Прямо в дверях начал петь ему серенады, как, бывало, раньше, когда домой в гости заезжал.

-- Анатолий, выгонят же к чертовой матери из больницы. Что ты распелся, -- встревожился тот.

Но никто никого не выгонял, зато после ухода племянника больной обнаружил в тумбочке целых два миллиона. Этих денег на то время хватило на все лекарства, и на кое-какие хозяйственные расходы осталось.

Светлая слеза благодарения скатилась по обветренному мужественному лицу Ивана. Он вспомнил того, маленького, Анатолия, прибегавшего к ним на выходные или в свободное время. Возраст не был помехой их дружбе. Нечто большее, чем кровное родство, объединяло высокого статного юношу и худенького ершистого мальчугана с искристыми умными глазами.

Такие же светлые чувства переполняли сердце Василия Рубля. Уж они то с Анатолием – как одно целое. Сызмалу вместе. Так вот обмолвился как-то Василий, что-де холодильник страсть как нужен, а попробуй достать. Дефицит. В следующий же приезд доставляет Анатолий другу хоть и не новый, но вполне приличный “Дон”. “Пользуйся, дорогой, на здоровье.” Ну, как тут не расчувствоваться.

Тем временем Анатолий Павлович уже расстилал под березкой, что через дорогу от родительской и Рублевой усадеб, белую скатерть и раскладывал закуски.

-- Заходите в дом. Что же вы прямо на улице. – удивляется жена Василия ... .

-- Душа просит, чтоб на приволье. Родным воздухом хочу надышаться. Да на родной земле “рукі ўшыркі раскінуць”, как поется в песне белорусской. Я словно силы набираюсь от этой легендарной пущанской земли. Так то. – И Анатолий приглашал всех присаживаться у скатерти.

-- Ого, на природе все такое вкусное. – Восклицает кто-то, откусывая от ломтя ароматной копчености.

-- Так ведь и еда какая. Деликатесы. – Добавляет другой участник экзотического застолья.

А Анатолий Павлович поворачивает разговор в свое русло: “Как считаете, есть Бог или нет? Есть после смерти еще какая-то жизнь для человека, или нет ее?” В последние приезды частенько он задает родне такие вопросы. Правда, ответить на них определенно никто не может. Да и непривычно простым людям на эту тему философствовать.

Собственно, это и не обязательно. Если не против, можно и спеть.

И снова в руках Анатолия Павловича появляется песенник. И летит над деревушкой:

...А песни довольно одной

Чтоб только о доме в ней пе-е-лось…

Проходит мимо сельчанин.

-- Эй, добрый человек, составь нам компанию, подними вместе с нами чарку, -- зовет Анатолий Павлович.

Человек подходит и говорит:

-- А я тебя хорошо помню. Вот такого еще постреленка. – И показывает рукой по пояс себе.

Все смеются, выпивают, закусывают и снова поют.

А когда трапеза заканчивается, Анатолий Павлович раскидывает руки и эту землю слушает. Вслушивается в нее. А взгляд глубоко в небеса, словно вопрос: “Что там? Там, выше, еще выше, еще, еще?..”

И вдруг вскидывается:

-- Знать бы, что там.

Ответа нет. А какой тут может быть ответ.

Сборы быстрые, как и приезд.

-- Анатолий, вот ты всем наливаешь, а сам то, сам, небось...-- Это Елена Марковна, жена брата Михаила, в стороночке шепчет. Она набожная, ей можно открыться.

-- Если бы я позволял себе пить столько, сколько все вокруг, меня бы уже давно на свете не было.

Прозвучало – огорошило. И забылось. Не иначе, пошутил человек. А он и вид еще сделал, что пошутил.

Такой вид у него – в гостях, на работе, дома... И такого в открытую не пожалеешь. Такой сам всех жалеет. Это потом, через года, признание полоснет по сердцу остро и жгуче: надо же, чувствовал все, и не берегся.

А он уже мирил молодежь. Пробежала черная кошка между племянницей и ее мужем – никак не помирятся. Живут отдельно. Может, и вовсе не сошлись бы, да Анатолий Павлович поставил их друг перед другом и сказал: “Вы же любите друг друга. И не спорьте, я это хорошо вижу. Так что не беситесь, а живите с миром.” Молодая пара будто ждала этих слов. Семья до сих пор живет в мире и согласии.

Встречи на родине искрометные. Кажется, вот только приехал, а уже уезжать. Что ж, до следующей встречи, родные, милый Ровбицк, дорогая Любовь Денисовна Шевчук и все преподаватели, друзья по детству и по учебе. Кажется, всех проведал, никого не забыл. До встречи, пуща. Энергии, что получил за эти несколько дней, надолго хватит. Вперед, верный друг и надежный водила Володя Никитин. Надо спешить передать эту добрую энергию всем работникам.

Быстро мчат колеса по ночной Украине. В дороге можно и отдохнуть. Завтра на работу. С утра – пятиминутка. Жена на заднем сиденье уже уснула. А тут не спится. Давай, Володя, поговорим…

Машины со временем менялись. Сначала был "Москвич-412", затем -- "Волга", затем -- "Лянча", "БМВ"… Приезжал, бывало, и своим "Жигуленком". Но сколько ни менялись авто, водитель был неизменный. Потому что с таким водителем – хоть на край света. И водитель о своем шефе то же самое думает. Такая же и с коллективом взаимность.

Наутро в 6.30 на работе. Как всегда, свежий (будто и не было дальней-предальней дороги, наполовину бессонной ночи), одежда с иголочки. Стелла Владимировна хозяйка отменная. Об этом как нельзя лучше свидетельствует экипировка мужа.

Дел, как всегда, невпроворот. А тут еще -- контрольно-ревизионное управление.

-- Изабелла Павловна, что там наши контролеры – курят, пьют?..

-- Ну да, как все нормальные люди.

-- Хорошо. Пусть только не мешают работать.

Такой короткий разговор с заведующей планово-экономическим отделом, и начинается распределение обязанностей. Быстрое, четкое. И сразу же команда:

-- Все. Теперь пулей за работу.

Взглянул на женщин, оторопевших в недоумении.

-- Что смотрите, я же сказал: пу-лей.

Его решительный вид ничего хорошего не предвещал. По крайней мере – зевакам.

После такого толчка никто не может остановиться до конца рабочего дня. Напряжение во всех отделах невероятное. Все стараются. И как же потом обидно получать разгон от любимого папы-генерального. К концу рабочего дня он появился в конторе с налипшей на туфли глиной, брюки – в светлых пятнах от цементной пыли, почему-то взъерошенный, возбужденный. И ему невмоготу видеть, как с утра до вечера сидит и сидит в кабинетах вся эта женская братия. Вот же бездельники. Ну, что, что они делают?! Тут мечешься, управляешь тысячами и каждым в отдельности, и при этом таскаешь, возишь собственным автомобилем набитые цементом мешки на стройку, потому что кто-то вовремя не подсуетился… И кроме половинки бутерброда, съеденного с рабочими под чарочку, ничего во рту не держал.

В общем, причин для того, чтобы взвинтить себя к концу дня, сколько угодно. А тут еще кругом в стране откровенный хаос и неразбериха, и проблемы на каждом шагу.

И вот срыв.

-- Вон отсюда, вон, все уволены. Убирайтесь, -- разносится по всему огромному зданию.

В этом случае самое разумное – побыстрее унести ноги. Обидно, конечно, ведь свое дело делали – не всем цемент таскать.

Особенно обидно Изабелле Павловне. Львиную долю работы она взвалила на себя. Именно ей доверил Анатолий Павлович вести строительство. И она много сделала, делает и... И могла бы сделать. Но терпеть оскорбления не намерена.

Так и заявила, не дожидаясь, когда шеф успокоится.

-- Я не собираюсь терпеть это Ваше самодурство. Взгляните на себя со стороны: Вы же деспот, диктатор, тиран...

Как говорится, дама тоже с характером.

Эх, погорячился. Что правда то правда.

Такая мысль пришла уже после полуночи. Не спалось. Переживал. Надо же, сорвался. Может, и в самом деле, как Стелла говорит, не стоит так перерабатываться? Но как же иначе?

Утром проснулся и понял, что не отдохнул. Но делать нечего. В машину и... Почему-то оказался не на работе, а под окном квартиры Изабеллы Павловны.

Вот и она выглянула в окно, поправляет гардины. Заметила. Улыбнулась. Ну, значит, все должно быть нормально.

-- Изабелла Павловна, я тут подумал: а не попить ли нам вместе кофе? В “Праге”. А? Ну, на прощанье, что ли. Вы же сказали, что уходите.

На лице Анатолия Павловича -- такое расположение, что отказать просто невозможно. Да и злость быстро прошла.

-- Поехали, Анатолий Павлович. Что тут будешь делать.

“Лянча” рванула с места.

-- Представляете, я на ней недавно двести с лишним километров в час выжал. Скорость -- это такое великолепие.

-- Тише едешь, дальше будешь, -- спокойно прокомментировала спутница. И вдруг спохватилась: -- мы, кажется, не в “Прагу” едем.

-- А, ну ее, “Прагу”. У нас работы невпроворот. Кофе попить мы всегда успеем. От него только сердце болит.

Машину встряхнуло.

-- Ну и дор-роги… Яма на яме, а не дороги. А Вы знаете, что на Западе дороги делают исключительно ночью? Не знаете? А как вы думаете, почему мы не можем делать дороги ночью?

-- Понятия не имею.

-- Вот те раз. У нас же дороги женщины делают. А женщины ночью дома должны быть. Ха-ха. Вот так трагедия.

-- У меня своих трагедий хватает. Между прочим, тоже женских. Никак с дочерью общий язык не найдем…

-- С дочерью? Ну, о детях не нам судить. У них своя жизнь. Им нужно давать максимум самостоятельности, даже если что-то в их поведении нам не нравится. Что бы мы ни говорили, они умнее нас. Ум-не-е. Зарубите это себе на носу.

Машина катит, виляя между ямками и подпрыгивая на ухабах. Незаметно разговор снова к семейному житью-бытью возвращается. Как говорится, кому что болит, тот о том и говорит.

-- А мне Павел начинает перечить. Ну, невозможно убедить его, упрямый…

-- О-о, Анатолий Павлович, а кто только что говорил, что дети умнее нас.

Авто клюет носом, Анатолий Павлович выскакивает из-за руля на улицу, обхватывает руками голову:

-- Господи, да я должен Бога день и ночь благодарить за то, что у меня такие чудесные дети. И умницы, и талантливы, и работы не боятся, и нас, стариков, понимают. Просто они молодые, другие. Пожалуй, они умнее.

Мимо пролетали машины, водители недоуменно оглядывались. Но Анатолий Павлович их не замечал. Стоял, обхватив голову руками, и все что-то говорил, говорил… Лишь успокоившись, снова сел за руль. И уже не заговаривал ни о детях, ни о семье, ни даже о работе. Просто молчал.

Наконец машина притормозила у громоздкого здания на проспекте Мира.

-- Изабелла Павловна, давайте не помнить плохое. По рукам?

-- По рукам.

-- Значит, будем строить?

-- Будем, Анатолий Павлович.

Начинался новый рабочий день.

Из воспоминаний исполнительного директора Донецкой “Бытрадиотехники” Николая Васильевича Опалака:

“Анатолий Павлович относился к породе тех людей, которых называют трудоголиками. Работа была главным стержнем его

жизни. Он считал, что работать нужно или очень хорошо, или вообще не работать. Часто повторял: “После нас останутся дела”.

Почти вся его трудовая жизнь была связана с “Бытрадиотехникой”. Это большое производственное объединение, которое существует с 1956 года. В свое время оно включало в себя десятки предприятий по всей Донецкой области. А количество работников объединения достигало четырех тысяч. Свою тридцатилетнюю деятельность в “Бытрадитехнике” Анатолий Павлович начинал с азов – ремонтировал телевизоры. Вскоре стал начальником производственного отдела, потом - главным инженером. А с 1988 г. был генеральным директором Донецкой производственно-коммерческой фирмы “Бытрадитехника”.

Директором он был уникальным. Зачастую его рабочий день начинался в половине седьмого утра, а заканчивался в девять-десять вечера. Впрочем, его подчиненные не знали, когда он уходил с работы, потому что продолжительность их рабочего дня строго соответствовала КЗОТу. Ничего чиновничьего в нем не было. Говорят, что вопросы на ходу решать нельзя. Можно. Так, как решал их Климец. В лифте, во дворе, где-то по пути, но никогда ни от кого не отмахивался. Успевал обойти цеха, объехать все объекты, пообщаться с сотнями людей. Вот только пообедать не успевал. Его чай частенько оставался нетронутым.

Любил работу, детей, хорошие песни, любил учиться, помогать людям. А еще любил, все что растет и тянется к солнцу. Люди, которые так любят жизнь, рождаются не часто.

Он отвечал за все – за людей, документацию, проверки. Очень много брал на себя, решал сам. Донецкая “Бытрадиотехника” разрабатывала новые методы работы, которые становились эталоном для всех подобных предприятий Украины. Когда в конце 80-х Анатолий Павлович определил новую стратегию – переход на коллективную форму собственности, в Киеве его поняли не сразу. Но он сделал это. И сохранил предприятие, рабочие места и главное – людей. Он сохранил и приумножил то, что в других регионах страны было безвозвратно потеряно.

В работе был человеком жестким. Страшно не любил вранья и халтуры. Бывало, взрывался. Ох как умел он ругать! Если плохо сделана работа, он мог так отчитать, что провинившемуся самому перед собой становилось стыдно. Но в то же время умел удивительно мягко извиняться, никогда не произнося самого слова “извините”. Подойдет, в глаза заглянет: “Знаешь, вчера погорячился… Ну такое

настроение было… Всю ночь переживал… Давай сегодня будем хорошо работать". Вот такие были извинения.

Сам о себе Анатолий Павлович говорил: "Я очень тяжелый человек, но очень надежный". Так оно и было. Коллеги в один голос называют его глыбой, гарантом. Глыбой, на которую можно было опереться. Гарантом, с которым не было страшно за завтрашний день. С ним было и тяжело и легко, и надежно, и уютно…

Двери его приемной всегда были нараспашку. Он страшно не любил, чтобы в приемной кто-то ждал его. Придут три или пять человек – каждого рассадит по разным кабинетам и со всеми успеет поговорить. Ни разу не сказал зашедшему в кабинет "Я занят". Всегда выслушает, подскажет, распорядится. Как к депутату горсовета к Анатолию Павловичу приходило множество людей. Пенсионеры, ветераны, представители школ, техникумов, общественных организаций со всей округи. Он умел слушать и слышать. Помогал всем, кто действительно нуждался в этом. Говорил, что лучше помочь на пять копеек, чем пообещать на десять.

Кстати, людей он видел насквозь и всегда понимал, кому действительно нужно помочь, а кто справится сам со своими проблемами. Если приходила с жалобой женщина (сын обижает, на еду денег не дает), обязательно выпишет материальную помощь, поддержит добрыми словами. А если приходил здоровый мужик, мог позвать секретаря: "Светлана, возьми в бухгалтерии пять рублей, купи удочку, пусть научится рыбу ловить". Давал человеку понять – пойди и заработай сам, ты ведь можешь.

В послеперестроечное время появилась возможность заняться новым интересным делом – строительством. Будучи технарем, он с удивительной быстротой и доскональностью освоил строительное искусство. Стал высококлассным специалистом – не каждый управляющий трестом так разбирается во всех тонкостях. Он любил это дело, вкладывал в него всю душу и все делал красиво. Ведь у него было железное правило – или делать хорошо, или вообще не делать. Когда приезжал на объект, то в каждую дырку сам лез, все смотрел, щупал, каждый шуруп проверял. Сейчас, когда строители фирмы начинают новый объект, от них часто можно услышать: "Жаль, нет Палыча…""

Через час они уже вели разговор с возможным подрядчиком очередного строительного проекта. Хитрый попался клиент. Говорил умно, да в итоге всё как-то получалось так, что его красноречие только ему и его фирме на руку.

Шеф, однако, вида не подает. Он лишь откидывается на спинку стула, подхватывает со стола договор и переворачивает его текстом вниз, затем накрывает пятерней. И продолжает мило беседовать. О семье, детях, родителях... Узнав, что родители гостя живут под Брестом, вообще в лучшего друга превращается. И они прощаются тепло и долго.

А Изабелла Павловна, с сожалением взглянув на неизвестного мужчину, папку под руку и... с глаз долой. Это к ней после разговора с генеральным придет он подписывать договор. Да что там, уже пришел.

Человек уверенным жестом выкладывает на стол перед хозяйкой кабинета бумаги.

-- Давайте быстренько составим договор и приступим к работе.

-- Какой договор?

-- Ну, тот самый, о котором мы обстоятельно побеседовали с Анатолием Павловичем.

-- А вы что же, не поняли, что Анатолий Павлович не собирается подписывать никакого договора?

-- Как не собирается? Он же так мило со мной беседовал, о родителях, жене, детях расспрашивал... Какие могут быть сомнения?..

-- Он просто очень внимательный, добрый человек. Но и палец ему в рот не клади. Вспомните, когда вы начали перегибать палку, он перевернул договор вниз текстом. У него это знак того, что на договоре можно ставить крест. Вот так. Вы захотели слишком многого, а не получите ничего. Это по-климцовски.

После этого разъяснения озадаченный несостоявшийся партнер удаляется ни с чем. В следующий раз надо быть осмотрительнее, а еще лучше – честнее. Честный человек не может не найти с Анатолием Павловичем общего языка. А если к этой добродетели добавить профессионализм – с Климцом можно решать любые вопросы.

Теперь Изабелла Павловна как раз занята поиском настоящих профессионалов-строителей для создающейся при "Бытрадиотехнике" строительной организации. Объемы работ немалые, поэтому свои специалисты лучше, нежели наемные. Благо, долго уговаривать людей не приходится. "Папу" в городе все знают и работать с ним почитают за честь. Одним из первых перешел из стройуправления Василий Иванович Черской, следом зам. директора по капитальному строительству Леонид Александрович Ченгал. Оба – люди авторитетные, знающие дело как свои пять пальцев. Один принял на себя обязанности мастера, второй – прораба. Много других замечательных людей добавилось к ним. Получился дружный, слаженный коллектив –

настоящий стройтрест. Со временем он обретет соответствующее его имиджу имя – “Доневрострой”. А пока что этот имидж надо зарабатывать.

У Климца заработать его и легко, и сложно. Легко потому, что подхваливать не устает, что заботится, а сложно – потому что требователен и у него даже в мелочи не “схимичишь”, во все вникает. И крут, крут бывает “папа”. Взбеленится, тогда держись. “Признайся, самому тебе нравится, как ты это сделал? Нравится или нет?” – спрашивает, и этот вопрос хуже любого выговора.

Настоящим испытанием стало строительство завода “ЛИК”. На этом месте уже стоял завод по выпуску безалкогольных напитков. В дождливую погоду его территория утопала в грязи. Здания и помещения напоминали катакомбы, по которым бегали огромные крысы. С чего тут было начинать? Глаза боялись буквально всего. Уж лучше на чистом месте строиться. В конце концов решились: здесь быть “ЛИКу”. Взялись рыть котлован. Анатолий Павлович предупреждает: “Ройте глубже. Нам нужна основательность. Предприятие на века возводится.” И вот докопались до стекла. “Ну, все, дальше копать опасно,” – заключил хозяин. Но решили еще стекло убрать. Оказалось, зря, вода хлынула. Когда котлован стал превращаться в бассейн, шеф, не раздумывая ни минуты, помчался за насосом. Где он его взял, не знал никто. Но привез своей легковушкой и воду тотчас откачали. Он работал со всеми. А потом вместе со всеми выпили по пятьдесят граммов и закусили салом.

-- Запомните, -- сказал тогда Анатолий Павлович, -- вы не просто предприятие строите. Здесь работать вашим детям.

Через время они вспомнят эти слова как пророческие.

И вообще многое вспомнят. И шашлыки на дни рождения. И песни Анатолия Павловича. И его крылатые выражения. Например, такое: “Непринятие решения – самая большая бюрократия”. Или такое: “Ищи причину в себе.” И ссоры, возможно, вспомнятся. Как же без них в отношениях между личностями. Тут контракт с Воронежем на поставку оборудования срывается, а они твердят: не успеем за два месяца здания завершить. Что значит не можем! Надо, и все тут! И пошло-поехало. В конце концов работы выполняются в рекордные сроки. И вот уже приятно вспоминать, как здорово все трудились. И так же здорово отдыхали.

Только “папа” для отдыха отводит считанные минуты. А в День бытовика вообще в аварию угодил. Угораздило столкнуться с КрАЗом по дороге к месту празднования. У Анатолия Павловича кольцо на пальце сплющилось, а палец ничего – поболел и перестал. А Изабелле

Павловне бутылка шампанского уперлась в живот. Благо, отделалась синяком.

Машину пришлось вызывать другую. А эту, чтобы не поднимать лишнего шума, Анатолий Павлович вызвался отремонтировать своими силами.

Кое-как добрались.

-- Где вы так долго прохлаждаетесь вдвоем? – съязвил кто-то из участников торжества.

-- Да, на совещании задержались, -- отмахнулся Анатолий Павлович и одарил всех широкой бодрящей улыбкой.

Будто и не было аварии, помятой машины, сильнейшего стресса, повода для оханий-аханий.

Через какое-то время Изабелла Павловна все-таки не удержалась, спросила:

-- Почему Вы тогда промолчали об аварии? Не потребовалось бы оправдываться. И легче стало бы, если бы обо все рассказали, выговорились.

-- Так жалеть сразу принялись бы. А для меня это невыносимо, хуже, чем если бы ругали. И потом, праздник. Зачем людям настроение портить.

И Анатолий Павлович перевел разговор на другую тему. А тем у него множество, и все -- о строительстве, развитии, о будущем. Иной раз он ударяется в философию. Дескать, жизнь человека короткая, а вот память о нем может быть долгой. Она – в сотворенном, в том, к чему человек стремился, в детях.

-- Я давно, как только общество к частной собственности повернулось, мечтаю о своем производстве. Это – настоящее, достойное дело. На Западе интересовался, как у них семейный бизнес влияет на состояние общества. Знаете, очень даже благотворно. И у нас будет то же самое. Мы создадим завод европейского уровня. Работать на нем будет удовольствием для сотен квалифицированных специалистов. Мы будем не просто жить и работать, мы будем развиваться. Вот в чем высший смысл моих устремлений и стараний. Но добрая память может быть не только рукотворной. Об этом тоже не следует забывать.

Не часто Анатолия Павловича прорывает на такие вот глобальные размышления вслух. Глубоко личное он привык держать при себе. Бывает, правда, во время застолья спросит у человека: знает ли он, для чего живет на свете? А когда завяжется беседа, то и пооткровенничает. И вся его откровенность обязательно сводится к одному: если мы будем согревать друг друга своим душевным теплом,

то на земле воцарится такой уют, из которого в рай не захочется, потому что он будет лучше рая.

Из воспоминаний главного технолога завода “ЛИК” Натальи Вячеславовны Ургановой:

“С чем бы я ни обращалась к Анатолию Павловичу, отказа никогда не было. Он выслушает очень внимательно, и сразу же принимает решение. И ни разу не было такого, чтобы не исполнил своего обещания. Хотя...

Я как-то пожаловалась ему, что пол у нас в лаборатории кафельный. А так как мы постоянно на ногах, на этом полу, то и до ревматизма недалеко. Он пообещал заменить кафель на что-нибудь более приемлемое. До этого он все наши просьбы выполнял. Стол так стол для рабочих. Поставил. Да мало ли... И тут сказал: будет вам пол, не только не вредный, но даже полезный. Он согревать вас будет. И не сделал. Не успел. Безвременно ушел из жизни. А если бы не ушел, обязательно сделал бы.”

Он и сам греет. Да как! Где появляется, там оживление и веселое настроение. Как только появлялся, будучи еще главным инженером, на первомайской демонстрации в те, доперестроечные, времена перед трибуной, оттуда, сверху, громыхало: “Да здравствуют бытовики!” Руководители области его прекрасно знали еще тогда и неподдельно уважали. Как и потом, в депутатские годы, на каждой сессии городского Совета его выступления ожидали с нетерпением. Уж кто-кто, а Климец слов на ветер не бросал. И хоть говорил всегда о проблемах, критики в его словах не было. Зато были конкретные, просчитанные и выверенные предложения, пути решения кажущихся неразрешимыми вопросов. И было искреннее и большое желание улучшить жизнь людей, общества. Бывало, вскакивал через каждые пять минут и предлагал, подсказывал, высказывался... Министрам бы такую масштабность мышления. Но он не метил ни в министры, ни даже депутатскую карьеру не захотел выстраивать-продолжать. Конкретное дело – вот что приносит ему настоящее удовлетворение. Да и что может быть достойнее?

Из воспоминаний директора “Доневростроя” Олега Станиславовича ... :

“С Анатолием Павловичем я впервые столкнулся в 1996 году. Развертывалось строительство гостиницы “Прага”. Он руководил всеми процессами. Когда сдали этот объект, я стал им руководить.

Хорошо помню крылатые фразы генерального. Их у него было множество. Ну, хотя бы такие:

“Непринятие решения – самая большая бюрократия.”

Или:

“Ищи причину в себе”.

А то, бывало, скажет:

-- Лучше вас никто не сделает эту работу.

После таких слов из кожи вон лезешь, только бы не подвести шефа. А он не устает подзадоривать:

-- Мы – динозавры, отмирающее племя, а вы молодые, вам жить, строиться, расти…

На стройке он не только делал конкретные распоряжения, но и напоминал строителям:

-- Здесь можно хоть из золота все сделать, но если нет души, тепла человеческого – сюда никто не пойдет, людям будет здесь холодно, неуютно.

Примечательно, что с ним было интересно всем возрастам. Молодежи особенно нравилась его любовь к движению. Ну, не мог он топтаться на месте. Ждать не умел и не хотел. Поэтому и занялся строительством. Ведь строить – значит, двигаться.

А какое самообладание имел!

Вспоминаю в связи с этим случай. Зима 1998 года. Гостиница “Прага”. Неполадки в системе отопления. Водой ее наполнили, а котельную еще не запустили. А тут морозище небывалый – минус тридцать.

Меня охватило отчаяние. Ведь на тот момент я за гостиницу отвечал. И еще, как будто специально, машина не заводится. С утра пораньше звоню в дверь квартиры Анатолия Павловича. Переживаю: как он воспримет мою плохую весть? Знал его еще слабо. А он, как только увидел меня, сразу приглашает чайку попить.

-- Сейчас Стелла приготовит, заходи, замерз, наверное.

Я ему о своей, т.е. нашей общей, беде.

-- Надо же, и моя машина тоже не заводится. Вот натворил мороз. – Но он безмятежен. – Сейчас Толику, зятю, позвоним.

Через несколько минут были уже на месте. Отогревали радиаторы калориферами.

Анатолий Павлович, помнится, ни на секунду не потерял самообладания. Был спокойным и уверенным. И не позволил себе не то чтобы оскорбительного выпада в мой адрес, но даже уничижительного взгляда или тона.

-- Это нас испытывает жизнь, -- по-отечески успокаивал он. – Вместе с этим нашим объектом, нашим детищем мы сами себя испытываем.

И мне в мороз стало от этих слов тепло. Мне хотелось работать в тысячу раз лучше.

Я могу вспомнить множество примеров, когда Анатолий Павлович предлагал мне свою помощь. Скажем, заболел кто-то из моих родственников – он сразу же:

-- Олег, говори, какие нужны лекарства.

Строительную организацию "Доневрострой", в которой теперь трудится более полусотни человек, он заменял сам. Как успевал? Да просто человек он был такой. Настоящий. К нему и сегодня, и всегда чувства будут самые лучшие, самые теплые."

-- Светлана! Чайку, пожалуйста! – кричит шеф в открытую дверь секретарь-машинистке.

-- Уже греется, -- звучит в ответ.

Светлана Семеновна появляется с дымящейся чашкой. Замечает на столе такую же чашку. Полную.

-- Анатолий Павлович, Вы же свой утренний чай не выпили. И на обед, по-моему, не ходили. Ох, не бережете себя. Я хоть печеньюшек принесу.

-- А я и забыл, что у меня чай налит. Ай-ай. Надо же, больше не буду забывать. Ну, давайте свои печеньюшки.

В это время заходил кто-либо, и хозяин кабинета начинал делиться печеньем. Потом вдруг вскакивал и мчался на объект. Там какая-то неувязочка или просто его присутствие требуется. Привезли, понимаете, дверей невесть сколько на строящийся завод. А куда их, зачем они? Сначала в кабинете один другому доказывали: "Двери не убирать с объекта!"; "На кой они там нужны!". Затем переехали на стройку. А чай снова остался стыть. Спор, в конце концов, достигает апогея, и начальник участка Леонид Чингал со словами "Сам строй!" швыряет блокнот и уходит. И слышит вдогонку: "А в самом деле, зачем они тут, эти двери". Эх, Анатолий Павлович, от Вас уйти невозможно. Это же Вы недавно (да, это же было совсем-совсем недавно), узнав, что я не имею мобильного телефона, тотчас распорядились:

-- Чтобы завтра же у Чингала был мобильный телефон.

И вот он, мобильный телефон. Но главное даже не в том, что подарили его, а в том, как подарили. Так, что приятно было не столько от подарка, сколько от отношения. Да что там, им просто теперь удобнее будет связываться. А связь надо держать постоянно.

Ну, как без Вас, Палыч?

Вспоминает родственник Анатолия Павловича Александр Савчук (г. Брест):

“Как-то иду по Бресту. Лето. Жара. Решил кваску попить. Рядом какой-то человек – тоже квас пьет. Разговорились. Замечаю, акцент у него донецкий. Я ведь был в Донецке. Оказалось, он и впрямь из этого города. Спрашиваю, знает ли такого человека – Климца Анатолия Павловича, генерального директора “Бытрадиотехники”.

-- Так это же “Папа”! – воскликнул тот. – У нас его все знают. Вот это человек!

Так я узнал второе имя Анатолия Павловича.

Он ведь и для меня был как папа. И для моей жены Светланы. Когда мы поссорились, именно он помирил. Приехал и помирил.”

От таких людей, как Анатолий Климец, уйти и в самом деле трудно. Даже тогда, когда ушел он сам. И без “мобильника” он всегда рядом.

***

В этот день на стыке лета и осени генеральный вел себя несколько необычно. Он только что вернулся из своего родного Беловежья, со своей Брестчины, со своей Беларуси. Туда он ездил каждый год, и всегда возвращался окрыленным. И вдруг перемена. Нет, он так же неистово заглядывал в каждый угол стройки, так же мило беседовал с рабочими, так же живо интересовался проблемами, подгонял снабженцев, старался охватить все и вся, но... Проницательный человек замечал: что-то изменилось.

Вчера как никогда долго сидел с рабочими, брал с ними по чарке, разговаривали. Обычно он выпивал одну чарку, прикусывал, отпускал шутку, спрашивал, у кого какие есть проблемы, потирал руки и со словами “Ну, вы уж тут без меня, только аккуратно. Дела, понимаете” удалялся. Когда рабочие чувствовали, что сделанное ими “папе” по душе, кто-нибудь из них закидывал просьбу, дескать, по червонцу бы еще для полного счастья. Он тогда лез в карман и давал по “двадцатнику”. Мужики за это назавтра в два раза лучше старались. И вот уже стемнело, а Палыч все не уходит. Уже каждый успел рассказать о своей жизни. А шеф успел у каждого расспросить еще и о загробной – верят они в нее или не верят. Но философствовать трудяги даже в подпитии не желали. Лучше уж говорить о чем-нибудь более конкретном, осязаемом, так сказать. Например, о продукте, который будет производиться на возводимом их руками предприятии. А продукт этот – водка. Травится народ ею. Но можно же выпускать и высококачественный алкогольный напиток.

-- Вот мы такой и будем выпускать, -- прочерчивает пальцем воздух слева направо шеф. – А иначе я и не брался бы за это дело. И

сын мой не брался бы. Он у меня ух какой хваткий, цепкий. В пустячное дело ввязываться не станет. Посмотрите, нашу водку и немцы, и англичане, и американцы пить будут.

Ушел Анатолий Павлович от ребят около полуночи. А утром снова тут как тут.

Ребята подмечают -- взгляд у генерального не тот. И не только взгляд. Анатолий Павлович, уходя, прощается долго. Он то и дело оборачивается, и все кивает головой, и повторяет: “До свидания, хлопцы. До свидания. До свидания.” Кто бы мог подумать, что это слова прощания навсегда. Господи, какое уж тут навсегда. Наш Палыч – крепыш, он всех переживет. А он прощался. Пройдет несколько шагов – обернется, еще шаг-другой – снова оборачивается... Что это с ним? Никто понять не может. Строители даже работу побросали. Стали и смотрят вслед. Переглядываются:

-- Что-то “папа” наш неважно выглядит.

-- Растерянный какой-то, а?

-- Да просто уставший.

-- Гм, должен бы быть отдохнувшим – на Родине только что побывал, буквально на днях вернулся.

-- А помните, когда он в Крым отдыхать ездил... Тоже уставший вернулся.

-- Да, отдых не для нашего “папы” -- хуже каторги. Но то Крым, а то Родина. Из Беларуси он ух каким молодцем возвращался.

А Анатолий Павлович уже мчался в свой офис проводить оперативку. Был уже понедельник. А трудился и в субботу, и в воскресенье.

Он еще на родной земле почувствовал себя неважно. Думал, это временное недомогание. Но тяжесть в груди не проходила. Сейчас он уже не на шутку тревожился за свое состояние. Хватит ли сил хотя бы поговорить со всеми и уладить все вопросы, которых накопилось за время трехдневного отсутствия немало.

В кабинете уже все были в сборе. Приступили к обсуждению текущих проблем. Анатолий Павлович подгонял, дескать, времени в обрез. Он и раньше не любил длинных пространных рассуждений и повторений, а тут и вовсе по всем вопросам прошелся галопом. Взгляд его стал рассеянным. Но все-таки довел оперативное совещание до конца. И лишь после этого сказал, что чувствует себя не очень и что съездит в больницу -- обследуется.

-- Думаю, ничего серьезного у меня не обнаружат, и уже завтра выйду на работу в полном здравии.

Правда, сказано это было не очень убедительно. Во всяком случае, так показалось присутствующим, которых Анатолий Павлович, прежде чем уйти, обвел долгим пристальным взглядом. Таким же взглядом обвел он кабинет – столы, стены, шкафы со стеклянными дверцами, за которыми стояло множество фотографий. Большинство из них сделаны им же. Он словно прощался и с людьми, и с кабинетом. И будто бы извинялся. Такой это был многоговорящий взгляд. Уже в двери он еще несколько раз молча обернулся и ушел.

Весь этот день участников “оперативки” не оставляло чувство тревоги. Обычно они находили время для шуток и смеха, а тут словно по мановению волшебной палочки примолкли. На контору будто бы опустилась вселенская грусть.

Анатолий Павлович, тем временем, уже проходил обследование. Лица врачей были серьезными, если не сказать, суровыми. Но они подбадривали, дескать, ничего, все будет хорошо.

Вечером он вошел в палату реанимационного отделения.

-- А, скажите пожалуйста, живыми отсюда выходят? – обернулся к сопровождавшему его врачу после того, как окинул взглядом чистое и опрятное, но почему-то холодное – душа оцепенела -- помещение.

-- Выходят, Анатолий Павлович, -- грустно улыбнулся врач, и от этой улыбки душа оцепенела еще больше.

Как только новый пациент разместился на кровати, ему поставили капельницу.

В полудреме он снова перенесся в родные детские места. Нестерпимо захотелось взглянуть на фотографию, сделанную несколько дней назад в Шерешево на том самом месте, где, будучи мальчишкой, тонул в проруби. Теперь оно рассечено канавой. А канаву эту перекрывает шлюз. Там, на его Беловежье, теперь сплошь канавы и сплошь шлюзы. Многие затянуты лозняком и деревьями. А эта лишь ряской. Зато густо. Вдали пасутся, как и в пору его детства, коровы. Идиллия. Зеленое море в голубых прожилинках с черно-белыми крапинками животных. А над всем этим подвижный от множества облаков купол неба. Он привез эти фотографии (их две: с видами по ту и по эту сторону шлюза) с собой в Донецк и теперь, именно в этот момент, их ему так не хватает. Как и не хватает фотографий родни, друзей, коллег... Сколько он их раздал – не счесть. Вдруг показалось, что никогда больше их не увидит.

Ближе к полуночи силы начали оставлять. Врачи забеспокоились. Они испробовали все возможные способы спасения, но...

В полночь легенда Донецка Анатолий Климец отплыл туда, откуда не единожды в своей такой короткой и такой необъятно-огромной жизни чудом выбирался, чтобы согревать и светить.

Кто бы мог подумать. Всего 58 лет. Цветущий мужчина.

Жена с детьми не верили в случившееся до того момента, пока не увидели его. И даже когда увидели, не хотели верить. Он лежал как живой. Вот сейчас встанет и скажет: “Ну, что носы повесили. Давайте, за работу. У нас столько работы.”

Но он не вставал и ничего не говорил.

Вспомнились его же слова: “Человек не вечен. От этого никуда не денешься. Страшно то, что он не вечен внезапно.”

Кажется, он произнес эти слова на похоронах своего заместителя несколько лет назад. И тогда же спросил у всех и у никого: “Интересно, кто будет следующий?”

Предполагал ли, что говорил о себе?

От неожиданного удара Стелла Владимировна долго не могла оправиться. То укоряла его, почему не слушался, отмахивался от ее просьб не гробить себя, больше отдыхать, пойти в больницу и подлечиться, укрепить здоровье, то начинала жалеть и его, и себя. Вспомнила, как нежно он относился к ее отцу, особенно на склоне лет, какие проникновенные слова нашел, когда прощался с ним на кладбище. Ну почему, почему он такой неуправляемый, непослушный, упрямый!? Если бы слушался, наверняка жил бы еще да жил.

Нет, он весь не ушел. Свидетельства того, что он рядом, во всем. В фотографиях (он так любил фотографировать), в друзьях и коллегах, которые сохраняют в себе его частичку, в том, что успел за свою жизнь построить, в детях, которые продолжают начатое им дело…

Он был прав, когда говорил, что человек живет ровно столько, сколько живет память о нем. Да. Иной и при жизни будто бы мертв, а он, вот, и после ухода в мир иной -- жив.

Из воспоминаний начальника отдела экономики и финансов ООО “Донецкбытрадиотехника” Валентины Андреевны Арзуманян: “В ту ночь, когда Анатолия Павловича не стало, мне приснилось, что машину у него прошу. Вижу, он очень занят. Набирает кого-то по телефону и кричит в трубку: я занят, помогите ей, обязательно помогите… Думаю, к чему такой сон? Как раз была в отпуске, сидела у себя на даче и ничего не знала о случившемся. Позвонили мне лишь через день, 5 сентября. Надо же! Я ведь и в отпуск то никогда не ходила, а тут как раз пошла и не успела попрощаться с дорогим мне человеком. Помню, какая досада тогда взяла. Казалось, жизнь

остановилась. Я долго не могла придти в себя, все вокруг вдруг окрасилось в темные тона.”

Такие чувства в те дни испытывали тысячи людей. Только потеряв замечательного друга, коллегу, родственника, руководителя, они со всей остротой почувствовали, как он был близок и как необходим. И не стеснялись об этом высказываться.

Глава седьмая

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

(год 2001, сентябрь)

Провожать генерального директора Донецкой “Бытрадиотехники”, депутата городского Совета в еще совсем недалеком прошлом, просто “папу” Анатолия Павловича Климца вышел весь город. Пожалуй, такого большого скопления народа Донецк не видел даже во время самых массовых мероприятий. Люди съезжались со всех уголков области, Украины и даже зарубежья. Из Беларуси прибыли родственники.

Прощание было долгим и пламенным. Добрые слова в адрес усопшего произносили руководители области и района, отраслевого министерства, коллеги, друзья, родные…

Над могилой склоняются в скорби два мраморных ангела. В их руках – крест, который можно только видеть, а вот потрогать либо взять в руки невозможно. Ниже – Он. Воплощенный в белом мраморе.

Еще долго после церемонии погребения светлое имя на устах тысяч людей, которые его знали. Его и сегодня все вспоминают добрым словом. И будут долго, очень долго вспоминать.

Из высказывания главного бухгалтера “Бытрадиотехники” Надежды Алексеевны ИВАНОВОЙ:

“Мне казалось, это не он умер, а мы все умерли, наше предприятие, коллектив. Я не представляла, как мы будем жить без Него. Но живем. Памятью об этом светлом человеке.”

Из статьи Елены Стяжкиной “БОЛЬ МОЖЕТ УТИХНУТЬ, НО НЕ МОЖЕТ ПРОЙТИ. ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ПАВЛОВИЧА КЛИМЦА”:

Уходит год… Перелистываются страницы календаря. Новое тысячелетие набирает ход. И ничего нельзя изменить. Ничего. Этот год был хорошим. Этот год был плохим. Для кого-то он останется в памяти одним из многих, таких же, похожих, обычных.. Для кого-то

<u>он запомнится как год самой большой потери. И с этим ничего сделать нельзя.</u>

Люди уходят так же неумолимо, как годы… Анатолий Павлович Климец – Генеральноый директор "Бытрадиотехники", многие годы – бессменный лидер этого предприятия, стратег и строитель, отец, муж и дед. И главное – Человек. Его больше нет. Здесь, с нами – нет.

Я хочу рассказать о нем. Я хочу о нем написать. Это трудно, особенно трудно, потому что я не знала его лично. Но, может быть, и легко, потому что мне не так больно, как всем тем, кто знал его близко, кто любил, понимал, уважал. Я разговариваю с близкими и коллегами и понимаю, что своими вопросами усиливаю, приумножаю их страдания. Еще очень и очень рано… И больно. И невозможно. И в горле стоит комок: "Мы осиротели", -- говорят его коллеги. "Главное, что он был", -- говорит сын. "Это глыба, настоящая глыба", -- твердо произносит жена. У нас не принято плакать на людях. У нас вообще не принято плакать. Поэтому слезы – в сердце, душе. Когда-нибудь они станут кристаллами… Близкие скорбят. Но совершенно чужие люди, раз или два встретившиеся по работе с Анатолием Павловичем, дрогнувшим, чуть подсевшим, охрипшим от неожиданного осознания этой потери голосом произносят: "Это был такой порядочный человек". "С ним не только работать, разговаривать – одно удовольствие". "Пересекался однажды по делу. Золотой человек". С чужими разговаривать легче. "А знаешь, -- сказал мой друг-художник, -- у нас ведь богатых в народе не любят. А Климца любили. Все любили… Вот ведь как. Потому что – Человек."

Анатолий Павлович родился 10 января 1943 года. В 1953 его отец, боровшийся за Советскую власть в Западной Беларуси, трагически погиб. Можно было бы об этом не вспоминать… Советская власть – это ведь ныне не модно. Но люди, верившие и сражавшиеся за свои идеалы, не виноваты, что эти идеалы оказались никому не нужными… Заболевшая от горя мать, неграмотная крестьянка, осталась с тремя сыновьями – семнадцати, десяти и четырех лет. Двух младших пришлось отдать в детский дом. Анатолию Павловичу было десять лет, когда его жизнь изменилась и стала, быть может, суровой и одинокой. Детский дом, училище, армия… Но маленькая землянка в белорусском селе была его Родиной, а мама… Этот вопрос не обсуждался никогда. Потому что мама – это мама. А значит, -- только любовь и только благодарность. И все.

А дети этой семьи, все дети, оказались уникальными и талантливыми людьми. Старший – замечательный историк,

младший – технарь, философ, написавший дополнения к теории относительности Эйнштейна. И Анатолий Павлович, который, как казалось окружающим, умел все. Стратегическое мышление позволило ему спасти предприятие "Бытрадиотехника" от разорения, фактически – от уничтожения в нестабильные, непонятные перестроечные годы. "Золотые головы были у всех трех братьев. Но золотые руки – только у Анатолия", -- вспоминает жена, Стелла Владимировна.

Анатолий Павлович и Стелла Владимировна познакомились в военном городке, в Нежине. Анатолий служил, Стелла приехала к отцу-военному на каникулы. Любовь? Да. Это была любовь, хотя о ней не было сказано много слов. Тридцать пять лет они прожили вместе. Зачем слова? Свадьба – сразу после демобилизации. Стелла уехала в Киев доучиваться в университете, а Анатолий поступил в Конотопский филиал Харьковского политеха и остался жить с родителями жены. Они стали его семьей. Легко ли это было для него? Для них? Ведь настоящие чувства никогда не определяются словами. Мама Стеллы, теща, предложила назвать первенца Павлом. В честь отца. А дочь назвал Мариной сам Павел. Дети. Их мнение было для Анатолия Павловича важным. Он был, возможно, авторитарным отцом, но уважал мнение младших. "Я ни в коем случае не хочу отравить детям жизнь", -- говорил Анатолий Павлович. Он всегда уважал их решения. И их выбор. Дети-личности – это главное.

В 70-х семья переехала в Донецк. Анатолий Павлович пришел в "Бытрадиотехнику" простым радиомехаником, учился в вечернем отделении Донецкого политехнического. Золотые руки, золотая голова и золотое сердце. Вскоре он стал начальником производственного отдела, потом – временно исполняющим обязанности главного инженера, главным инженером, а после смерти Генерального директора В. Реутова в 1988 году возглавил предприятие.

Что было стержнем его жизни? Ответ один - работа. Часто его рабочий день начинался в половине седьмого, задолго до того, как коридоры наполнялись людьми. И заканчивался намного позже времени, положенного по КЗОТу. Он брал все на себя. Он отвечал за все - за людей, документацию, проверки, жалобы (правда, их было мало). Почетные грамоты и переходящие знамена, уважение и благодарности городского, областного и Киевского начальства. Донецкая "Бытрадиотехника" разрабатывала новые методы работы, которые становились эталоном для всех других подобных предприятий Украины. Когда в конце 80-х Анатолий Павлович определил новую стратегию - переход на коллективные формы

собственности, - в Киеве его поняли не сразу. Но он сделал это. И сохранил предприятие, рабочие места, и, главное, людей. Он сохранил и приумножил то, что в других областях и регионах Украины оказалось безвозвратно потерянным.

Он очень многое брал на себя, замыкал на себе, решал сам... Возможно, это неверно в свете стратегии ведения бизнеса. Возможно, это не современно и не по правилам. Но он был таким. И он сам устанавливал правила своей жизни и своей работы. В подчинении у него находились сотни людей. И, в принципе, он мог себе позволить не знать их. И не слышать об их проблемах. Но каждый, пришедший на работу в "Бытрадиотехнику", разговаривал с Анатолием Павловичем лично, подолгу, почти всегда - вне протокольных тем. Он мог спросить: "Кем работает ваша мама?", "Как давно вы женаты?"... Это было важно для него. Люди - не винтики и колесики большой машины. Люди - это люди. Сегодня эти люди не могут сдержать слез. Короткое "он был" словно застревает, потому что все еще невозможно поверить.

Анатолий Павлович старался сделать все, чтобы его коллектив был самым лучшим, самым светлым, самым родным. Жесткий и ответственный, он требовал от других строгой дисциплины. Но всегда прислушивался к чужому мнению. Он умел слышать и слушать. И помнить. Помнить только о хорошем. Простые, светлые праздники в коллективе были его праздниками. А чужие проблемы - его проблемами. Наверное, проблем было слишком много. Он не берег себя. Растрачивался. Возможно, по пустякам. Но для него это не было пустяком. "На вечеринках в коллективе он обязательно подходил к каждому, находил нужные слова, спрашивал о тревогах, планах на будущее, о том, как кто видит развитие предприятия", - вспоминают его коллеги. Он был очень внимательным. И очень настоящим. Всегда на праздниках он первым вспоминал об ушедших. Не просто так, "для галочки", а искренне, с благодарностью - за науку, школу, за то, что люди были настоящими тружениками, за то, что они вообще были.

Старики, пенсионеры, ветераны предприятия всегда были его личной заботой. "Мы должны помочь, мы не можем не помочь. Не вправе", - говорил он и помогал: с устройством в больницу, деньгами, просто поддержкой. Этого можно было не делать. Но только не ему. Кому-то другому.

Считал ли Анатолий Павлович такие поступки особенной, великой доблестью? Нет. Душевная щедрость не приемлет расчета. Но если она есть, то ей нет предела. Только иногда сердце не

выдерживает и надрывается. Для Анатолия Павловича не было понятия чужой боли. Он очень много брал на себя. Возможно, стратегически это неверно...

В последние годы отец и сын много работали вместе. Анатолий Павлович поднимал и строил большие и серьезные объекты. Он умел строить. Золотые руки и золотая голова. Здание "Бытрадитехники", что на проспекте Мира, было создано Анатолием Павловичем; уже в 90-е состоялось строительство ресторана "Африка", отеля "Прага"... Это были его "объекты".

Сегодня Анатолия Павловича уже нет. Но строительство продолжается. Только оказалось, что один человек не сможет выполнить весь тот объем работы, который выполнял он. "Нужно брать людей, - говорит Стелла Владимировна. - Возможно, двух, но, скорее всего, трех..."

А за пределами городской черты есть маленький домик, дача - двенадцать соток на склоне. Анатолий Павлович разбил там сад и сам укреплял ниши, чтобы росли его деревья. Их было около сотни. Черешни, вишни, груши... И яблони, больше всего - яблонь...В этом году его любимые яблони плодоносили плохо. Это просто деревья, которым, по всем нашим понятиям, не может быть больно... Но яблони плодоносили плохо.

А еще он умел и любил петь. "Гори-гори, моя звезда..." Он любил романсы, но внуку часто напевал смешную песню из пионерского детства: "Плывут-плывут-плывут по небу облака..." А еще он рассказывал внуку сказки, которые придумывал сам...Сказки о маленьком мальчике, который преодолевал все трудности и попадал в волшебный мир... Волшебный мир соединял деда и внука, и им обоим там, наверное, было хорошо.

До последних дней он жил в небольшой квартире, где многое сделано его руками, на его вкус, под заказ. И не сегодня. А давным-давно. И югославская стенка "Рустик" стоит в этой квартире давным-давно. Он мог себе позволить жить лучше, но руки все не доходили. Было очень много работы. Работа - главный стержень его жизни. Работа, работа. Работа.

И все же, последние десять лет Анатолий Павлович и Стелла Владимировна жили лучше. В материальном смысле - лучше. И первая заграничная путевка в Таиланд, подаренная сыном. И отдых на Кипре, в Чехии, Турции. Одна или две короткие недели в году. Потому что все остальное - работа. В эти последние десять лет появились цветы, подаренные жене. "Раньше просто не было денег... Не было возможностей, а в последние десять лет он меня баловал",

вспоминает Стелла Владимировна. Он баловал жену и безумно любил своих четверых внуков. Больше, чем детей? Нет…Просто на детей тогда, в молодости, совсем не хватало времени. Дети и внуки были его радостью, гордостью, они были его любовью. Но стержнем всей жизни оставалась работа. Динамичный, ответственный, жесткий и честный по отношению к коллегам, он стоял у истоков того бизнеса, который уже сегодня определяет лицо Украины.

Он был красивым, подтянутым, элегантным седым мужчиной. Он закалялся, обливаясь холодной водой по утрам. Он не ел мяса. Он вообще был неприхотлив во многом. Разве что любил хорошую обувь.

И он не болел. В этой семье вообще не принято было болеть. И жалеть себя, сетовать на жизнь - тоже было не принято.

В воскресенье он почувствовал себя неважно. Боль за грудиной… И в понедельник, на всякий случай, согласился поехать в больницу. Все было очень и очень хорошо. Все было как обычно. Он вызвал к себе своего зама и наметил план работы на вторник.

А ночью его не стало

Из любого положения есть выход. Но иногда входа нет. Ушедшим не пишут письма. И только невысказанное "прости" камнем повисает на душе. И с этим невозможно смириться. И сделать с этим ничего нельзя. Девять дней. Сорок дней, год, - боль может утихнуть, но не может пройти. И это невысказанное "прости" все же вырвется из души. "Вот это построил твой дед! Он был, знаешь, каким, твой дед! Он…", - так скажет сын, так скажет дочь. Это будут слезы и невозможное "прости", облеченное в те самые нужные слова, которые продолжают жизнь, продолжают память. И яблони обязательно будут плодоносить.

Я хотела написать, я хотела рассказать о человеке, которого совсем не знала… Но почему-то мне так больно? И почему я понимаю, что мы все действительно осиротели? Осиротела семья, осиротели коллеги, осиротел город.

"Я все-таки думаю, что ТАМ что-то есть. И мы все узнаем об этом, переступив черту…", - говорил Анатолий Павлович. А он очень редко ошибался.

журнал "АЭРОNET", VII, 2002 г.
г. Донецк, Украина."

Из статьи Ольги Машталлер "МЫ – ДЕТИ СОЛНЦА…", опубликованной в газете "Салон Дона и Басса" за 5 сентября 2003 года:

“4 сентября - памятная дата для всех, кто знал Анатолия Павловича Климца. Два года с нами нет этого удивительного человека, но говорить о нем в прошедшем времени просто невозможно. Его присутствие ощущается постоянно во всем. Родные и друзья, сослуживцы и сотрудники помнят, как он говаривал: "Мы дети солнца и должны друг друга согревать". В нем самом солнечного и теплого хватало, чтобы согревать всех, кто находился рядом. И сегодня, когда Анатолия Павловича нет уже два года, он все равно согревает. Своими начинаниями, которые продолжают сослуживцы. Своими замыслами, которые воплощают в жизнь преемники. Щедростью своей души, которая навсегда останется в сердцах людей, его знавших.

Более тридцати лет трудовой жизни Анатолия Павловича Климца были связаны с "Бытрадиотехникой" - большим производственным объединением, которое существует с 1956 года. В свое время оно включало десятки предприятий по всей Донецкой области, а количество работников достигало четырех тысяч.

О работе в "Бытрадиотехнике" Анатолий Павлович знал все. Ведь свою трудовую деятельность в середине 60-х начинал именно в этом объединении. Первое время, еще будучи студентом вечернего отделения Донецкого политехнического института, работал радиомехаником. Вскоре стал начальником производственного отдела, потом главным инженером. А с 1988 года - генеральным директором Донецкой производственно-коммерческой фирмы "Бытрадиотехника". Его ум, проницательность и профессионализм позволили огромному предприятию удержаться на плаву даже в сложные времена развала Союза. А стратегическое мышление и умение брать ответственность на себя - сделать предприятие процветающим. В конце 80-х, в сложные годы перестройки Анатолий Павлович нашел выход, чтобы сохранить предприятие. Тогда переход на коллективную форму собственности был новшеством и в Киеве руководителя "Бытрадиотехники" поддержали не сразу. Но решение было принято. И оно было правильным. Доказательством тому - успешно работающее предприятие и сохранение рабочих мест. И, конечно же, люди, которые в очередной раз убедились: с таким руководителем не пропадешь. Он надежен и непоколебим. А.П. Климец умудрился сохранить и приумножить то, что многими предприятиями было утеряно. Кроме того, Донецкая "Бытрадиотехника" использовала такие методы работы, которые становились образцом для подобных предприятий Украины.

Анатолий Павлович, зная работу изнутри, во все вникал, все понимал, всегда находил решение и выход. В его подчинении были сотни людей. И он как мудрый руководитель понимал: многое в успешной работе зависит от коллектива. Всегда старался сделать все, чтобы коллектив был прочным, чтобы радости и горести здесь делили поровну. Так оно и было. Рядом с Анатолием Павловичем сформировалась команда единомышленников. Эти люди проработали вместе более тридцати лет, не уставая удивляться своему руководителю, его работоспособности, которая заражала. Его дальновидности, которая вселяла уверенность в завтрашнем дне. Его удивительной способности Уметь Жить Благородно, Достойно, Красиво.

Люди тянулись к Анатолию Павловичу. Они шли к нему за советом, за поддержкой, за помощью. И он никогда не оставлял их один на один с проблемой. Всегда выслушает, подскажет, поможет. Он относился к породе людей, которых называют людьми с золотым сердцем. Частенько говорил% "Верьте мне. Я очень тяжелый, но очень надежный". И ему верили, потому что Анатолий Павлович действительно был опорой, с ним в самом деле было тепло и надежно. В работе был человеком принципиальным и жестким. Вранье и халатность замечал с первого взгляда и ругал провинившегося так, что человеку становилось стыдно за себя. Был требовательным и к себе и к окружающим.

У него было потрясающее деловое чутье. Своей проницательностью, даром предчувствия, работоспособностью и хозяйственностью поражал всех. С увлеченностью взялся и за строительство - новое дело, которое пришлось осваивать уже после перестройки. Строительное искусство освоил быстро и во всех тонкостях. Как и любое дело, которым занимался. Когда Анатолий Павлович приезжал на объект, ничего не могло утаиться от его всевидящего ока. Люди, работающие рядом с ним, заражались его энтузиазмом руководителя и проникались его же правилом: делать хорошо или вообще не делать. Сейчас, когда строители фирмы начинают новый объект, от них часто можно услышать: жаль, нету Палыча.

Талантливые люди талантливы во всем. Анатолий Павлович - удивительный сын, любящий муж и заботливый отец. Тридцать пять лет Анатолий Павлович и Стелла Владимировна - его жена - прожили душа в душу. Вместе - в радости и горести, в болезни и здравии.

Вместе вырастили детей - Павла и Марину, для которых отец - это неизменные любовь и забота. Это человек, который научил быть личностями, научил отличать белое от черного, хорошее от плохого. Родитель, на которого хотелось быть похожим. Несомненный авторитет.

Для Анатолия Павловича понятия семьи, родители, дом были святынями. Он никогда не терял связей с родной землей - маленькой

деревней Ровбицк, что в Беларуси. Ведь там прошли детство и юность, там живут родные, там похоронена мама, самый светлый и святой человек, там корни. А корни, как известно, формируют человека. Анатолий Павлович никогда этого не забывал. Говорят, что жизнь человека измеряется не прожитыми годами, а завершенными делами. За те пятьдесят восемь лет, что были отмеряны этому жизнелюбивому человеку, было сделано столько, что хватило бы на несколько жизней. Анатолий Павлович успевал быть внимательным и понимающим отцом, любящим мужем, талантливым руководителем, чутким и мудрым человеком. Он успевал общаться с сотнями людей, задумывать и завершать огромное количество дел, строить дома и растить сад. "После нас останутся дела..." - А.П. Климец сам так говорил. И жил так, чтобы после себя оставить Дела. А сегодня, глядя с мемориальной доски у входа в "Бытрадиотехнику", он вселяет уверенность в том, что человеку многое под силу. Как ему... И не удивительно, что с Анатолием Павловичем здороваются, у него просят совета, с ним делятся радостями и горестями... Как когда-то. А он смотрит, как всегда проницательным и всепонимающим взглядом... Но теперь уже с фотографий, которые стоят во всех кабинетах его коллег. Он живет в сердцах и душах всех, кто его знал. А пока жива память о человеке - жив человек."

Прощальная встреча на могиле Анатолия Павловича Климца. Слева направо брат Александр с женой Верой Федоровной и дочерью Еленой, брат Михаил, дочь Марина Анатольевна, сын Павел Анатольевич, жена Стелла Владимировна, Савчук Александр.

Зашумит ли клеверное поле,
Заскрипят ли сосны на ветру,
Я замру, прислушаюсь и вспомню,
Что и я когда-нибудь умру.

Но на крыше возле водостока
Встанет мальчик с голубем тугим,
И пойму, что умереть – жестоко
И к себе, и, главное, к другим.

Чувства жизни нет без чувства смерти.
Мы уйдем не как в песок вода.
Но живые, те, что мертвых сменят,
Не заменят мертвых никогда.

Кое-что я в жизни этой понял –
Значит, я недаром битым был.
Я забыл, казалось, все, что помнил,
Но запомнил все, что я забыл.

Понял я, что в детстве снег пушистей,
Зеленее в юности холмы,
Понял я, что в жизни столько жизней,
Сколько раз любили в жизни мы.

Понял я, что тайно был причастен
К стольким людям сразу всех времен.
Понял я, что человек несчастен,
Потому что счастья ищет он.

В счастье есть порой такая тупость.
Счастье смотрит тупо и легко.
Горе смотрит, горестно потупясь,
Потому и видит глубоко.

Счастье – словно взгляд из самолета.
Горе видит землю без прикрас.
В счастье есть предательское что-то –
Горе человека не предаст.

Счастлив был и я неосторожно.
Слава Богу – счастье не сбылось.
Я хотел того, что невозможно.
Хорошо, что мне не удалось.

Я люблю вас, люди-человеки,
И стремленье к счастью вам прощу,
Я теперь счастливый стал навеки,
Потому что счастья не ищу.

Мне бы – только клевера сладинку
На губах застывших уберечь.
Мне бы – только малую слабинку –
Все-таки совсем не умереть.

Он так любил декламировать отдельные строки из этого замечательного стихотворения Евгения Евтушенко. Он сам жил так, как об этом писал великий поэт.

В последний свой приезд на родину он как бы между прочим произнес:

-- Я, наверное, больше не приеду.

Никто не придал этим словам серьезного значения. Их вспомнили позже.

Глава восьмая

СЫН. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛЕТА

-- Здорово ты это придумал, Павел. Правда, не знаю, как будешь претворять в жизнь свою идею. Но даже если у тебя ничего не получится, я все равно поддержу. В первый раз не получится, а во второй раз обязательно будет успех.

Слова отца окрылили готовящегося к демобилизации парня, который мечтал после службы без промедления открыть собственное дело. А оно было на тот момент (конец восьмидесятых, разгар перестройки, неограниченные возможности для применения коммерческих качеств, частной инициативы, предприимчивости) насколько неожиданным, необычным, почти сумасбродным, настолько и выверенно-беспроигрышным. Просто надо было предвидеть. А для этого требовалось хоть немного прозорливости. Наверное, у Павла она врожденная. Он собирался открывать в центре Москвы... платный туалет. Проходя службу в подмосковном Чехове, в первопрестольной

бывал часто. И, конечно же, подмечал, чем живет столица, какие здесь возможности для начинающего бизнесмена. Платные туалеты только-только входили в моду. Дело обещало пусть не баснословные прибыли, но надежный и довольно приличный доход. Вот только почему в Москве? Может, лучше начинать дома, в родном городе? А уж потом...

Пожалуй, начни отец его отговаривать от затеи, обязательно взялся бы осуществлять свой московский проект. Но Анатолий Павлович дал сыну возможность самому решать свою судьбу. Это было и по-мужски, и по-отцовски.

Павел уволился в звании старшего сержанта, как и отец. Его учебная часть (в/ч 57389) готовила технических специалистов заглубленных пунктов связи ракетных пусковых установок. Занимал должность заместителя командира взвода в роте электриков.

Отец навещал его в части несколько раз, бывая по делам в Москве. Он уже работал главным инженером и дальние командировки были для него обычным делом. В один из таких приездов Павел предстал перед родителем с огромным дипломатом в руке.

-- Вот это чемодан! – восхищенно присвистнул Анатолий Павлович.

-- Достал по бо-о-ольшому блату. Специально для тебя. Подарок. Бери.

И Павел протянул отцу дипломат.

-- Ого. Спасибо, сын. Очень дорогой подарок. Да еще и кожаный. Это же такой дефицит. Где откопал такой?

-- Секрет фирмы.

Последующие лет десять этот незаменимый дипломат-чемодан был постоянным спутником Анатолия Павловича во всех его командировках. К нему даже ключ не нужен. Набрал нужный код – и готово. Молодец, Павел. Вырос. Возмужал. К родителям сохранил нежные и трепетные чувства.

А ведь каким сорванцом был.

-- Помнишь, как градусник натирал, чтобы в школу не идти?

-- Помню. Только вы меня быстро раскусывали.

-- Да уж, нас не проведешь. Теперь, вижу, ты самостоятельный, серьезный.

-- И такую авантюру затеял!..

-- Какую авантюру? Ты о платном туалете? Нет, сын, это не авантюра. Это реальное дело. Смотри. Решишься, буду помогать. Нет. Значит, дома что-нибудь придумаем для тебя.

После долгих размышлений Павел все-таки решил начинать бизнес в родном Донецке. Но только чтобы это был настоящий бизнес. Чтобы самому вести дело. Он – лидер. Именно как лидера его воспринимают в воинской части. Значит, если тут смог повести за собой ребят, то и на гражданке сможет. Собственно, и в школе постоянно находился и в центре событий, и в центре внимания. Для одноклассников был непререкаемым авторитетом. Еще бы: спортсмен, хорошист и в то же время не занудливый чистоплюй, наоборот, душа любой компании, весельчак и зачинщик всевозможных безобидных детских авантюр.

Отслужив и вернувшись домой, так и заявил отцу:

-- Хочу зарабатывать самостоятельно.

К этому времени Анатолий Павлович уже возглавлял Донецкую “Бытрадиотехнику”. А Павел до службы в армии с отличием окончил Донецкий техникум промышленной автоматики. Значит, сыну и в фирме отца дело найдется. Вот, например, коллективные антенны устанавливать мог бы? Почему бы и нет. На первых порах можно и по квартирам клиентов побегать. Утомительное это занятие, зато доходное. А какой опыт общения с людьми нарабатывается! По ботинкам и глазам научился безошибочно определять, с кем имеет дело. Практический навык, скрепленный, словно цементом, теорией – сооружение поистине несокрушимое.

В 1990 году создается малое предприятие “Быттехника”. Возглавляет его Павел Климец. Возраст директора – 23 года. Но это как раз тот случай, когда молодость не мешает, а помогает руководить. Ведь водил же в 16 лет самостоятельно автомобиль. Отец доверял безоговорочно. И вообще, с детства приучен самостоятельно думать и решать, и отвечать за свои действия.

МП развернуло такую активную торговлю аудио- и видеотехникой, что своим влиянием охватило практически всю Украину. Тут уж хоть отцу учись у сына крутиться в новой среде, которая уже не социалистическая, но вроде еще и не совсем рыночная.

Не один раз Павел напоминал отцу:

-- Много лишних телодвижений делаешь, энергию тратишь на то, без чего можно обойтись.

Но Анатолий Павлович будто не замечал поучений. Человек иной закалки, он если и делал больше, нежели требовалось, то не жалел об этом, а только радовался. Он –трудоголик. А трудоголики работают не только для того, чтобы чего-то достичь, но и просто потому, что не работать они не могут. Он и сына собственным примером это значит – трудом, воспитывал. “Телодвижения”, по большому счету, оказались

вовсе не лишними. Просто новое поколение оказалось более расчетливым. Эту расчетливость вырабатывают новые условия жизни. Без нее попросту не обойтись, не выжить в мире бизнеса, и уж тем более не выдвинуться на ведущие позиции.

Через семь лет малое предприятие перерастает в огромное разветвленное общество с ограниченной ответственностью “Олимп”. Оно – плод труда непосредственно Павла. Ныне это уже гигантская Компания “Олимп”. Павел сумел создать ее только благодаря умению мыслить масштабными, если не сказать глобальными, категориями.

Вместе с отцом он занимался строительством ресторана "Африка", гостиницы “Прага”, казино “Каскад”, продовольственной базы, ликеро-водочного завода “ЛИК”... Но самое главное – он безошибочно определял стратегию развития своего предприятия и его политику. Вот что главное для руководителя, считал он и говорил о том же отцу, имея ввиду, что генеральному не пристало целыми днями пропадать на стройплощадках. Для этого есть прорабы, мастера, начальники участков и другие специалисты. Анатолий Павлович и сам исповедовал те же принципы – каждый на своем месте должен заниматься сугубо своим делом. Причем высокопрофессионально и отдавая работе всего себя. “Ты, дорогой, теперь себе не принадлежишь, -- любил подчеркнуть молодому руководителю производственного подразделения. – За тобою коллектив, люди. Живи их жизнью, если хочешь быть достойным руководителем.” Правда, от себя требовал еще большего. Не только общие вопросы решал, но и вникал в детали. Особенно по строительной части. Словно боялся что-то упустить: вдруг какой-то элемент объекта будет установлен или смонтирован без него, и он так и не узнает, как это делается. “Я учусь у вас”, -- не раз говорил строителям, которых просил подробно рассказывать обо всем, что касается даже самых незначительных особенностей-тонкостей возведения объекта.

-- Зачем Вам это? – недоумевал кое-кто.

-- Чтобы жизнь полнее чувствовать, весомость ее, насыщенность.

После такого ответа люди с удивлением, полным уважения, присвистывали, дескать, вот это папа, вот это настоящий лидер.

Но жизнь ставила новые требования к лидеру. И Павел улавливал их с неуловимой быстротой. При этом не теряя преемственности духовной. Да и как ее потерять. С отцом хоть и не часто счастливилось понежиться в семейном кругу, зато в его обществе каждый миг – значимый. То ли копали вместе землю, то ли в кабинете наблюдал за тем, как отец решал вопросы, демонстрируя то невероятную эрудицию, то дипломатичность, то пугающую жесткость,

то отеческую теплоту... Все это откладывало свой отпечаток на характере.

Он многими своими поступками напоминал отца. Когда-то, еще в старших классах, вместе с одноклассником Димой Пыжевичем соорудили электрическую таблицу Менделеева для родной СШ №2, где работала мама. Это было нечто. Во-первых, надо же было до такого додуматься, во-вторых – практичность, знания, ум требовалось приложить недюжинные. Как, впрочем, и обычное трудолюбие. Ведь покорпеть пришлось немало. При всей непоседливости юноши. Он занимался плаванием, борьбой, легкой атлетикой. Спорт – постоянный спутник в жизни. Он отнимал немало времени, но никогда не был помехой. Наоборот – помогал. И помогает. Это образ жизни. С такими данными можно подчинять себе эпоху. И нужно, потому что такой лидер – находка для общества. Это элита. Она выделяется из общего ряда. Она одновременно недосягаема и доступна. Потому что в ней – внутренняя сила, которая непостижима для многих, но в то же время и притягивающая многих.

Нет, не потому люди потянулись к Павлу, что он сын Анатолия Климца. А потому, что он вобрал в себя лучшие черты отца и во многом даже превзошел его.

Генеральным директором "Быттехники" его избирают осознанно. Не ради его, а ради себя. Потому что ему можно доверить себя, свою судьбу. А он так же осознанно передал полномочия человеку, которому во всем доверялся отец – Николаю Васильевичу Опалаку, главному инженеру. Он – исполняющий директор. Он определяет тактику. А уж стратегия... Ее доверено определять тому, кто обладает соответствующим мышлением, менталитетом, подготовкой, харизмой, наконец, возможностями.

Однажды, правда, дело как бы отошло на второй план. Это случилось в самом начале карьеры. Светлый образ возлюбленной затмил все вокруг. Но не надолго. Ольга стала частью его самого не только в сфере сердечной, но и той, которую у нас принято называть работой. Теперь в счастливой семье уже три ребенка: Владимир – самый старший, Настенька – средняя, а Анатолий, названный так в честь легендарного дедушки, младшенький. Несмотря на занятость, родители окружают детей заботой и вниманием. Так уж повелось в климцовском роду.

Дети растут в уюте. Прежде всего психологическом.

Параллельно растет Компания.

-- Мы трудимся над созданием экономически эффективной и социально востребованной транснациональной корпорации,

деятельность которой базируется на высоком профессионализме и стремлении к социальной гармонии. – Так определил свое видение “Олимпа” его предводитель Павел Климец.

Он превзошел отца.

Отец так любил движение, развитие, совершенствование… Но такой динамике, наверное, удивился бы даже он. И порадовался бы. Его дело не просто живет – оно здравствует, ширится, дает великолепные плоды. И все это – благодаря сыну.

Из выступления заместителя Председателя Правления Компании “Олимп” по производству Олега Жугина в газете “Вести с Олимпа”:

“ “Олимп” сегодня – это оснащенное по последнему слову техники современное, высокотехнологичное производство. Это самые почетные награды и признание самых элитных конкурсов за высокое качество производимой продукции. Это свыше двух тысяч слаженно работающих профессионалов в области производства ликеро-водочной продукции. Это стремление всегда и во всем быть первыми.

Наша продукция – это душа, талант, любовь, тепло каждого человека, который трудился над ее созданием. То, что качество не вызывает у покупателей никаких сомнений и продукцию знают и предпочитают другим торговым маркам, -- высокий показатель работы команды профессионалов, которые, совершенствуясь сами, совершенствуют создаваемый ими продукт. Не каждая компания с четырехлетним стажем может похвастаться такими результатами.

Мы – сотрудники Компании, и есть та основная ценность, которая способна и в будущем все громче и громче заявлять, что “Олимп” – это не только высокое качество, но и новые идеи, новые решения, новые высоты и успехи.”

Из выступления заместителя Председателя Правления Компании “Олимп” по маркетингу Юлии Спмойловой в газете “Вести с Олимпа”:

“Для многих из нас “ОЛИМП” – это не только место работы. Это любимое дело, круг интересов, особая философия и удовольствие работать с профессионалами, которыми являемся и мы. Именно поэтому продукция нашей корпорации обладает своим уникальным духом.”

Нет, он весь не умер. Его высокий полет продолжен сыном. Еще более талантливым, еще более работоспособным, еще более совершенным…

ОТ АВТОРА

(Вместо эпилога)

Писать о человеке и быть к нему равнодушным -- невозможно. Это аксиома. Тем более невозможно быть равнодушным к такой светлой и незаурядной личности, как Анатолий Павлович Климец. Жаль – не пришлось встретиться с ним при жизни. Но сколько приятных минут пережито во время сбора материала для этого документального повествования. Десятки людей в родной припущанской деревушке Ровбицк, поселке Шерешево, Бресте, а затем в Донецке, словно сговорившись, повторяли: добрый, участливый, душевный, трудолюбивый, смекалистый, умный, веселый, отзывчивый, заботливый… Преобладали эпитеты, в которых герой предстает человеком, всегда готовым придти на помощь. С каждым новым услышанным и записанным эпизодом Анатолий Павлович становился не просто ближе и роднее… Такое чувство, будто он внутри тебя, в той части души, где самое святое и сокровенное: мечта, идеал, преданный друг, любимая, дети. Будто вместе мы собирали ландыши в пуще, ловили рыбу и вьюнов в болотистых водоемах, провожали в последний путь его легендарного отца, собирали телевизоры в училище, коченели от холода на посту во время службы в учебке, метались по стройкам, брали по рюмочке с работягами и одновременно решали глобальные вопросы… Он даже после смерти сохранил способность легко сходиться с людьми и дружить, оставаться настоящим, верным, преданным другом.

Он словно чувствовал, что земной жизни ему отведено не так и много, и старался запечатлевать ее всеми подвластными способами. Много фотографировал. Сам. Лично. При первой же возможности приобрел видеокамеру. Правда, снимал все больше других. Но один эпизод с его участием во время пребывания в Бресте все же остался на видеопленке.

При его появлении на телеэкране, кажется, светлеет комната. Видно, что участники сюжета уже изрядно замочили встречу. Анатолий Павлович дурачится с маленькой дочерью племянницы Светланы Настей.

-- Что это у тебя?

-- У-у-ушко-о-о!

-- Нет, не ушко. Это – нос.

-- Не-ет, у-ушко-о!

-- Нос. А это что?

И они долго и мило веселятся. И не верится, что в кадре – генеральный директор. Просто хороший человек, добрый молодой дедушка.

Дети – они как индикаторы. Точно улавливают, кто рядом. Настенька рядом с дедом Анатолием счастлива. Уже одного этого достаточно для того, чтобы к человеку появились симпатии. Даже если ни разу с ним не встречался.

Писать о таком человеке – удовольствие. Пережить вместе с героем с самого начала и до конца жизнь, вобравшую в себя целых две эпохи, для писателя и почетно, и полезно, и просто здорово. Ведь книга -- лишь частичка того огромного величественного айсберга, который заполнил автора во время подготовки текстового материала. Большая, невидимая часть – в авторе навсегда. Причем айсберг этот необычный: он – не льда глыба, а теплоты.

Спасибо, Анатолий Павлович, за то, что Вы были. И спасибо за то, что Вы есть.

Спасибо, Павел Анатольевич, за предоставленную возможность прикоснуться к эпохе, которую олицетворяете Вы и Ваш отец, а вместе – династия Климцов-Лифшицей.

Как-то в руки мне попал “Кодекс сотрудника Компании “Олимп”. Первый же его пункт гласит: “Каждый сотрудник достоин уважения”. Прочел его и первое, о чем подумал: ведь это жизненное кредо генерального директора Донецкой “Бытрадиотехники” Анатолия Климца. И про себя воскликнул: “Вот это преемственность! Вот она – эстафета человечности!” За каждым следующим пунктом тоже видится Анатолий Павлович. Вчитаемся:

“Сочетание высокой степени профессионализма и творческого подхода к процессу ведения бизнеса ––уть к процветанию.

Профессионализм и порядочность – кредо каждого сотрудника.

Будь предупредительным и внимательным к людям. Дорожи каждым клиентом.

Будь энергичным и коммуникабельным. Самообучайся. Развиваясь сам, ты развиваешь Компанию.

Будь позитивным и поддерживающим. Упреждай конфликты разумными компромиссами.

Единство Компании в единстве подразделений. Единство подразделения в сплоченности коллектива.

Прикладывай максимум усилий для достижения поставленных целей.

Успех сотрудника – успех Компании. Успехи Компании – успехи сотрудников.

Тщательно планируй работу. Порядок бережет время.

Принимай взвешенные и своевременные решения, используя качественную информацию.

Созидай, помня о будущем.”

В этих тезисах – весь Анатолий Климец. И весь Павел Климец. Они перенесли свое понятие работы и жизни на всю Компанию. А Компания – это тысячи, а теперь уже и десятки тысяч человек. Значит, по их образу и подобию строится общество.

Потребовалось три поколения, чтобы здоровое зернышко подарило людям свои замечательные плоды. А ведь и это еще только начало. Впереди новые свершения, новые ступеньки к вершине Совершенства.

-

В книге использованы стихи Игоря Шкляревского, Ивана Бунина, Евгения Евтушенко и других поэтов

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ

ДЕТСТВО

ОТРОЧЕСТВО

ЮНОСТЬ

СЛУЖБА В АРМИИ

ВОСХОЖДЕНИЕ

ЗРЕЛОСТЬ. РАСЦВЕТ

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

СЫН. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛЕТА